

час пик

МАКС ЛЕМБЕРТОН

ЖЕЛЕЗНЫЙ ТИРАТ

Библиотека Романовъ
[Приключенія на сушь и на море]

Железный Тигр

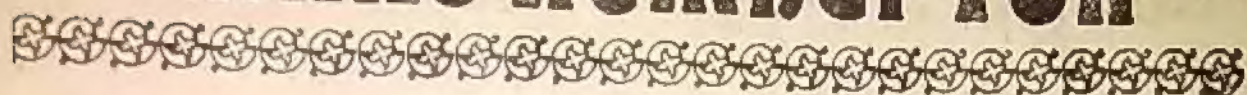
Романъ

Макса Ламбертона

С.-Петербургъ
Изданіе Л. Л. Сойкина
12. Стрелкина, 12

МАКС ЛЕМБЕРТОН

**ЖЕЛЕЗЫЙ
ПИРАТ**

РОМАН

час пик

Санкт-Петербург
1992

84.4. Вл
П23

Художник В. Г. Гузь

Печатается по изданию: Пембертон М. Железный
пират: Роман. — СПб., 1907.

I

Сумасшедший просит о милости

«En voiture, en voiture!» — раздавался вдоль платформы крик железнодорожных служителей, торопивших пассажиров занимать свои места. Но рослый англичанин у буфета еще заказывал себе завтрак, а хорошенькая американка, не торопясь, прихлебывала свой кофе, вопросительно поглядывая по сторонам. Как обычно, многие спешили и суетились, торопясь в вагон, но привычные путешественники, с улыбкой смотревшие на них, не спеша шли к своему месту. Проходила минута за минутой, а поезд все еще стоял, несмотря на то, что какой-то суетливый господин, кинувшийся при первом крике «en voiture!» к своему вагону, затем вернувшийся впопыхах к буфету, уже минуты три жалобно заявлял во всеуслышание, что он непременно опоздает на поезд.

Я стоял у вагона, поджидая своего сумасшедшего приятеля. Через минуту поезд отправлялся из Кале в Париж, а его все еще не было. Куда он мог запропасться? — думал я. Это был совершенно невозможный человек, этот маленький, нервный господин, с узкими, точно щелочки, глазами, коротко стриженными волосами и странной таинственностью манер и поступков.

Случай столкнул меня с ним в Каусе, где я

сел на свою яхту «Сельзис». Было это месяца три тому назад, и с тех пор этот странный человек следовал за мной, как тень. Он садился, непрощенный, за мой стол, ел мой хлеб и пил мое вино, и, по-видимому, относился безучастно ко всему, не исключая даже своей собственной персоны. Для него как будто не существовало никаких законов; ни в суждениях, ни в желаниях его не было, казалось, никакой последовательности: сегодня он хотел одного, завтра требовал совершенно другого, вчера утверждал, что земля имеет яйцевидную форму, а сегодня доказывал, что она круглая. При всем при том, однако, в нем было что-то чрезвычайно привлекательное, что-то неуловимое, непонятное и загадочное, и я не только терпел его подле себя, но даже как-то странно привязался к нему.

Так и теперь, я рисковал пропустить свой поезд в Париж и остаться еще на несколько часов в Кале из-за этого сумасброда, этого совершенно чужого и почти незнакомого мне человека.

— Да идите же, наконец! — сердито крикнул я, заведя его на конце платформы, в тот момент, когда поездная прислуга уже захлопывала дверцы вагонов. — Разве вы не видите, что поезд уходит?!

Он продолжал идти не торопясь, как будто не слыша.

— Да ну же, Холль, Хилль, Хелль, или как вас там зовут, спешите или оставайтесь, я еду! — крикнул я и вскочил в вагон.

В следующий момент кондуктор довольно бесцеремонно втолкнул в наше отделение моего спутника и захлопнул за ним дверь. Бедняга, потеряв равновесие, упал на свою шляпную картон-

ку, задев при этом Родрика, которого разбудил, и тут же извинился.

— Мне остается только пожелать, чтобы вы в следующий раз входили в вагон не на четвереньках, — ворчливо заметил Родрик, — и не будили людей, которые только что собрались заснуть. Я говорю не о себе, а о сестре, которую вы потревожили! — добавил он.

Мой сумасшедший принялся извиняться перед Мэри, но Родрик уже крепко спал; хорошенькая головка Мэри, вопреки ее уверениям, также склонилась на подушку. Мой загадочный спутник, казалось, тоже дремал.

Какая странная компания собралась в этом отделении вагона! — думалось мне. Об этом человеке, которого все мы называли сумасшедшим, я не знал решительно ничего, а о двух остальных моих спутниках знал все, что только можно было знать. С Родриком мы мальчиками сидели на одной школьной скамье, затем вместе учились в Кембриджском университете; вкусы и цели наши в жизни были одни и те же, впрочем, быть может, потому лишь, что пока никто из нас не имел еще определенной цели.

Родрик, подобно мне, был круглый сирота, ему в это время было 24 года, я был годом старше. Прежде чем избрать какой-нибудь путь в жизни, и он, и я хотели ознакомиться с ней и тогда только решить этот важный вопрос, а пока единственной заботой моего друга была его сестра Мэри, которая осталась всецело на его попечении и к которой он питал поистине трогательную привязанность.

После своей кончины мой отец оставил мне 50 000 фунтов стерлингов, но к тому времени, ког-

ку, задев при этом Родрика, которого разбудил, и тут же извинился.

— Мне остается только пожелать, чтобы вы в следующий раз входили в вагон не на четвереньках, — ворчливо заметил Родрик, — и не будили людей, которые только что собрались заснуть. Я говорю не о себе, а о сестре, которую вы потревожили! — добавил он.

Мой сумасшедший принялся извиняться перед Мэри, но Родрик уже крепко спал; хорошенькая головка Мэри, вопреки ее уверениям, также склонилась на подушку. Мой загадочный спутник, казалось, тоже дремал.

Какая странная компания собралась в этом отделении вагона! — думалось мне. Об этом человеке, которого все мы называли сумасшедшим, я не знал решительно ничего, а о двух остальных моих спутниках знал все, что только можно было знать. С Родриком мы мальчиками сидели на одной школьной скамье, затем вместе учились в Кембриджском университете; вкусы и цели наши в жизни были одни и те же, впрочем, быть может, потому лишь, что пока никто из нас не имел еще определенной цели.

Родрик, подобно мне, был круглый сирота, ему в это время было 24 года, я был годом старше. Прежде чем избрать какой-нибудь путь в жизни, и он, и я хотели ознакомиться с ней и тогда только решить этот важный вопрос, а пока единственной заботой моего друга была его сестра Мэри, которая осталась всецело на его попечении и к которой он питал поистине трогательную привязанность.

После своей кончины мой отец оставил мне 50 000 фунтов стерлингов, но к тому времени, ког-

да начинается мой рассказ, я растратил более 40 000, и, кроме яхты «Сельзис», у меня оставалось теперь всего несколько тысяч.

Сидя теперь в вагоне, я с величайшим удовольствием последовал бы примеру остальных моих спутников, спавших крепким сном, так как чувствовал себя утомленным после своего морского путешествия на яхте, доставившей всех нас в Кале, и, наверное, уснул бы, если бы не видел по несомненным признакам, что мой загадочный приятель имеет сообщить мне что-то особенно важное. Он беспокойно метался на своем месте, нервно потирал руки, шелестел какими-то бумагами, которые достал из кармана своего пальто, и поминутно перелистывал их дрожащими пальцами, причем его маленькие серенькие глазки сверкали, тревожно бегая по сторонам. В ожидании, что он вот-вот заговорит, я делал вид, что однообразный пейзаж по обе стороны пути чрезвычайно интересует меня, и силился превозмочь одолевавшую меня дремоту. Наконец, он заговорил, но теперь уже не казался помешанным, как раньше.

— Ведь они оба спят? Не так ли? — вдруг спросил он, положив мне руку на плечо и указывая на Родрика и Мэри. — Однако не мешало бы вам совершенно удостовериться, прежде чем я начну говорить, если только вы позволите мне высказаться и согласитесь выслушать меня; я хочу просить вас об одной милости...

Видя его столь серьезным и озабоченным, я был до того поражен этим необычным явлением, что больше смотрел на него, чем на Родрика и Мэри. А он продолжал глядеть мне в глаза тревожным, молящим взглядом, какого я никог-

да раньше не видал у него. Я поспешил уверить, что он смело может говорить, что Родрик спит и что если бы даже он проснулся, то я готов поручиться за него, что он ни в коем случае не выдаст его.

— Я хотел поговорить с вами уже несколько дней тому назад,— сказал мой собеседник, продолжая вертеть в руках свои бумаги,— но вы были все это время так заняты, что я никак не мог уловить удобной минуты. Вам, конечно, должно казаться странным, что, находясь в вашем обществе столько времени, я до сих пор не сказал вам ничего о себе, кроме своего имени. И вы были настолько деликатны, что не расспрашивали меня ни о чем. Если я обманщик, то вы не пытались разузнать об этом; если я мошенник, преследуемый властями, вы не старались содействовать моей поимке; и поверьте, я умею ценить подобное отношение. Вы не знаете даже, есть ли у меня деньги или нет, есть ли дом, семья или нет, родные и друзья, и, несмотря на все это, сделали меня, если смею так называться, своим другом!

Последние слова он произнес таким тоном, что я невольно пожал ему руку.

— Я очень признателен вам за доверие,— продолжал он,— тем более что мало имел друзей в своей жизни, да, по совести, никогда и не искал их. Вы же одарили меня своей дружбой добровольно, и я тем более ценю ее. Теперь я выскажу вам свою просьбу: если я умру до истечения трех суток, не откажитесь вскрыть вот эти бумаги, которые я приготовил для вас, и обещаю, что исполните все, что в них заключается, с возможной точностью. Это не пустая просьба,

могу вас уверить. Моя просьба поставит вас в то положение, в каком нахожусь я сам в настоящее время, но с несравненно большими шансами на успех, чем я смею даже мечтать для себя. Что же касается опасностей, сопряженных с этим делом, то они достаточно серьезны, но вы способны преодолеть эти опасности, как надеюсь преодолеть их и я, если только останусь жив!

Слова Мартина Холли — так звали моего таинственного приятеля — вызвали у меня тоскливое, щемящее душу чувство. Я считал этого человека безрассудным, сумасшедшим, сумасбродом с постоянно меняющимися намерениями, легкомысленным и непостоянным — и вдруг он говорит мне о какой-то тайне, о своей близкой, быть может, смерти. Его слова произвели на меня глубокое впечатление, но я старался скрыть это от него и потому отвечал в легком, шутливом тоне.

— Прежде всего скажите мне, вполне ли вы уверены в том, что говорите серьезно?

В ответ на это он предложил мне взять его руку. Она была холодна как лед.

— Послушайте, Холль, если вы не дурачитесь, — сказал я, — и действительно хотите, чтобы я сделал для вас то, что вы сами же называете «милостью», то вы должны быть более откровенны со мной и высказаться полнее: во-первых, скажите мне, откуда у вас взялась эта дикая мысль; что вы можете умереть в течение этих трех дней, во-вторых, какого рода обязательства желаете вы возложить на меня, так как сами понимаете, что я не могу обещать вам исполнить то, о чем не имею ни малейшего представления. Итак, давайте начнем сначала: почему вы, например, отправляясь в Париж, насколько

мне известно, как простой путешественник, без всякой определенной цели, вдруг высказываете опасения, что вас подстерегает какая-то там таинственная напасть, быть может, даже смерть. Ведь вы не знаете в этом городе ни одной души?

Холнь тихо засмеялся в ответ и перевел взгляд в окно, но минуту спустя обернулся ко мне, и глаза его светились странным огнем.

— Вы говорите, — заговорил он, — что я еду в Париж без всякой определенной цели? Я, который ждал целые годы того дела, которое, как надеюсь, мне удастся исполнить в эту ночь, тотчас же по приезде в Париж?! Вы хотите знать, зачем я еду в Париж? Я еду туда, чтобы встретиться с человеком, которого, не пройдет года, как станут преследовать все правительства Европы, который, если я сегодня не схвачу его за горло в самый разгар его грязных дел, усеет могилами землю, как эти сосны усеивают ее по осени своим иглами. Он и не помешанный, и не здоровый, и, зная он о моих намерениях, он скомкал бы меня и раздавил, как я комкаю и даблю эту бумажку. Это человек, который имеет все, что только можно желать в жизни, и которому всего этого мало. Он может повелевать в десяти городах, у него везде есть деньги и люди: полиция против него так же бессильна, как против морского прибрежья; человек, убийственные замыслы которого превосходят все, что могло когда-либо измыслить самое преступное воображение, что когда-либо заносилось в хроники преступлений, — и вот помериться с этим человеком я и еду в Париж!

— И вы рассчитываете утопить его? Какое же отношение имеете вы к этому человеку? — с удивлением спросил я.

— В данный момент, пожалуй, никакого, но через месяц я буду иметь к нему денежное отношение; не позже как к началу декабря за его голову будет предложено 50 000 фунтов. Это так же верно, как то, что мы говорим с вами!

— И вы рассчитываете встретиться с ним в Париже? — продолжал я.

— Да, сегодня же вечером я увижу его, а через три дня я или все выиграю, или все потеряю, или буду торжествовать, или погибну. Тайна его станет моей. Если же я потерплю неудачу, то вы будете продолжать начатое мною дело и следовать за той нитью, которую я нашел и с громадным трудом в течение целых трех лет распутывал!

— Но, позвольте узнать, какого это рода человек?

— Это вы увидите сами, если только рискнете пойти вместе со мной. Я встречу с ним сегодня в восемь часов вечера!

— Если рискну? — воскликнул я. — Вряд ли тут может быть много риска.

— Вы рискуете очень многим: это дело далеко не безопасное. Об этом я считаю долгом предупредить вас. Посмотрите, барышня просыпается!

Действительно, Мэри раскрыла глаза и сказала с непритворным удивлением:

— Я, кажется, спала?

Родрик встряхнулся, протер глаза и спросил, проехали ли мы Шантильи, а мой сумасшедший стал суесться, подзывая носильщиков, как только мы въехали в полумрак вокзала и вдоль бескопечной платформы замигали фонари. Я не верил своим глазам, глядя на него, не верил, что

Этот самый человек всего несколько минут тому назад говорил со мной о таких странных вещах, и еще менее мог сродниться с мыслью, что ему оставалось, быть может, недолго жить.

Но таковы, видно, пути судеб, скрытые от наших взоров.

II

Капитан Блэк

Ярко освещенные улицы Парижа приводили Мэри в восторг; у нее поминутно вырывались громкие возгласы удивления и восхищения, пока мы ехали по бульвару Капуцинов и наконец остановились у отеля «Скриб». Даже Родрик, особенно любивший Париж, не спал, с удовольствием смотря на сестру.

— Самое лучшее, что мы можем сегодня сделать, — сказал он, — это вкусно пообедать в одном из лучших ресторанов. А в деле гастрономии я знаток, и вы, надеюсь, предоставите мне заказать обед на четверых!

— Будьте добры заказать только для двоих, милейший, — паясничал Холль, — мистер Марк Стронг был столь любезен, что соблаговолил согласиться отобедать сегодня со мной, причем, по свойственному ему великодушию, взялся оплатить счет за обед, о чем я имею честь доложить вам. Правду я говорю, мистер Марк? — обратился он ко мне.

Я подтвердил его слова.

— Я действительно обещал быть сегодня вечером с мистером Холлем у одного из его друзей, и потому вам сегодня придется пообедать вдвоем с Мэри, а затем тебе ничто не мешает лечь

спать или же пойти с Мэри купить ей кое-каких пустячков!

— О, да, да! — радостно воскликнула девушка. — Это будет прелестно, милый Родрик!

— Я ничего не имею против, чтобы пойти и закупить тысячу безделушек, — пробурчал Родрик, — но желал бы, Марк, чтобы ты не расставался с нами в первый же день нашего приезда в Париж!

— Господа, не может ли кто из вас сказать мне наверное время, английское или французское, безразлично? Мои часы до того взволнованы тем положением, в каком они находятся, что запаздывают на четырнадцать часов! — прервал нас Холль.

Я сказал ему, что теперь десять минут восьмого.

— Десять минут восьмого! — воскликнул он. — А полдюжины русских князей, не говоря уже об английском рыцаре, ожидают нас к восьми часам! Я не успею даже переменить своего туалета! Не может ли кто-нибудь одолжить мне гребенку, цельную или дробную, безразлично?

Так он болтал в то время, как мы поднимались по лестнице гостиницы, и вплоть до того самого момента, когда мы с ним очутились одни в моей комнате, куда он последовал за мной.

— Живо! — вскричал он, доставая какие-то предметы из своей шляпной коробки. — Очки, парик да десяток редкостных вещей для продажи, вот и все! — бормотал он. — Ну, похож я теперь на торговца-старьевщика, мистер Марк?

Никогда в жизни я не видел ничего подобного, такого полного, поразительного превращения при помощи столь несложных приспособлений!

Никто не мог бы признать в этом подслеповатом, сгорбленном и сутуловатом еврее, трясущемся от корыстолюбия и жалкой трусливости, моего сумасбродного приятеля Мартина Холля. Манера держаться, походка, малейшие жесты — все это было верхом сценического искусства, но он не дал мне времени ни распространяться на эту тему, ни даже спросить его, к чему было нужно подобное превращение.

— Тут пять минут ходьбы, а теперь скоро восемь, пора! Идемте! — сказал он и вышел из комнаты.

Мы спустились с лестницы, вышли на улицу, потом, пройдя по бульвару Гаусман, свернули на улицу Жувер и вдруг совершенно неожиданно очутились в устье небольшого переулка, выходящего в какой-то узкий проулок.

— Мы у цели, — скороговоркой пробормотал Холль, — здесь, на третьем этаже. Помните, что вы мой человек, который поспит за мной вот эту шкатулку, и первое условие — не раскрывайте рта, будьте немы как рыба, что бы вы ни видели, что бы ни слышали, не го вы рискуете получить нож в бок, как и я. Вы немой, единственный звук ваш — это «мм», «мм», и ничего более. Помните!

— Хорошо, но если мы идем в такую трущобу, где нас могут ежеминутно пырнуть ножом в бок, то не лучше ли было бы захватить с собой оружие? — спросил я.

— Оружие! — презрительно повторил за мной Холль и большими шагами взбежал на третий этаж.

Я последовал за ним, и вскоре мы стояли у тяжелой дубовой двери. Мой спутник постучался

и еще глубже надвинул на глаза свою шляпу. Отвста изнутри не последовало, только кто-то мощным, раскатистым, точно грохот канонады, голосом распевал какую-то бравурную разбойничью песню, расхаживая из компаты в комнату. Когда этот громовой голос смолк на минуту, Холль снова постучал в дверь и замер, ожидая, пока откроют.

Накопец, мы услышали, как тот же грубый голос громко крикнул:

— Эй, Сплинтерс! Убери-ка хлам в сторону!

Послышалась возня, суетливое шлепанье туфель, и, наконец, когда весь хлам был прибран, кто-то подошел к двери.

— Холя! Да это штопанный жид с его редкостными безделушками! Что так рано, приятель? — воскликнул все тот же громовой голос, и за дверь высунулись голова и грубая жилистая рука, окутанная грязной красной фланелью. Всклопоченная голова с целым лесом грязно-желтых волос и неумытым лицом была далеко не привлекательна. В красных, как у кролика, глазах было лукаво-насмешливое выражение, а громадный пирам поперек щеки как-то особенно шел к его отталкивающей наружности и медно-красному лицу. Самый смех его в то время, как он шутливо приветствовал моего спутника, невольно заставлял содрогаться того, кто его слышал. Что касалось меня, то, забыв наставления Холля, при взгляде на него я отшатнулся и попятился назад. Он заметил это, и глаза его гневно сверкнули; широко осклабя свои громадные зубы, выступавшие с левой стороны поверх губы, он обратился ко мне, глядя насмешливо и недобро:

— А ты кто такой, приятель, что не подхо-

диш
мой
дуб
рам,
если
все
З
боль
нату
со св
Идя
где в
не мо
или в
это об
пезы,
и одея
шимис
рые, в
положе
людей
щейся
кружке
Ник
ло; оче
на тех
теперь
большо
видно,
люди б
из грубо
синие н
ный пол
пож; на
ного вид

лишь здороваться с Ревущим Джоном? Будь ты мой сын, парень, я бы тебя вымуштровал доброй дубиной. Чего вы не обучите его еврейским манерам, Жосфос? Ну, да что тут долго рассуждать; если есть подходящий товаред, входите да идите все прямо, вон туда!

Заперев дверь, он пошел вперед, а пройдя небольшую переднюю, вошел в странного вида комнату и уже с порога заявил: «Это жид Жосфос со своим товарищем пожаловал к нам на судно». Идя за ним следом, я очутился в помещении, где в первую минуту сквозь густой табачный дым не мог ничего различить, затем разглядел шесть или восемь человеческих фигур, не сидевших, как это обыкновенно бывает, за столом во время трапезы, а возлежавших на кучах грязных подушек и одеял перед низкими длинными столами, тянувшимися вдоль всех четырех стен комнаты, которые, как я потом разглядел, состояли из досок, положенных на кирпичи. Перед каждым из этих людей стояла большая чашка с горячей, дымящейся похлебкой, краюха хлеба, по жестяной кружке и большому комку жвачного табаку.

Никакой другой мебели в этой комнате не было; очевидно, эти люди тут же и спали, где ели, на тех же подушках и одеялах, на которых они теперь валялись. Подле каждого лежало по небольшому красному узелку, составлявшему, очевидно, частную собственность каждого. Все эти люди были одеты в одинаковые красные рубахи из грубой шерсти, матросские штаны и широкие синие куртки; на каждом был широкий ремешок, на котором болтался большой складной нож; на руках у всех браслеты и какие-то странного вида кольца. Люди были всех возрастов, от

двадцати пяти лет и до шестидесяти. Все они несли на себе следы продолжительной службы в море: грубые, загорелые лица, у многих украшенные шрамами, в чертах их отражались не обузданные страсти; шутки казались страшными угрозами, а смех вызывал жуткое чувство. Комната напоминала клетку диких зверей, кровожадных и коварных, страшных и отвратительных.

Но Мартин Холль, по-видимому, чувствовал себя здесь как дома. Была минута, когда у меня мелькнула мысль, что он завел меня сюда с дурным намерением. Но вскоре я отбросил ее. Между тем мой спутник прошел прямо в конец комнаты, где сидел человек, сразу привлечший мое внимание как своим внешним видом, так и тем благоговейным почтением и трепетом, с какими к нему относились остальные. Он сидел за общим столом на почетном месте, но не на груди подушек, как другие, а на дорогах звериных шкурах: медвежьих, тигровых, белых песцов и других, и один из всех был в цивильном платье и белой крахмальной сорочке. Насколько я мог судить, это был господин небольшого роста, с черной бородой и нежной кожей лица, с большим, довольно красивым носом и высоким умным лбом; у него были маленькие белые руки, увязанные кольцами; чудный пешлифованный рубин висел в качестве брелока на золотой цепочке его часов. Густые черные кудри, ниспадавшие на плечи, казалось, давно не видали гребня, что, впрочем, являлось характерной чертой всех собравшихся здесь людей. Этому человеку вся эта необузданная толпа повиновалась по первому слову; к нему все без исключения питали какое-то благоговейное обожание.

Так я впервые увидел этого человека, возмутительные дела которого в скором времени должны были стать известны мне, дела, которые взволновали и возмутили весь мир, а меня вовлекли в такие приключения и опасности, при одном воспоминании о которых я невольно содрогаюсь.

Первым заговорил Холль, и я, хорошо знавший его, заметил, что он говорит сильно в нос, гнусавым голосом, присущим многим евреям.

— Я явится к вам, мистер Блэк, как вы того желали, с кое-какими маленькими, но весьма ценными вещами, чудными вещами, за которые заплатил очень большие деньги!

— Хо, хо! — воскликнул капитан Блэк. — Слышите, вот жид, заплативший большие деньги за несколько маленьких вещей! Посмотрите-ка на него, ребята? У жида много денег! Выверните-ка его карманы наизнанку! Ха, ха! Дайте-ка, ребята, жиду и его жидешку что-нибудь выпить!

Веселье капитана было с шумом подхвачено всей его компанией; кто-то ткнул мне под нос свою грязную жестяную кружку, и, к великому моему удивлению, в ней оказалось не пиво, а шампанское, притом, судя по его букету, высшей марки.

Что же это были за люди? Грубые, грязные, полупьяные матросы, которые носят на руках цепные бриллианты и пьют из жестяных кружек дорогое шампанское?

Между тем по первому знаку капитана шумная, грубая возня и шутки этих людей разом прекратились, и Холль стал выкладывать перед ним на белый песцовый мех свои драгоценности.

— Вот, мистер Блэк, портрет императора На-

полеона, — загнусавил Холль, — находившийся некоторое время в руках императрицы Иозефины, чудная, редкая работа... Вот теперь, принадлежащая дону Карлосу! Потрудитесь взглянуть на отделку: ведь это чисто художественное произведение. Я заплатил за эти вещи целую уйму денег!

— К черту вас с этой уймой денег! — воскликнул Блэк, гневным жестом отшвырнув от себя ценные вещицы. — Говорите свою цену за весь этот хлам, и дело с концом! — заявил он. — Сколько, например, за эго? — спросил Блэк, держа перед глазами миниатюрный портрет Наполеона, причем взгляд его выражал восхищение знатка.

— Это работа Вильяма Росса, — продолжал Холль, — и я готов уступить ее за 200 фунтов стерлингов, ни гроша меньше, — или я разорен вконец!

— Слышите, жид разорен вконец! — захохотал Блэк. — Эй, Четвероглазый, дай-ка ты ему тумака! (Последние слова были обращены к рослому парню, который, развалясь тут же у стола, крепко спал.) Видите, этот маленький жид не может уступить свой хлам меньше чем за 200 фунтов. Ну, конечно! Слышишь, Сплинтерс, уплати ему триста золотых за его воровское, грешное добро!

Сплинтерс, черноволосый мальчуган лет двенадцати, встал со своего места и снял с крюка на стене большой холщовый мешок, из которого отсчитал 300 золотых европейской и американской монетой, а Холль, сидевший теперь на корточках на полу, взвешивая их на руке, обратился к капитану с вопросом, тогда как мальчуган с лицом мученика и страдальца, свидетельствующим о

стоять
капита

Холль,
очень
если то
ность
вы ух
прихва
муте, а
вещи и

Лица
сверкну
сжал ку
рался у
еврея, н
еще раз
ужасный

— Т
мое суд
мом. — Т
ровой пр
роглазый

Четве
тан, был
ских раз
ся волос
серо-син
смотревш
зался бо
пые его т
даже по
ной рубах
а на нога

щим о дурном обращении, продолжал неподвижно стоять на месте, ожидая дальнейших приказаний капитана.

— Господин капитан, — таинственно сказал Холль, — завтра меня будет ожидать в Плимуте очень ценная редкость — меч Джопа Хоукинса, и если только я буду жив, эта замечательная древность не минет ваших рук. Я слышал от вас, что вы уходите завтра поутру, и потому думаю, не прихватите ли вы меня с собой. Я там же, в Плимуте, мог бы предложить вам великолепнейшие вещи и уступил бы вам даже с убытком!

Лицо капитана вспыхнуло гневом, глаза сверкнули огнем бешенства и дикой злобы; он сжал кулак и сделал такой жест, как будто собирался уложить на месте тщедушного маленького еврея, но сдержался. Я бы не решился выдержать еще раз такой взгляд, каким смерил Холля этот ужасный человек.

— Так вы желаете, чтобы я принял вас на мое судно? — сказал капитан с едким сарказмом. — Торговец редкостями желает получить даровой проезд! Ну что ты на это скажешь, Четвероглазый? Взять нам этого человека на судно?

Четвероглазым, к которому обращался капитан, был загорелый, коренастый мужчина гигантских размеров — ирландец со светлыми вьющимися волосами и большими, широко раскрытыми серо-синими глазами, довольно добродушными, смотревшими смело и серьезно. Человек этот казался более честным и порядочным, чем остальные его товарищи, и несколько отличался от них даже по внешнему виду: поверх красной шерстяной рубахи на нем был горохового цвета пиджак, а на ногах пара вышитых туфель. Это был чело-

век рассудительный, говоривший мало, но обдуманно.

Выслушав вопрос капитана, он, прежде чем ответить, пристально посмотрел сперва на него, потом на Холля, затем сделал большой глоток из стоявшей перед ним жестяной кружки, посмаковал и сказал:

— Я бы взял его! — С этими словами он откинулся на свои подушки, как будто изрек решительный приговор, и кивнул капитану; тот тоже кивнул ему в ответ, и на этом дело было окончено.

— Мы уходим сегодня в полночь, пользуясь приливом, — сказал Блэк, — и вы можете явиться на судно, когда хотите... Эй, Силлинтерс, уберите все это в сундук! — указал он на миниатюру и остальные вещи.

Мальчуган протянул дрожащие, неуклюжие руки, чтобы принять от капитана эти предметы, но, по неловкости, уронил миниатюру; та упала на пол и треснула. Блэк обернулся. Обезумевший от страха мальчик упал на колени, прося пощады, но Блэк со всей силы ударил его ногой в грудь, так что он рухнул, не издав даже крика: у него перехватило дыхание.

— Ребята, вложите ему дюжину горячих ремнями! — крикнул изверг.

Не успев договорить, как громадного роста дитя схватил мальчика и зажал его голову между ногами, тогда как другой, быстро сдернув с себя ремень, тяжелой пряжкой принялся наносить несчастному жестокие удары; пряжка вырывала клочки мяса, и кровь струями лилась на пол. Это вызвало необычайную веселость у присутствующих, а же делал над собой нечеловече-

ские угов. Хо бы случ кой сил

Когда ли песк брал его ту, посл час же селел.

— Эй нул он, — восемь ч

Дик, мый, про

— Бе плоть! Не стер Блэк а без то коком на — Слб служить в ну же, Ди краснореч

Наконе дорогие и этому цел «Грено». I можно ско да этих лю

Холль взгляд, по место. Разг ли вливать Ревущий Д

скино усилия, чтобы не броситься на этих пзвергов. Холль, догадавшийся о моих чувствах, как бы случайно положил свою руку на мою и с такой силой сжал мои пальцы, что они затрещали.

Когда мальчик лишился чувств, его еще пнули несколько раз, а затем Ревущий Джон подобрал его с пола и вышвырнул в смежную комнату, после чего это маленькое происшествие тотчас же было забыто, и капитан совершенно повеселел.

— Эй, Джон, пусть вам дадут поесть, — крикнул он, — а ты, Дик, читай молитву, ты последние восемь часов только и делал, что спал!

Дик, рыжеволосый шотландец, тощий и угрюмый, протирая глаза, пробормотал:

— Без пищи и питья не веселится никакая плоть! Неразумный вы человек, как я вижу, мистер Блэк: падо же всякой плоти покой вкушать, а без того я ни часа больше не хочу оставаться коком на вашем судне!

— Слышите, ребята, Дик не желает больше служить нашей почтенной компании за кока! Да ну же, Дик, дай нашим гостям послушать твоего красноречия! — сказал капитан.

Наконец, принесли кушанье. Это были самые дорогие и самые изысканные блюда, и ко всему этому целые батареи шампанского «Поммери» и «Грено». Но я хотел только одного — уйти как можно скорее отсюда: меня мучило от одного вида этих людей.

Холль поднялся было, появив мой молящий взгляд, но Блэк насильно усадил его на прежнее место. Разгоряченные вином парни насильно стали вливать Холлю в горло стакан за стаканом. Ревущий Джон собирался оказать ту же честь

и мне, но я выбил у него кружку из рук. В тот же момент надо мной мелькнул пожар. Раздались крики; поднялся страшный шум и гам; полетели столы и свечи. Все точно обесумели! «К двери! К двери!» — расслышал я голос Холля. Я вдруг почувствовал острую боль в плече и уже не рассчитывал уйти живым из этой труппы, но каким-то чудом оказался на улице Жубер.

— Я боялся, что это плохо кончится, — проговорил Холль. — Эти люди и в трезвом состоянии весьма буйны, а во хмелю ужасны!

— И вы решаетесь ехать с ними? — спросил я.

— Да, делать нечего. Зато, раз я попаду к нему на судно, у меня в руках будет ключ, который поможет мне свить веревку к его виселице!

Первые лучи рассвета начинали рассеивать туман, точно вуалью окутавший весь город. Весь Париж спал; улицы были пусты, когда мы вернулись в свой отель.

Я был до того утомлен и обессилен, до того одурманен всем виденным, что желал только одного — поскорее очутиться в постели и забыться сном. Но Холль вошел вслед за мной в мою комнату с видимым намерением сообщить мне что-то.

— Вы знаете, мистер Марк, через несколько часов я покину Париж! — начал он. — Но, прежде чем мы расставемся, быть может на довольно продолжительное время, я хочу попросить вас оказать мне еще одну услугу. Ваша яхта, если не ошибаюсь, теперь осталась в Кале. Так не будете ли вы так добры сесть на нее сегодня утром и отправиться с нею в Плимут? Там вы наведете справки об американской яхте «Ля Франс». Благодаря только панял ее на время: судно это не принад-

лежит ей
что весте
есть на
спиной в
же там
еще один
ные доказ
медленно
вам, и пр
не думаю,

С этим
и вышел
время, чт
вскрыть б
шего, как

Часы пр
ся от тяже
голове сме
ны до тех п
куротно сл
ке подле кр

Я взял е
все случивш
а ужасная
Мартина Хо
„Скриб“, 7
отсюда и п
покинем Дье
правиться в

ложит ему. Вести об этой яхте будут все равно что вести обо мне,— и я буду рад, сознавая, что есть на свете человек, который стоит у меня за спиной в момент моего страшного риска. Если же там ничего не узнаете обо мне, то выждите еще один месяц, а если будете иметь несомненные доказательства моей смерти, то вскройте немедленно тот пакет с бумагами, что я вручил вам, и прочтите, что в них заключается, хотя я не думаю, что дело дойдет до этого!

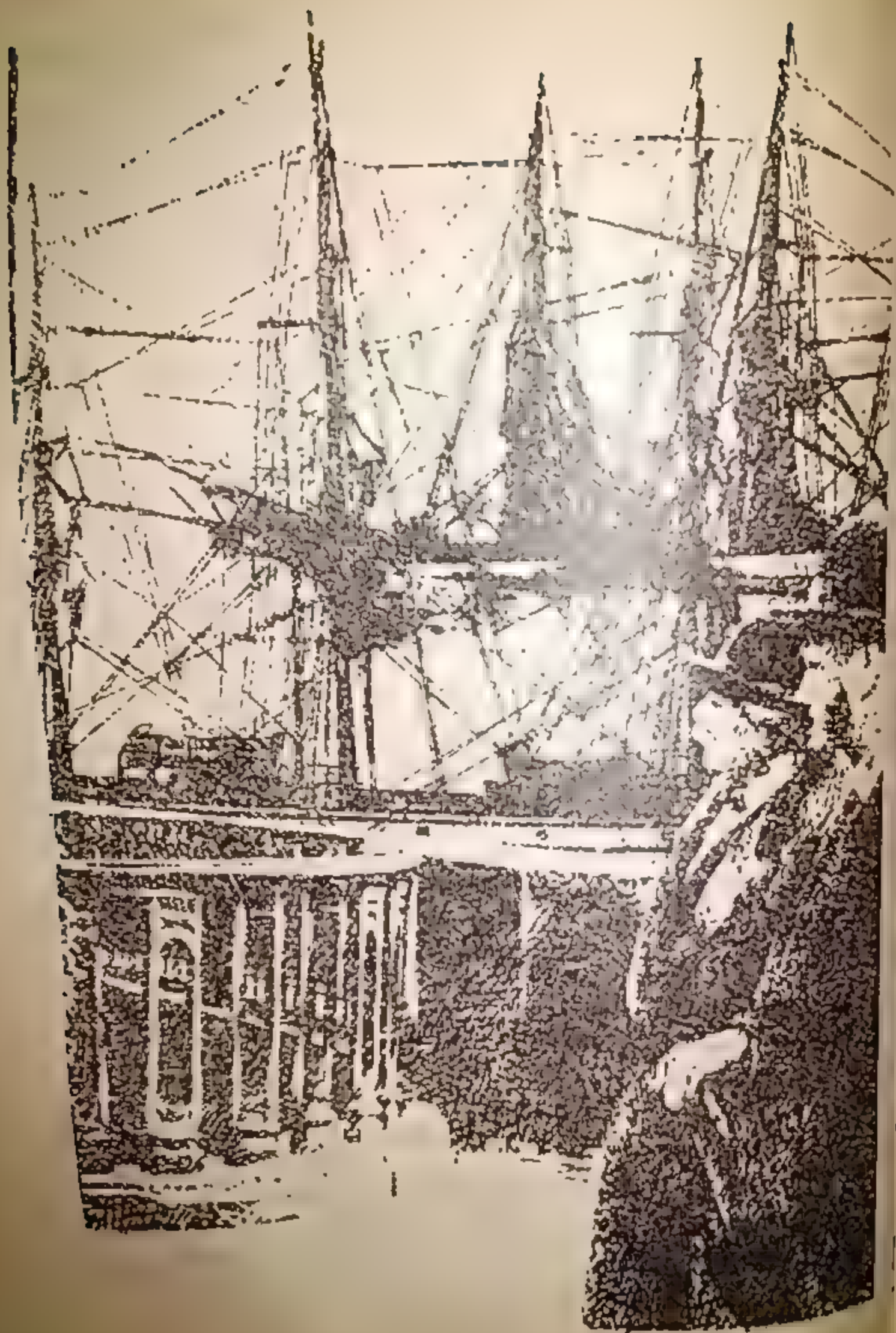
С этими словами он сердечно пожал мне руку и вышел из комнаты. А я и не подозревал в то время, что мне уже через три дня придется вскрыть бумаги бедняги Холля, моего сумасшедшего, как все его называли.

III

Три записки

Часы пробили десять, когда я наконец очнулся от тяжелого, томительного сна. Все у меня в голове смешалось; я не мог отличить сна от истины до тех пор, пока мне не попала на глаза аккуратно сложенная записка, лежавшая на столике подле кровати.

Я взял ее, и тогда только мне стало ясно, что все случившееся в прошедшую ночь было не сон, а ужасная действительность. Записка была от Мартина Холля, который писал в ней: «Отель „Скриб“, 7 часов утра. Через 10 минут я уезжаю отсюда и пишу вам мое последнее „прости“. Мы покинем Дьепп ровно в полночь. Не забудьте отправиться в Плимут, если питаете ко мне хоть

какое-
дежда
Ит
ной,
это. Т
и вмес
правит
если т
от него
Оде
общую
всению,
цузски
ного ав
—
более ж
Ну, как
— Г
ствител
чер сре
нельзя б
— Н
— Б
вольстви
— Н
сказал Р
— Х
что ты е
— О
шительно
мы сегод
— Х
засмеялс
принять
как поряд

какое-нибудь расположение. На вас вся моя надежда. Мартин Холль».

Итак, он покинул Париж, идя навстречу явной, несомненной опасности и вполне сознавая это. Такая смелость этого человека пугала меня и вместе с тем восхищала. Я решил не только отправиться вслед за ним в Плимут, но и дальше, если того потребуют обстоятельства, не отставать от него, помогая до последней крайности.

Одевшись на скорую руку, я спустился в нашу общую гостиную, где застал сонного, по обыкновению, Родрика и Мэри, возмущавшуюся французским утренним чаем, подавным ей вместо плотного английского завтрака поутру.

— Ах, какой ужас! Видали вы когда-нибудь более жидкий чай?.. А, мистер Марк, вот и вы! Ну, как вы веселились вчера?

— Превосходно, благодарю вас, Мэри, я действительно могу сказать, провел прекрасный вечер среди людей, которые прилились мне как нельзя более по душе!

— Не хотите ли чаю? — предложила Мэри.

— Благодарю, выпью чашку с большим удовольствием!

— Ну, расскажи нам, что ты делал вчера! — сказал Родрик, зевая.

— Хорошо, пусть только Мэри скажет мне, что ты ей купил вчера!

— О! — жалобно воскликнула Мэри. — Он решительно ничего не купил, а только обещал, что мы сегодня все вместе отправимся в Пале-Рояль!

— Хм, ведь это добрых сто сажен отсюда, — засмеялся я, — в состоянии ли ты, Родрик, предпринять подобную экскурсию даже после того, как порядком выспишься?

Он с упреском взглянул на меня.

— Не уморить же мне себя, бегая здесь по магазинам, — сказал он. — Ты ужасно предприимчив и энергичен, Марк! По-моему, вся мудрость жизни заключается в том, чтобы человек, сидя в удобном кресле, спокойно обсуждал великие задачи человечества. При таких условиях, когда ничего человека не волнует и он ничего к сердцу не принимает, живетя удивительно хорошо, могу тебя уверить!

— Все это прекрасно, и я охотно верю тебе, но вот беда, мне не удастся отправиться с вами сегодня в Пале-Рояль: я только что получил письмо, которое вынуждает меня вернуться на яхту. Через недельку я думаю вернуться сюда и тогда захвачу вас; во всяком случае, я напишу вам о своих намерениях, как только они выяснятся!

И Родрик, и Мэри как-то странно посмотрели на меня. Первый не сказал ни слова, но я прочел на его лице мысль: «Ты что-то скрываешь от меня», и в глазах его выражался упрек. Вероятно, он спросил бы меня о чем-нибудь, но в этот момент вошел слуга и сообщил, что меня спрашивает какой-то человек. Я приказал проводить его к нам в общую комнату и, к немалому своему удивлению, в следующий момент увидел перед собой Четвероглазого, как его называл капитан Блэк. Он вошел сперва довольно свободно, но при виде Мэри сильно смутился. Он неуклюже ступил несколько шагов и остановился, озираясь словно собака, попавшая в комнату, куда ее не допускают.

— Я, видите ли, был прислужником в церкви в Тепперари! — буркнул он, как будто это дол-

жно бы
ко мне.

—
теревит
се взгля
узнать,
ли при
годнящи

— В
чувству
ный ки
рышне,
этой за
приказа

Это б
красной
детельст
которого
крайне с
зан ему.
что г. Ма
вию видел
вани Дье
ему случа
лее радуг

Итак,
шний кад
ник Холл
ко это мо
ставлял, д
зу рождал
раскрыто
теперь в
ожидал.

Я реши

жно было прояснить его положение и отношение ко мне.

— Прошу садиться! — сказал я, видя, что он тербит свою шапку, не спуская недоумевающего взгляда с Мэри. — А затем позвольте мне узнать, какое отношение имеет то, что вы служили при одной церкви в Ирландии, к вашему сегодняшнему посещению?

— В этом-то все дело, ваша милость, я не чувствую себя спокойно, когда подо мной неровный киль, и, не в обиду будет сказано этой барышне, лучше постою... А пришел я сюда вот с этой запиской для вашей милости, которую мне приказано передать вам прямо в руки!

Это было красиво написанное письмо на прекрасной бумаге, масившее: «Капитан Блэк свидетельствует свое почтение г. Марку Стронгу, которого он имел честь видеть у себя вчера, и крайне сожалеет о том приеме, который был оказан ему. Капитан Блэк льстит себя надеждой, что г. Марк Стронг не откажет ему в удовольствии видеть его у себя на яхте «Ля Франс» в гавани Дьепп в 11 часов вечера и тем доставить ему случай заглядить свой вчерашний прием более радушным и достойным такого гостя».

Итак, оказалось, к моему изумлению, что страшный капитан знал не только, что я не помощник Холля, но и мое имя и кто я такой. Насколько это могло быть опасно для меня, я не представлял, да и не думал об этом, но у меня сразу родилась мысль, что и, инкогнито. Холля было раскрыто и что мой бедный приятель находится теперь в еще худшем положении, чем сам того ожидал.

Я решил действовать крайне осмотрительно и,

насколько возможно, охранять своего бедного
приятеля.

— Вам приказано было ожидать ответа?—
обратился я к Четвероглазому.

— Это предоставлено мне на свое усмотре-
ние, просить у вас ответа или не просить. А он
сказал мне: «Если господин пожелает написать,
так напишет, и если пожелает приехать ко мне
на судно, то приедет, и тогда мы выпьем с ним
на славу, как и подобает. Если господин жела-
ет заглянуть в мою каюту, то пусть, говорит, при-
едет к семи часам, а с закатом мы сплывем с
якоря». Итак, как вашей милости будет угодно...
А мое дело было передать вашей милости!

Для меня было ясно, что приглашение таит
в себе страшную опасность, но это было ничто в
сравнении с тем, что ожидало бедного Мартина
Холля, который уже, наверное, был во власти ка-
питана Блэка и его ужасного экипажа.

— Я сейчас отвечу на это письмо, а вы пока
не откажитесь выпить стаканчик виски! — И я
пододвинул ему графинчик.

— Старому моряку это дело подходящее, ва-
ша милость! — Мой посетитель налил себе пол-
ный стакан. — Выпью за молодую барышню! —
сказал он угрюмо и долго глядел в стакан, затем
разом отхлебнул половину.

— А какова теперь погода на море? — спро-
сил я неожиданно, глядя на него в упор через
стол.

Он повернул голову, и взгляд его снова оста-
новился на Мэри; когда же он раскрыл рот для
ответа, голос его звучал как-то странно мягко:

— Хороша ли погода, спрашиваете вы? Это,
клянусь всеми святыми, зависит от многого...

— О
— П
жизни!

— О
— Ну

жизнью
ею! — та
Смысл

— Ско
годарю за
бываю у
дела в Па

Посла
на меня с
наставите

— С в
люсь сказа
месте тепе
поставив
направился
свою шапк
ву и, пробо
Тепперарп,
поспешно в

Когда с
вопроситель

— Это
яхты «Ля Ф
ня! — поясн

Родрик
а Мэри, по
бледна.

— Ты вс
почью? — сп

— От чего же именно?

— Прежде всего от компании и от вашей жизни!

— От жизни? — переспросил я удивленно.

— Ну да, если вам неохота расставаться с жизнью и если вы сколько-нибудь дорожите ею! — также невозмутимо пояснил ирландец.

Смысл его слов был совершенно ясен.

— Скажите же моему господину, что я благодарю за честь, но сегодня приехать не могу, побываю у него в другой раз, а теперь у меня есть дела в Париже!

Послапец капитана Блока продолжал смотреть на меня серьезно и строго, затем сказал отечески наставительным тоном:

— С вашего позволения, ваша милость, осмелюсь сказать вам доброе слово: будь я на вашем месте теперь в Париже, я бы тут и остался! — И, поставив стакан на стол, большими шагами направился к двери, у порога немного потерял свою шапку, затем тут же нахлобучил ее на голову и, пробормотав: — Я был причетчиком в церкви Тепперари, — с общим кивком по нашему адресу поспешил вышел из комнаты.

Когда он удалился, все устремили на меня вопросительные взоры.

— Это один из приятелей Холля, шкипер с яхты «Ля Франс», на которой Холль уедет сегодня! — пояснил я.

Родрик молча барабанил пальцами по столу, а Мэри, показалось мне, была как-то странно бледна.

— Ты все еще думаешь выйти в море сегодня ночью? — спросил Родрик, не глядя на меня.

— Да, я обещал безотлагательно отправиться в Плимут! Это совершенно необходимо!

— Так и мы отправимся вместе с тобой! Мэри, иди собирай свои вещи: мне надо сказать ему пару слов! — сказал Родрик.

— Ну, Марк, что же я от тебя узнаю? Что ты мне скажешь?

— Я? Ничего тебе не скажу, смотри, догадывайся, соображай, если хочешь, но пока не могу сказать тебе ничего; я связан обещанием, дал слово! — оправдывался я.

— Я так и думал, — проговорил Родрик, — что-то мне не нравится. Я не доверяю твоему сумасшедшему, он вовлечет тебя в беду. Впрочем, думаю, что тебе пока не грозит никакая опасность, иначе ты не допустил бы, чтобы Мэри была с нами!

— Нет никакого риска, — сказал я, — в этом ты можешь быть уверен; мы отправляемся дня на три в пролив, вот и все!

— Когда ты думаешь выехать из Парижа?

— С поездом, отходящим через два часа. У меня есть еще дело здесь, но я встречу вас на вокзале, если вы не откажетесь захватить с собой мои вещи!

— Прекрасно, значит, я могу отдохнуть еще часок! Это всегда полезно!

После разговора с посланцем капитана Блэка я уже не сомневался более в том, что Холлю грозит страшная опасность, и хотел сделать все от меня зависящее, чтобы спасти его, заставив вернуться в Париж.

С этой целью я отправился в главное полицейское управление и изложил данный случай, насколько считал нужным, одному из главных чи-

нов упр. Франс», канцу, в грозить чего не ся в пос членов по тревогами вать в К.

После застал уж уже сели когда посл нул мне в «Яхта правился в

Яхта не но повисли терка. Мы. но не сдела ние выводил что я хотел риканскую висела чело

Когда пр наш бодман, дом порту от любимой и в море, стал капитан Йорк

нов управления. Но мне сказали, что яхту «Ля Франс», принадлежащую эксцентричному американцу, все знают и что на ней никому не может грозить никакая опасность. Видя, что тут мне ничего не удастся сделать, я немедленно отправился в посольство. Здесь меня выслушал один из членов посольства и, внутренне смеясь над моими тревогами и опасениями, обещал телеграфировать в Кале и передать Холлю то, что я желал.

После этого я отправился прямо на вокзал, где застал уже Родрика и Мэри со всем багажом. Мы уже сели в вагон и поезд готов был тронуться, когда посыльный, подбежав к окну вагона, сунул мне в руку телеграмму из Кале:

«Яхта „Ля Франс“ уже ушла, и ваш друг отправился на ней».

IV

Странное зрелище на море

Яхта неподвижно стояла на месте; беспомощно повисли паруса; ни малейшего дуновения ветра. Мы уже около суток как вышли в море, но не сделали еще и двухсот миль. Это запоздалое выводило всех из себя: на «Сельзисе» знали, что я хотел во что бы то ни стало нагнать американскую яхту «Ля Франс» и что от этого зависела человеческая жизнь.

Когда пробили склянки, Плаксивый Джек, наш боцман, прозванный так за то, что в каждом порту от Плимута до Эбердина имел по возлюбленной и каждый раз проливал слезы, уходя в море, стал звать нас к завтраку. Мой капитан, капитан Йорк, прозванный командой Безмолвным

Шкипером, так как не любил даром тратить слов, на этот раз был до того зол, что не выдержал своего характера, выразив свой гнев в словах.

— Вот что я вам скажу, сэр, — заявил он, уже десятый раз обводя зрительной трубой горизонт, — этот ваш проклятый американец забрал весь ветер в карман, и пусть бы его загнало ко всем чертям... Ах, прошу извинения, я не видел, что мисс Мэри здесь!

— Я того мнения, капитан, что если бы ваши люди не были в отпуске на берегу и мы могли бы сняться с якоря в полночь, то успели бы за это время побывать в Плимуте и вернуться обратно в Париж! — заметил Родрик.

— А я того мнения, сэр, что ваше мнение не стоит выведенного яйца. Мои люди тут ни при чем! Научите меня, как заставить судно идти, когда нет ни на грош ветра, и тогда говорите, вот что! — сердито огрызнулся капитан и ушел завтракать, оставив нас с Дэном, старшим вахтенным матросом.

Дэн был старый и опытный моряк, и мы во всех своих затруднениях постоянно обращались к нему.

— Что вы скажете, Дэн, будет у нас ветер? — спросил я, но он только пожал плечами.

— Ах, Дэн, как бы я хотела, чтобы налетел шквал! — молящим голосом произнесла Мэри.

— Э-э, мисс, и мы того желаем, но не можем родить ветра! Откуда его взять, когда его нет?! Я бы для вас рад был хоть ураган встретить, да что поделаешь!

Не дождавшись ничего утешительного, мы

спустились с ожесточенной уютной невеселой ла мысли как я прстаться срасходоваэту мыслпагнать «

Однако та в каюлубе пещазеркало, кло 6 скляпоявилось стью указа затем вдру было черно когда «Сел вперед, как продолжени это время Да и после Безмолвный веселел. По стал только часов около лась на полсекая вздым человеку тру — Яхта едва мы выш — Какая? лоса со всех с

спустились в каюту, где нас ожидал завтрак, и с ожесточением набросился на него. Здесь, в уютной каюте своей яхты, под влиянием общего невеселого настроения у меня невольно мелькнула мысль: долго ли еще эта яхта будет моей, и как я примирюсь с тем, что мне придется расстаться с ней, когда последние деньги будут израсходованы? Но я тотчас же поспешил отогнать эту мысль, чтобы думать только о том, как бы пагнать «Ля Франс».

Однако проходил час за часом, жара и духота в каютах становились пестерными, на палубе нещадно жгло солнце, море было гладко, как зеркало, как стоящий пруд. Наконец, когда пробило 6 склянок, на горизонте, в южной его части, появилось темное облако, и десятки рук с радостью указали на него. Спустя час пошел дождь, затем вдруг налетел шквал. Дальше к югу небо было черно как чернила, но все мы ликовали, и, когда «Сельзис», подхваченная ветром, помчалась вперед, как гончая, все радовались, как дети. В продолжение часа дул сильный ветер, и мы за это время сделали не менее одиннадцати узлов. Да и после этого ветер был свежий, так что даже Безмолвный Шкипер смягчился и как будто повеселел. Под вечер и с наступлением ночи ветер стал только еще более свежеть, так что, когда мы часов около восьми вышли наверх, «Сельзис» неслась на полных парусах, с такой быстротой рассекая вздымавшиеся волны, что непривычному человеку трудно было устоять на палубе.

— Яхта под левым бортом! — крикнул Дэн, едва мы вышли наверх.

— Какая? — слышались взволнованные голоса со всех сторон.

— «Ля Франс»! — ответил Дэн, и едва он успел произнести это слово, как раздался громовой голос капитана: «Держи руль па яхту!»

Еще несколько минут, и мы стали нагонять американскую яхту. Слово «Ля Франс» теперь уже ясно читалось всеми: все мы но спускали глаз с этого громадного катера, каким было, в сущности, это судно. Нас удивило то, что она шла как будто не в Плимут, а направлялась к ближайшему берегу, но вскоре мы убедились, что не это одно могло казаться страшным. Так, сделав несколько сажен в направлении берега, «Ля Франс» вдруг разом повернула против ветра, и все увидели, что паруса частью порваны, частью сорваны и все судно представляло собой какую-то картину запустения.

Действительно, нигде не было видно ни одного человека. Наши люди возмущались таким порядком. «Да что они там, моря, что ли, никогда не видали?! Ведь любой парнишка лучше бы управлялся с судном, чем эти ротозей!» — ругался Дэн, тщетно надсаяя горло и стараясь подсказать экипажу «Ля Франс», что ему следует делать, несмотря на то, что мы находились еще в доброй четверти мили от нее.

— Ах, висельники! Да какие это матросы! — возмущался он. — Видали ли вы когда-либо что-нибудь подобное?! — И вдруг воскликнул: — Ведь там, на судне, нет души живой!

Капитан Йорк утвердительно кивнул головой. Подойдя к нему, я спросил: — Как вы думаете, капитан, что это значит? Действительно ли яхта предоставлена самой себе и весь экипаж ее скрылся, или же они только прячутся от нас?

— Ром
ше я от не

— Он
это я гото

— Кап
проговорил

Но он
затем, нака
тал:

— Держ
рите, ни сле
риканкой!

Это был,
ветер все св
лась из стор
на воде. Я
но она, угад
опасность, н
совету. Родр
нию; не спал
скую яхту.

— Родриг
Мартин Холл
встревожен?!
но тебе нет
добное!

— Нет на
ешь, что ты о
щу свой кожа
ничего не бои

Он звал се

едипственное,
Мэри погро
в ответ и пош
хватив свой р

— Ром! — произнес он в ответ, и ничего больше я от него не добился.

— Он самый, и немало его было выпито, за это я готов поручиться! — подтвердил Дэн.

— Капитан, прикажите спустить шлюпку, — проговорил я, — я отправлюсь на это судно!

Но он только отрицательно покачал головой, затем, наклонясь к самому моему уху, прошептал:

— Держите свои пистолеты наготове, и, смотрите, ни слова людям. Я буду идти следом за американкой!

Это был, конечно, разумный совет. Между тем ветер все свежел, становилось темно; яхта болталась из стороны в сторону, как ореховая скорлупа на воде. Я предложил Мэри спуститься в каюту, но она, угадав чутьем, что нам грозит какая-то опасность, наотрез отказалась последовать моему совету. Родрик тоже, вопреки своему обыкновению, не спал и пристально смотрел на американскую яхту.

— Родрик, — окликнул я его, — ты знаешь, что Мартин Холль отплыл на этой яхте и я страшно встревожен?! Я дал ему слово помогать, чем могу, но тебе нет надобности делать что-либо подобное!

— Нет надобности? Ба... Да что ж ты думаешь, что ты отправишься, а я... погоди, я притащу свой кожан, а Мэри постережет нас. Ты ведь ничего не боишься, мышка?

Он звал сестру мышкой, так как это было единственное, чего она боялась.

Мэри погрозила ему пальчиком. Он кивнул ей в ответ и пошел вниз, я последовал за ним. Захватив свой револьвер и непромокаемый плащ,

я вернулся и вдруг почувствовал, что «Сельзис» тронулась вперед, хотя ни малейшего огонька не было видно там, где должна была находиться «Ля Франс».

— Она пропала, это дело решенное! — сказал Дэн. — Нетрудная штука умереть, когда уже потонул в вине!

Билли Эйтбелс, младший шкипер, был того же мнения и по этому случаю принялся рассказывать какую-то аналогичную историю из своих воспоминаний, как вдруг рулевой крикнул:

— Голубой огонь!

Действительно, точно яркое голубое пламя на мгновение вспыхнуло на яхте, осветив море на громадное расстояние, и затем разом погасло. Прошло минут десять, и пламя снова вспыхнуло на яхте. Мы увидели, что она несется прямо на нас.

— Право руля! — крикнул капитан громовым голосом. Еще момент — и маневр был исполнен. Покинутая яхта пронеслась мимо нас на расстоянии 100 сажен. Палуба ее была как на ладони, и два-три человека из наших вдруг громко вскрикнули. Я увидел страшно искаженное, бледное лицо человека, уцепившегося за ванты грот-мачты. Это был единственный страж големого судна. Зрелище вселило непреодолимый ужас в сердца наших людей.

— Помогите нам Бог! — прошептал Дэн.

— Как ты думаешь, жив он еще? — спросил Плаксивый Джек.

— Не знаю, но я готов поручиться, что этот человек видел что-то такое, чего не должны были никогда видеть глаза христианина! Дай нам Бог всем добраться до того берега!

Я не перед глазами. Еще века полноту встречу страшной меня, что помощи в

— Как сдержать шлюпку! дено утону тился я на палубе жен спас со мной?

В первом ли назад, а

— Я по За ним десять.

— Так спустились отошли от еще сильнее спал. Мы предполагали, что ей не было новой. Новая ее на мгновение на расстоянии

— Мы Дэн, — и милое!

— Ну, и

Я не думал ни о чем. Это лицо стояло у меня перед глазами, наполняя душу невыразимой мукой. Еще два дня тому назад я видел этого человека полным надежд, безумно смело шедшим навстречу страшной смерти! О, это искаженное страшной агонией лицо! Он как будто упрекал меня, что я не хочу даже протянуть ему руку помощи в этот ужасный момент.

— Капитан! — крикнул я, будучи не в силах сдержать своих чувств. — Теперь надо спустить шлюпку! Я еду на это судно, даже если мне суждено утонуть, не достигнув его. Ребята, — обратился я к матросам, — вы видели этого человека на палубе «Ля Франс»? Это мой друг, и я должен спасти его! Кто из вас решится отправиться со мной?

В первый момент все они невольно отпрянули назад, затем Дэн первый заявил:

— Я поеду!

За ним вызвались один за другим еще человек десять.

— Так едем, только захватите с собой ножи! Спустили шлюпку. Спустя две минуты мы уже отошли от судна, и шлюпка запыряла между все еще сильными волнами, хотя ветер уже немного спал. Мы шли наугад в том направлении, где предполагали встретить американскую яхту: на ней не было огней, а почь была совершенно темная. Новая вспышка синего пламени, осветившая ее на мгновение, дала нам возможность увидеть ее на расстоянии четверти мили впереди нас.

— Мы захватим ее на ходу, — проговорил Дэн, — и минут через десять будем уже на палубе!

— Ну, и что тогда? — спросили остальные.

— Эх, да, ведь это друг нашего господина, а он находится в опасности, да еще в какой!.. Помоги нам Бог и ему тоже! Не робей ребята, надо спешить!

Все дружно палегли на весла. Вдруг я заметил, что тучи рассеялись и в одном месте сквозь завесу почти черного облака проглянул край ясного месяца. Спустя немного и весь месяц выпрыгнул из-за тучи и разом осветил море ярким светом, развернув перед нами удивительную панораму.

На серебристой поверхности моря еще ходили высокие волны; вдали, вблизи порта, виднелись огни какого-то большого парохода, а позади нас, в туманной дали, два-три парусных судна. Но все это не привлекло нашего внимания: мы видели только яхту «Ля Франс», которая теперь шла почти навстречу, и вскоре мы поравнялись с ней.

— Готовь багор и смотри в оба! — крикнул Дэв.

Мы уже ясно слышали, как волны ударялись о борт яхты; и каждый инстинктивно ухватился за нож.

В этот момент ветер сразу упал, паруса на яхте опустились. Момент казался удобным, и Дэв крикнул: «С Богом, причаливай!», но все гребцы разом выпустили из рук весла и остановились, точно остоленев от ужаса. В тот момент, когда Билли, державший наготове багор, собирался зацепиться, раздался злобный треск, и языки пламени показали со всех сторон. В следующую минуту вся палуба и мачты были охвачены огнем. Красное зарево мгновенно разлилось на громадном пространстве освещенной луной поверх-

ности морские и шипящие и шипящие в страхе и ужасе.

Ведь мы находились в судне, был обреченный собственный п...
— Вперед все они сидели. Неужели вы не падаете? Господи!

Гребцы с силой ударили к судну. Я происхожу от да не видят неподвижно нем со всех щим светом, я стоял подле

Отчего он жет плыть, т над водой, м крикнул ему:

— Гей! Ал...
Весь экипаж и каждый раз, ла, у них сил... Холль не трога оставалась не... сем близко, п Д кликнул:

— Дьявольс...
какие-то: ведь... вый!

ности моря. Это было ужасное зрелище: трещащие и шипящие звуки горящего судна вселяли страх и ужас в наши сердца.

Ведь мы все знали, что там, на этом горящем судне, был человек, быть может, еще живой, обреченный на страшную смерть, очевидно, единственный пассажир «Ля Франс».

— Вперед! — заорал на людей Дэи, видя, что все они сидят неподвижно в немом оцепенении. — Неужели вы дадите ему сгореть? Да смилуется над ним Господь!

Гребцы разом очнулись от этих слов и со всей силой ударили в весла, подогнав вельбот прямо к судну. Я стоял на корме, стараясь увидеть, что происходит на палубе, — и дай Бог никому никогда не видеть что-либо подобное! Мартин Холль неподвижно стоял у грот-мачты, объятый пламенем со всех сторон; лицо его, освещенное зловеющим светом, было так ясно видно мне, как будто я стоял подле него.

Отчего он не бросился в море? Если он не может плыть, то пусть хоть минуту продержится над водой, мы его выловим сразу, и я громко крикнул ему:

— Гей! Алло!

Весь экипаж подхватил за мной этот возглас, и каждый раз, когда они грудью налегали на весла, у них слышно вырывался этот крик, но Мартин Холль не трогался с места, его вытянутая фигура оставалась неподвижной. Но вот мы подошли совсем близко, и Дэи, всилеснув руками, громко воскликнул:

— Дьявольское дело! Это не люди, а дьяволы какие-то: ведь он привязан к мачте и уже мертвый!

Но люди продолжали, надсаживаясь, кричать: «Гей! Алло!», бешено палегая на весла, как обезумевшие.

— Легче! Легче, черти! — заорал на них Дэп. — Или вы хотите врезаться в самое пламя?

Матросы очнулись, и шлюпка стала; подойти ближе не было никакой возможности: даже на расстоянии 20 футов нечем было дышать, и самое море казалось расплавленной огненной лавой. Мы были теперь так близко, что я, стоя на корме, смотрел прямо в лицо моего мертвого друга и видел, что злодеи, привязавшие его к мачте, слишком хорошо сделали свое дело. Я только успокаивал себя надеждой, что бедняга уже был мертв, когда судно загорелось, и что мне нечего было упрекать себя в том, что он погиб такой ужасной смертью. Спасти же его тело из пламени было делом, на которое не решился бы теперь ни один человек.

Мы молча следили, как огонь, с удивительной быстротой охвативший яхту, пожирает одну за другой все ее части. Вот подул ветер, и пламя кровавым знаменем на мгновение развернулось в воздухе, затем огненный остов качнулся, вырнул, и все разом погрузилось во мрак.

— Вечная память доброму судну! — сказал Дэн.
— Вечная память бедному другу! — прошел-
тал я. — Мир праху его!

— Вечная память бедному другу! — прошел-
тал я. — Мир праху его!

В тот момент, когда злополучное судно пошло
ко дну, я отдал бы полжизни, чтобы позвать ру-
ку Мартина Холля, этого добровольного мучени-
ка, отважного человека, смело и сознательно шед-
шего навстречу смерти.

— Вперед! — кричал я.

— Вперед! — крикнул я людям, вастывшим

на веслах, и по-прежнему как будто то их слышать. Замер на по-руку. Мэри бледная и бес-судне, не ра-не сказали и каюте и, нес-лампу и ста-Мартинном Х-чувства, так

Бумаги, в
находились в
печатами и пр
ниц рукописи,
различных газ
глийских.

Прежде все
из них был взят
подле, смутный
рый носил про
другом рисунке
го военного су
достроепного,
работы. Я пола
служить как б
действительно, и

на вслах, и когда они снова принялись грести, то по-прежнему стали выкрикивать: «Гей! Алло!», как будто тот, к кому обращался этот оклик, мог их слышать. Родрик хотел сказать мне что-то, но замер на полуслове и только молча пожал мою руку. Мэри встретила нас на палубе «Сельзис» бледная и безмолвная, и команда, оставшаяся на судне, не расспрашивала ни о чем; и мы ничего не сказали им и пошли вниз. Я заперся в своей каюте и, несмотря на крайнюю усталость, зажег лампу и стал читать бумаги, завещанные мне Мартином Холлем, не без некоторого жуткого чувства, так как это было завещание покойного.

V

Рукопись Мартина Холля

Бумаги, врученные мне Мартином Холлем, находились в большом конверте за несколькими печатями и представляли собой несколько страниц рукописи, несколько рисунков и вырезки из различных газет: французских, итальянских и английских.

Прежде всего я просмотрел рисунки. На одном из них был изображен Ревущий Джон, и тут же, подле, смутный абрис лица того ирландца, который носил прозвище Четвероглазого. Затем, на другом рисунке, был представлен корпус большого военного судна, насколько я мог судить, не достроенного, на котором еще производились работы. Я полагал, что газетные вырезки должны служить как бы пояснением к этим рисункам; действительно, в одной из них говорилось о про-

исходившей под величайшим секретом постройки
весьма выдающегося боевого судна для одной из
южноамериканских республик. В другой вырез-
ке сообщалось, что это судно стоило громадных
денег, потребовало невероятного труда и искус-
ства мастеров, построено по совершенно новому
образцу и не имеет ничего себе подобного, а по-
тому строительная компания, выполнившая этот
заказ, до поры до времени скрывает с себя всякую
ответственность за него, отказываясь дать о нем
какие бы то ни было сведения.

Все это мне казалось не особенно понятным,
я никак не мог связать постройку судна с со-
бытиями последних дней и потому, отложив в
сторону вырезки и рисунки, занялся самой руко-
писью Мартина Холля.

На заглавном месте я прочел следующие
слова:

Некоторые сведения о безымянном военном
судне, его экипаже и целях.
Писано для Марка Стронга Мартином Холлем,
бывшим некогда его другом.

Далее, вместо предисловия, я прочел малень-
кое предупреждение:

«Вы будете читать эти строки, Марк
Стронг, когда меня уже не будет в живых, и я
прошу Вас, прежде чем Вы станете читать даль-
ше эту рукопись, хорошенько обдумать и решить
вопрос, согласны ли Вы и вместе ли Вы желаете
продолжать преследование, в котором сам я по-
терял жизнь и не только жизнь, но и все, что мо-
жет потерять человек, и в котором и Вы рискуете
тем же, чем рисковал я. Я пишу Вам это потому,
что если Вы прочтаете мою рукопись до конца и

в Вашем ха-
с чем тайн
то Вы прим
продолжать
руку. Поэто
ритесь за
взвесив пре
вни не обви
нуть Вас, ес

Я, не за
лание отомс
теперь все м
все об этом
привлекатель
как-то разом
пой.

Здесь нача
покойного, пр
о своих мечта
мечты и заблу
ного в своем
Начиналась ру

«Я хочу р
жизни, с кото
прежде, чем В
за человек, су
шанный шут
ций? Вопрос э
прошу Вас не
не прочтете эту

Родился я в
му назад, и там
пришел к созна
прекрасный, бла
голодал из-за пр

в Вашем характере есть черта, не мирящаяся ни с чем таинственным и жаждущая разоблачения, то Вы приметесь за это страшное дело и станете продолжать его там, где смерть остановила мою руку. Поэтому прошу Вас, Марк Стронг, не беритесь за это дело сгоряча, не обдумав и не взвесив предварительно всего, чтобы впоследствии не обвинять меня в том, что может постигнуть Вас, если Вы возьметесь за это дело».

Я, не задумываясь, стал читать дальше: желание отомстить за Мартина Холля наполнило теперь все мое существо, и мне хотелось знать все об этом таинственном и в то же время столь привлекательном для меня человеке, который как-то разом стал мне и близок, и дорог, как родной.

Здесь начиналась, так сказать, автобиография покойного, простой и искренний рассказ человека о своих мечтах и заблуждениях — если это были мечты и заблуждения, логичного и последовательного в своем безумии — если это было безумие. Начиналась рукопись так:

«Я хочу рассказать Вам здесь ту часть моей жизни, с которой Вам необходимо ознакомиться прежде, чем Вы поставите себе вопрос: что это за человек, сумасшедший или полоумный, помешанный шут или жертва страшных галлюцинаций? Вопрос этот явится только впоследствии, я прошу Вас не задавать его себе прежде, чем Вы не прочтете эту рукопись до последнего ее слова.

Родился я в Ливерпуле, тридцать три года тому назад, и там же получил образование, то есть пришел к сознанию своего невожества. Мой отец, прекрасный, благороднейший человек, всю жизнь голодал из-за пристрастия к лепке и скульптуре.

а так как я не чувствовал склонности следовать
его примеру, то и стал искать иных средств к
жизни. Сначала я уехал в Америку, чтобы вер-
нуться оттуда с пустыми руками на родину, по-
том в Южную Африку, в Капланд, чтобы посмот-
реть, как другие люди добывают алмазы; затем
в Рим, в Неаполь, в Геную, чтобы узнать, как
голодают и нуждаются в куске насущного хлеба.
После того я ходил в Южную Америку матросом
на большом торговом судне и в Австралию — ко-
чегаром на одном из почтовых южноокеанских
пароходов. По возвращении в Ливерпуль я уже
не застал в живых отца. Мне тогда минуло 22
года. Ни родных, ни друзей у меня никогда не бы-
ло, жизнь опротивела мне до того, что я не видел
в ней никакого смысла. Не знаю, как это случи-
лось, но только меня, как то помимо моей воли,
прибило течением в сыскное отделение нашего го-
рода. Прослужив здесь несколько лет в различ-
ных должностях, я наконец был назначен глав-
ным агентом на пристани в Ливерпуле для над-
зора за эмигрантами. Это была мерзкая, но весь-
ма поучительная должность: здесь я научился
распознавать типы людей, читать по ним их со-
кровенные мысли; здесь насмотрелся, как стар-
цы превращались в безбородых юношей, а моло-
дые люди — в старцев, при малейшем применении
парикмахерского искусства. Как видно, я здесь
проявил необычайные способности, так как, про-
служив около пяти лет, был переведен в Лондон
и там прикомандирован к адмиралтейству для
приобретения новых познаний. По прошествии
некоторого времени я был отправлен в Италию
для приобретения некоторых нужных нашему
правительству сведений и данных, что и было

поручено
ство рас
итальянс
время пр
дах и в
бовалось
гие план
радостью
допущен
ва и по
можно бы
можно бы

В тече
Италии я
осматривал
которых хо

Надо В

гося и в ит
ском деле,
лучшие ор
превосходно
холмах, обр
шие укреп
холмов тян
патронов и
то местах, с
ных заводов
вительствен
ние работат
на залив и п
ми окрестно
родой, голуб
окраской Ап
лотило их ве
осенью, как

поручено мне ввиду того, что наше правительство рассчитывало на мои способности и знание итальянского языка, который я успел изучить во время пребывания в Италии, на итальянских судах и в итальянских портах. Словом, от меня требовалось доставить нашему правительству многие планы и отчеты первейшей важности, и я с радостью взялся за это трудное поручение, был допущен в общественные доки и в адмиралтейства и по прошествии года знал все, что только можно было знать, изучил там все, что только можно было изучить.

В течение второго года моего пребывания в Италии я имел случай побывать в Специи, где осматривал нового типа канонерские лодки, о которых ходили разнообразные толки.

Надо Вам сказать, что там, что есть выдающегося и в итальянском флоте, и в итальянском морском деле, концентрируется в Специи: здесь — лучшие оружейные заводы, здесь изготовляются превосходнейшие первоклассные орудия, а на холмах, обращенных к заливу, возвышаются лучшие укрепления; у подножия же этих мирных холмов тянутся склады и магазины снарядов, патронов и всяких боевых припасов. Здесь, в этих местах, среди укреплений, патронных и оружейных заводов, а главным образом в доках, как правительственных, так и частных, и приходилось мне работать. А в свободное время я отправлялся на залив и по целым часам любовался живописными окрестностями, роскошной улыбающейся природой, голубыми водами залива и фантастической окраской Апеннин, когда заходящее солнце золотило их вершины. Однажды вечером поздней осенью, как раз во время заката, я стоял на хол-

ме и смотрел на залив. В нем стояли суда самых разнообразных типов, и солнце заливало их своим алым заревом. Но среди всех этих судов было одно, которое горело, точно огненный шар, точно самое солнце.

Я протирали глаза и снова принимался смотреть и в конце концов убедился, что зрение мое не обманывало меня, что судно это было действительно обито полированным медью или другим каким-то металлом, но во всяком случае казалось как бы золотым, хотя мысль о том, что оно могло быть обито золотыми пластинами, конечно, даже не приходила мне в голову.

Но вот солнце зашло, и видение исчезло. Все разом угасло. Я тогда вернулся в город и, позабыв про обед, стал думать, в каком доке могло стоять это загадочное судно. Вскоре я был уже на том месте, но по моим соображениям, оно должно было находиться. Действительно здесь был док, и в нем стояли два дешевеньких пароходика, но там не было того судна, которое я искал, нигде не было видно. И конечно, обыскал бы все, и, быть может, мои поиски увенчались бы успехом, но не пробыл я десяти минут в этом доке, как заметил, что за мной следят. Человек, одетый в грубое матросское платье, с необычайно отталкивающей наружностью и каким-то особым по уродливым зубом, следовал за мной шаг за шагом. Не желая возбуждать подозрения, я удрался, но на другой же день вечером вернулся сюда, переодетый заурядным английским матросом. Тот человек не узнал меня.

— Есть какая-нибудь работенка? — спросил я, и вопрос мой, по-видимому, заинтересовал моего собеседника.

— Это на что можешь человек нули голову?

— И это Все равно проклятых сен!

— С гол поручусь те ужин: видишь ва?! Поди и бутылочку чешь! — С э мощные лапы стучали.

— Поди и сказал я, как рук, — ах ты, скажешь мне ков я!

А он смотрел — Да, я видел человека, бутылочку хм, грош нет лука тавим в поко малейшей охотлю я его, как мной, котик ты меня заплешет поужинаем!

Я пошел с таким же отъ сам.

— Это смотря для кого, — отозвался он, — ну, на что может быть годен такой жалкий, маленький человек, как ты, разве на то, чтобы ему свернули голову?

— И это мне годится! — весело отозвался я. — Все равно мне с голода-то околевать среди этих проклятых куродавов; я, пожалуй, на все согласен!

— С голода околевать? Ну если так, то я поручусь тебе, что дам возможность заработать ужина: видишь там этого откормленного борова?! Поди и ткни его пожом в бок, и я тебе куплю бутылочку доброго вина, даже две, если хочешь! — С этими словами он стреб меня в свои мощные лапы и погряз так, что у меня зубы застучали.

— Поди и сам ткни и этого толстяка, — сказал я, как только он вынул меня из своих рук, — ах ты, американист и мердина; если ты скажешь мне еще слово, так я покажу тебе, каков я!

А он смотрел на меня и надрылся от смеха.

— Да, я вижу, ты как раз подходящий для меня человечек, — сказал гигант, — давай разопьем бутылочку хмельного! В тебе, как видно, ни на грош нет лукавства, пойдем со мной. А того оставим в покое — прирезывать его у меня нет ни малейшей охоты: он мой кум и товарищ, я люблю я его, как родного брата. Так пойдем же со мной, котик ты этакый, и посмотришь, как ты у меня запляшешь. Вот увидишь, как мы с тобой поужицаем!

Я пошел с ним, затем и с его товарищами, с такими же отъявленными пегодьями, как и он сам.

На следующий день я снова явился в док, так как из разговоров предыдущего вечера вынес убеждение, что тут кроется какая-то тайна. К великой моей радости, благодаря покровительству моего нового приятеля я был принят в число рабочих этого дока самым артельным старостой по прозвищу Ревущий Джон. Работа, выпавшая на мою долю, состояла в пиленнии досок, что дало мне возможность беспрепятственного входа в док, и хотя меня постоянно держали в переднем доке и доступ в задний двор и бассейн был строжайше воспрещен, но это, конечно, не помешало мне принять твердое решение. В первом же случае проникнуть в запрещенное место.

Весьма возможно, что у Вас явится вопрос: что заставило меня затеять такое дело? Неужели простое любопытство привлекло меня к мнимому золотому судну?

Не только любопытство, но уже тот факт, что за мной следили, когда я пришел туда в первый раз, убедил меня, что здесь кроется что-то такое, чего не должен видеть посторонний глаз. А все, чего не должен видеть в иностранном доке посторонний глаз, — это все равно что верные деньги, так как, разузнав, что здесь делалось, я мог сообщить об этом секрету моему правительству или любому другому правительству Европы, которое предложило бы мне за это известную сумму денег. Вот причина, заставившая меня стать пиленщиком досок в этом доке, среди горластых, полупьяных товарищей, грязных и свирепых бродяг со всех концов света.

День за днем, час за часом выжидал я удобного случая проникнуть в запретную часть дока и наконец дождался. Однажды я отказал себе

послеобеденное время, когда рота оказалась там, ставшая воротами.

Но при этом времени крался в сторону дока, по имени Джон не был.

Он был по за это все, что хорошо замечательно существовало вооруженные превосходные где все было лодью высшего ие было то твердилось: строено из это невозможно тило его, то отражениями палуба, башни чистейшим э одурманиваю всем на свете и не мог дослу

Я до того когда передо мной раздалился в руках

послеобеденном отдыхе и пробрался к доку в то время, когда никого из рабочих не было, но ворота оказались запертыми, и я, притаясь за кустами, стал ждать, когда придет сторож и откроет ворота.

Но пришел не сторож, а сам Ревущий Джоп. Он вошел и не запер за собой калитку, так как в это время не было никого из рабочих. Я прокрался вслед за ним не только в передний двор дока, но и в потайную часть, которую Ревущий Джоп не потрудился запереть, выйдя оттуда.

Он был в отсуствии не более четверти часа, но за это время я успел увидеть и рассмотреть все, что хотел. Здесь действительно стояло самое замечательное военное судно, какое когда-либо существовало. Это был большой крейсер, чудно вооруженный; вся палуба его была уставлена превосходнейшими скорострельными орудиями, где все было по новейшему образцу, всякая мелочь высшего достоинства. Но всего замечательнее было то, что предположение мое вполне подтвердилось: все это судно, по-видимому, было построено из чистого золота, и хотя я знал, что это невозможно, но когда заходящее солнце осветило его, то весь крейсер загорелся огненными отражениями, подобно тысяче зеркал. Вся его палуба, башни, верхняя рубка — все это сияло чистейшим золотом. Это зрелище было до того одурманивающее, что я положительно забыл обо всем на свете, а все только глядел на это судно и не мог досыта наглядеться.

Я до того забылся, что очнулся только тогда, когда передо мной мелькнуло лезвие ножа, а над ухом раздались страшные проклятия и сам я очутился в руках Ревущего Джона.

— Ах ты, проклятая крыса! Что ты здесь делаешь?! — кричал он, тряся меня изо всей силы и угрожая мне своим пожом. Тут случилась беда, чуть было не сгубившая меня безвозвратно: стараясь ухватить меня покрепче, он сдернул один из моих густых черных бакен и обнаружил мой гладко выбритый подбородок.

Это открытие как громом поразило его. Он отступил на шаг назад с таким выражением лица, что мне стало ясно, что, если я промедлю хоть одну секунду, мне не быть живым, и потому, недолго думая, я вывернулся и побежал со всех ног. Бежал я без оглядки, слышу за собой погоню двадцати человек и проклетия грубых, пьяных голосов. Наконец я выбежал на улицу и скрылся в чужом дворе.

Мне удалось уйти от преследователей, но я не мог простить себе, что я совершенный шпион моего правительства, полагаясь на свой новичок-полисмен. Кроме того, для меня было ясно, что я бесповоротно лишил себя возможности снова получить доступ в этот док и что если я желаю собрать о нем какие-либо сведения, то принужден буду прибегнуть к каким-нибудь другим средствам. Прежде всего я решил сделать визит синьору Вецциа, владельцу тех доков, где я работал. Я явился к нему в качестве агента одной нью-йоркской судоходной компании, с которой я был несколько знаком, и был принят чрезвычайно любезно. Наш разговор, когда я сообщил ему, что намерен заказать несколько пароходов для торговых сношений между Америкой и Италией, стал совершенно дружественным, так что я даже решился приступить к тому делу, которое привело к нему.

— Кста
военное су
ке, нечто с
Говоря

Он вдруг
топе его
мотал он с
пой поспеш

— Да, д
по необычн
риканских
знаете ли, н
по зайят! —
надевал очк
проводить м
раз.

Потерпев
тот холм, от
и просидел т
него.

Было ясно
ор Вецциа лг
бя и телом,
рискуя даже

Вдруг я за
дившую из г
чит, оно гото
уже через нес
все погибло!
было никакого
защитки. Мне
во все концы з
сказочное суди
«Ну вот ты на

— Кстати, — сказал я, — какое поразительное военное судно у вас стоит во втором заднем доке, нечто совершенно необычайное!

Говоря эти слова, я не спускал с него глаз. Он вдруг заметно съежился и ушел в себя, и в тоне его слышалась гроза. «Дьявол!» — пробормотал он себе под нос, затем отвечал с необычайной поспешностью:

— Да, да, очень любопытное судно, совершенно необычное, заказанное для одной из южноамериканских республик. Это такая их фантазия, знаете ли, но извините меня, ради Бога, я страшно занят! — В сильном волнении он то снимал, то надевал очки, затем крикнул слугу и приказал проводить меня, извинился передо мной еще раз.

Потерпев еще раз неудачу, я отправился на тот холм, откуда было видно диковинное судно, и просидел там несколько часов кряду, глядя на него.

Было ясно, что здесь крылась тайна, что сеньор Вецциа лгал, и я решил тут же посвятить себя и телом, и душой разоблачению этой тайны, рискуя даже потерять свою службу, которой жил.

Вдруг я заметил темную струйку дыма, выходящую из трубы этого безымянного судна; значит, оно готовилось к отплытию и, быть может, уже через несколько часов уйдет в море! Тогда все погибло! Но что мог я сделать?! У меня не было никакого ключа к этой тайне, ни малейшей зацепки. Мне оставалось только выслать агентов во все концы земного шара, чтобы караулить это сказочное судно, что, конечно, было совершенно невозможно. Между тем рассудок твердил мне: «Налюнь ты на все это дело, пусть это золотое

судно со своим разбойничьим экипажем отправляется ко всем чертям, и занимайся своим настоящим делом». Это был, конечно, разумный совет, тем более что я не имел в этом деле ни малейшей точки опоры, ни малейшей зацепки или исходного пункта.

Но несмотря на все эти резоны, дело это не давало мне покоя; напрасно я жгутом крутил свой бедный мозг, напрасно придумывать какое-нибудь средство доискаться тайны этого судна, — все было безуспешно. Несколько раз в течение этого дня я поднимался на вершину холма и смотрел на судно, несколько раз возвращался в свою гостиницу, чтобы сесть наедине, заходил в несколько кафе, чтобы закурить сигару и уловить какой-нибудь разговор, который мог навести меня на догадку относительно этого судна, — все было напрасно. Наконец я сказал себе: «Черт с ним!» — и усталый и разбитый вернулся в свою комнату, где и лег в постель. Но заснуть я, конечно, не мог и, вероятно, промучился бы до утра, то гася, то зажигая свечу, то принимаясь читать рассказы Поэ, которые я очень люблю, то отбрасывая книгу и снова размышляя все на ту же тему, если бы мой сосед не заговорил с кем-то сначала шепотом, напомнившим жужжание комара или мухи, запутавшихся в кисее полетом, и я стал прислушиваться к этому жужжанию просто от скуки, затем голос стал громким и отчетливым, так что я мог уловить отдельные слова. Голос этот мне почему-то нравился, но затем другой голос, отвечавший ему, положительно сбивал меня с толку. Я узнал голос Ревущего Джона, который собирался прирезать меня, как собаку.

Два слова, сказанные этим человеком, заста-

вили меня вско-
кой деревянной
комнаты; в пер-
как это часто
яских гостиных
приложил сперв
та была заткну
ухи и более час
лыи звук. Я уви
как здесь, в см
дней, приставлен
он беседовал, оч
это дело. Накопе
продолжалась во
кратилось, и я
спать. Но любопы
Я достал из с
щепные инструме
ко секунд без ма
стие в перегородк
глянуть внутрь с
ошася, что мой
но когда я заглян
небородого мужчи
де перед ним леж
огромной ценност
шой «бульдога» —
испустился в задум
рая пальцами дра
бой несметное бога
Вглядевшись пр
убедился, что он с
на, очевидно, засн
же был этот челове
кого несметного бо

отправ-
насто-
совет,
тейшей
сходно-
это ве
крутил
кое-пи-
удна,—
течение
олма в
дался в
заходил
и уло-
навести
а,— все
«Черт с
в свою
я, ко-
бы до
нимаясь
облю, то
е на ту
с кем-
жжение
полога,
жжанию,
им и от-
ые сло-
по зате
ьно биз
на, кото-
аку.
м, заста-

вили меня вскочить на ноги, и я очутился у тон-
кой деревянной перегородки, разделявшей эти две
комнаты; в перегородке была проделана дверь,
как это часто бывает в дешевых номерах итальянских гостиниц. Опустившись на колени, я
приложил сперва глаз к замочной скважине, но
та была заткнута бумажкой, тогда я приложил
ухо и более часа простоял так, жадно ловя каж-
дый звук. Я узнал, что судно еще не ушло, так
как здесь, в смежной комнате, находится пего-
дья, приставленный сторожить и охранять его;
он беседовал, очевидно, с тем, кто платил ему за
это дело. Наконец голоса смолкли, но в комнате
продолжалась возня. Вскоре, однако, и это пре-
кратилось, и я полагал, что мой сосед улегся
спать. Но любопытство не давало мне покоя.

Я достал из своего чемодана некоторые запре-
щенные инструменты и с их помощью в несколь-
ко секунд без малейшего шума продделал отвер-
стие в перегородке, сквозь которое теперь мог за-
глянуть внутрь соседней комнаты. С минуту я
опасался, что мои соседи оба ушли из комнаты;
но когда я заглянул в нее, то увидел рослого чер-
нобородого мужчину, сидевшего у стола, а на сто-
ле перед ним лежала груда драгоценных камней
огромной ценности. Подле него лежал еще боль-
шой «бульдог» — револьвер; сам же он, казалось,
погрузился в задумчивость или задремал, переби-
рая пальцами драгоценности, представлявшие со-
бой несметное богатство.

Вглядевшись пристальнее в этого человека, я
убедился, что он спит. Этот грубый рослый дети-
на, очевидно, заснул, перебирая сокровища. Кто
же был этот человек и почему он, обладатель та-
кого несметного богатства, сидел в этой скромной

итальянской гостинице и пазпачал ночное свидание здесь какому-то негодяю, рабочему дона? Честным ли путем приобрел он эти драгоценности? Или же все это было награблено? Вопросы разом нахлынули на меня, и я решил во что бы то ни стало разузнать об этом бородатом человеке.

Более часа простоял я у проделанного мною отверстия, выжидая, когда этот человек проснется. Время было близко к рассвету, когда он очнулся и с первой поспешностью принялся сгребать драгоценные камни в большой кожаный ларец, который замкнул и поставив в тяжелый железный сундук, замкнул и его большим странного вида ключом. Ключ тот он положил себе под подушку, затем неторопливо сбросил с себя платье и, не загасив лампы, ушел на постель.

Тогда я осторожно вырезал замок из двери, разделявшей наши комнаты, падел мягкие войлочные туфли, захватил с собой склянку хлороформа и мягкую суконку и, засунув револьвер за пояс, осторожно отворил дверь и вошел к соседу. Приблизившись, неслышно к его постели, я дал ему вдыхать в течение нескольких минут приятный мною хлороформ, затем, убедившись, что он стал для меня вполне безопасен, достал ключ у него из-под подушки, раскрыл железный сундук и кожаный ларец и стал перебирать драгоценные камни. Но не они интересовали меня, не они прельщали меня, несмотря на свою необычайную красоту; я надеялся найти здесь что-нибудь иное, какой-нибудь предмет, могущий мне служить указанием, и действительно, в руки мои попало чудное ожерелье из опалов и бриллиантов самой чистой воды, ожерелье тонкой работы и прекрасного рисунка. Ожерелье это пока-

залось мне знаком уже это ожерелье — момент ни тем не менее я бы находится ключ и не увидев ничего интересным, я в прежнее место, за от последнего сун я принялся внимать главное, форму ручал его до тех пор его среди тысячи

Покоячив с этой комнату и, растягивать в уме разное виденного мною дал впопыхах, наивне навеяло на меня воскресла в памяти которую я столько помнить. Я вдруг Ливерпуле, увидел названием «Город в Нью-Йорк; воспоминание знаменитых кражами драгоценностей и было найдено, вслед за тем владелице — леди Хардон.

С этим живым торжествующий и в руки Имя леди Хардон

валось мне знакомым. Да, я, несомненно, видел уже это ожерелье, но где? на ком? Этого я в данный момент никак не мог припомнить. Но тем не менее я был уверен, что у меня в руках находится ключ к загадке. Оглянувшись кругом и не увидев ничего, что могло бы быть для меня интересным, я положил все драгоценности на прежнее место, замкнул ларец и сундук, а ключ от последнего сунул под подушку спящего. Затем я принялся внимательно изучать черты, фигуру и, главное, форму рук и ногтей этого человека, изучал его до тех пор, пока не уверился, что узнаю его среди тысячи человек с первого взгляда.

Покончив с этим делом, я вернулся в свою комнату и, растянувшись на постели, стал перебирать в уме разные предположения относительно видевого мною ожерелья. Битый час я блуждал влотьмах, наконец, утомительное переутомление навело на меня сон, и во сне у меня разом воскресла в памяти вся эта история с ожерельем, которую я столько времени тщетно старался припомнить. Я вдруг увидел главную пристань в Ливерпуле, увидел пароход компании «Стар» под названием «Город Санкт-Петербург», отходивший в Нью-Йорк; вспомнил происшедшее при этом задержание знаменитого вора, прославившегося кражами драгоценностей, Карла Рейхемана, на котором и было найдено это самое опаловое ожерелье, вслед за тем возвращенное его законной владелице — леди Хардон, Беркелей-сквер, д. 202, Лондон.

С этим живым воспоминанием я проснулся, торжествующий и счастливый, как ребенок, получивший в руки страстно желаемую игрушку. Имя леди Хардон не сходило у меня с языка

все время, пока я одевался, умывался и причесывался. Вдруг точно электрический ток прошел по всем моим членам: это имя воскресило в памяти моей историю печальной кончины этой леди. Я вдруг вспомнил, что леди Хардон покинула Англию на большом трансатлантическом пароходе «Александрия», погибшем в водах Бискайского залива с год тому назад; вспомнил, что в газетах говорилось о том, что она имела при себе все свои драгоценности, известные всему лондонскому высшему свету, в том числе и знаменитое ожерелье из опалов и бриллиантов. И никто, ни одна живая душа не могла сказать, как погибла эта несчастная женщина, никто не мог рассказать о ее последних минутах. Как же это могло случиться, что этот человек, грубый простолюдин, как это было видно по всему, теперь является обладателем знаменитого ожерелья, которое, по мнению всех, лежало на дне Голубого залива?

Позабыв позавтракать, я вышел из дома и направился на вершину того холма, откуда был виден док, но золотого судна там уже не было, и то место, где оно стояло, было пусто.

Это нимало не удивило меня, так как я этого ожидал. Удостоверившись в том, что золотое судно снялось с якоря, я отправился в порт, навел справки, какие суда ушли из Специи за последние двадцать четыре часа, и узнал, что бразильское военное судно, построенное синьором Веллсией, ушло сегодня в три часа утра. Больше я ничего не смог добиться от служащих, которые, очевидно, были щедро задобрены и потому немые как рыбы. Из порта я поспешил к себе в гостиницу, желая узнать, уехал ли мой сосед, обладатель драгоценных камней, и, к великому моему удив-

лению, застал. Из этого я заключил, что он вместе с остатком не находится на золотом судне, был за человеком выведать, как случай.

Около года пулся в Лондон, оказался еще обладателя драгмы случай та и которого я за нем капитана Б.

Теперь я со произошло за это безымянное судно человек этот по приж, куда после всего сутки, он где он сел на ма рья его в водах вернулся в Италию. Комым мне поли Лондон, в Сан-Ф Южной Америки о новом военном Специи и постро правительстве, и себя капитаном Б ляхте-катере «Ля с течение почти десятилетия на мои вопросы ответа на мои вопросы обычное судно за

лению, застал его завтракающим в общем зале. Из этого я заключил, что так как он не отплыл вместе с остальными разбойниками, то, вероятно, не находится в прямых и тесных отношениях с золотым судном. Но в таком случае что же это был за человек? Кто он был такой? Это я решил вывести, как только мне представится удобный случай.

Около года спустя я покинул Специю и вернулся в Лондон, где в одном из отелей случайно оказался еще раз соседом того самого человека, обладателя драгоценных камней, с которым я имел случай так хорошо познакомиться в Италии и которого я затем постоянно встречал под именем капитана Блэка.

Теперь я сообщу Вам, Сэрсиг, вкратце, что произошло за это время. В тот самый день, когда безымянное судно вышло из дока и ушло в море, человек этот покинул Специю и отправился в Париж, куда последовал за ним и я. Пробыв здесь всего сутки, он и я с ним направились в Шербур, где он сел на маленькую частную яхту, и я потерял его в водах Па-де-Кале. Тогда я немедленно вернулся в Италию, отсюда телеграфировал знакомым мне полицейским агентам в Нью-Йорк, в Лондон, в Сан-Франциско и три других порта Южной Америки, прося сообщить мне сведения о новом военном судне, недавно вышедшем из Специи и построенном по заказу бразильского правительства, и о некоем человеке, именуемом капитаном Блэком, покинувшем Шербур на яхте-катере «Ля Франс» в утро 30 октября. Но в течение почти целого года я напрасно ожидал ответа на мои вопросы. Я узнал только, что не-обычное судно за все это время никем не было

встречено в открытом море и что о нем нигде, ни в одних отчетах или морских ведомостях различных стран, не упоминалось. Это казалось мне чрезвычайно странным, так как такое необычное судно не могло остаться незамеченным, а между тем о его существовании знали только его экипаж да я. Но, изучая английские и иностранные морские ведомости и списки судов, я увидел, что три больших океанских парохода с ценным грузом, превышавшим по страховке сумму в 100 000 фунтов стерлингов, погибли в тихую погоду, пойдя ко дну со всем своим грузом, один за другим, в течение того месяца, когда таинственное судно вышло из доков Спепи.

Не имея никаких сведений ни о безымянном судне, ни о капитане Блэке, я, однако, не терял надежды.

Пользуясь месячным отпуском, который я провел в Лондоне, я составил список всех драгоценностей, какие имели при себе пассажиры и пассажиры трех затонувших пароходов. Это были обыкновенные часы, кольца, браслеты — словом, такие вещи, каких много везде и всюду, но в числе этих вещей находилась принадлежащая одному нью-йоркскому торговцу редкостная историческая шкатулка с дорогим миниатюрным портретом работы Жака Петито, окруженным кольцом из редкой яшмы, и бывшая некогда собственностью французского финансиста Неккера. Редкостная шкатулка эта, как гласили официальные сведения, пропала при гибели парохода «Каталания», пошедшего ко дну со всем своим экипажем близ берегов Ньюфаундленда спустя 16 дней после того, как безымянное судно ушло из Спепи в море.

Спустя несколько лет характера нью-йоркской тайны, пьющий себя американец, в лагу Гудзона, во многих городах он ездит редкие миниатюры чрезвычайно экзотично в настоящее время.

Я тотчас же ходил тогда в селения в той же мый капитан Блэку в том самом в Париже, предельные миниатюры.

При этом я и глазами в руках шкатулку с миниатюрой Неккера в шкатулке эта на Блэка, который в фойере, затем спальне.

Не могу вам сказать это открытие. Капитан Неккера, которая лед океана, так же леди Хардон, оказалась оба парохода. Капитан Блэк о

Спустя несколько месяцев я получил частного характера сообщение от одного агента нью-йоркской тайной полиции о том, что человек, имеющий себя капитаном Блэком, — миллионер, американец, владелец громадного поместья на берегу Гудзона, пользующийся большим влиянием во многих городах и часто бывающий в Европе, куда он ездит скупать драгоценные камни и редкие миниатюры, человек, который слывет чрезвычайно эксцентричным и взбалмошным, и что в настоящее время он находится в Лондоне.

Я тотчас же поспешил в Англию, так как находился тогда в Женеве, и, прибыв в Лондон, поселился в той же гостинице, где остановился минувший капитан Блэк. Три дня спустя я явился к нему в том самом виде, в каком Вы видели меня в Париже, предлагая ему купить у меня весьма ценные миниатюры.

При этом я имел случай видеть собственными глазами в руках этого человека ту знаменитую шкатулку с миниатюрой, которая некогда принадлежала Неккеру и которая, согласно газетным отчетам, погибла вместе с пароходом «Каталония». Шкатулка эта находилась, однако, у капитана Блэка, который при мне достал ее из своего шкафа, затем снова запер ее в нем в своей спальне.

Не могу вам сказать, как меня взволновало это открытие. Какими судьбами историческая шкатулка, которая, по мнению всех, лежала на дне океана, так же как и опаловое ожерелье леди Хардон, оказалась в руках этого человека? Ведь оба парохода пошли ко дну, ни одна живая душа не спаслась!

Капитан Блэк оставался в Лондоне целых три

месяца, и за все это время я ни на час не терял его из виду. Кроме того, тщательно просматривая все отчеты о судах и пароходах, я заметил, что за все эти три месяца не произошло ни одного печального, необъяснимого и беспричинного крушения или гибели судна.

Все это, вместе взятое, до того разжигало меня, что я оставил службу и всецело посвятил себя преследованию этого человека, этой воплощенной тайны. Я последовал за ним из Лондона в Париж, затем в Петербург, потом снова через всю Францию в Марсель, где он сел вместе с тремя из тех негодяев, которых я знал в Специи на свою яхту «Ля Франс», а месяц спустя эта яхта, но уже без него, была в гавани Коус, и одновременно с этим большой пароход, шедший из Капштадта в Кадис с очень ценным грузом, как это всем было известно, вдруг пропал без вести, как и те три парохода, о которых я говорил раньше. И вот тогда у меня явилась уверенность, что я единственный на свете знаю страшную, ужасную тайну, от которой волосы становятся дыбом.

И все же, хотя сам я был вполне убежден в этом, все же доказать связь между этим человеком и золотым судном с его разбойничьим экипажем еще не имел возможности.

В течение нескольких месяцев все мои старания оставались безуспешными. Наконец в прошлом году я получил в Ливерпуле известие, что этот человек находится в городе. Я тотчас же явился к нему со своим товаром и на этот раз стал его не одного, а в компании всех этих разбойников, этого разбойничьего экипажа, которых видели и Вы в Париже, и был свидетелем такой же дикой оргии. С неделю я следил за ним неот-

ступно, но по прошествии из виду, и, когда зовте цивилизованно, рже, всего два дня вас сопровождать меня, что я отправился с тем, проплавав двое удастся доказать, что той лишь как прикрыть ко миль от берега на ся на свое безымянное вить все эти связанные ству и предоставить о моей жизни была бы д

Но, видно, это не может теперь на других Марк Стронг. Вы можете материальные средства должать это дело. Вы ственного мрака загрозует меня. Все сведете получать и Вы; и писал мне в этом в вышнем могут, как делали этого человека. Что не бавит мир от этой страпрямо в Лондонское а суму, какую Вы пожам. Для начала совету Гудзона и там разузна об этом человеке. Так

ступно, но по прошествии этого времени потерял его из виду, и, когда он снова появился на горизонте цивилизованного мира, это было уже в Парриже, всего два дня тому назад, когда я просил вас сопровождать меня в его берлогу. Вы знаете, что я отправился с ним в Ливерпуль в надежде, что, проплавав двое суток в его обществе, мне удастся доказать, что он пользуется своей яхтой лишь как прикрытием и что, отплыв несколько миль от берега на этой яхте, он пересаживается на свое безымянное судно. Я мог бы представить все эти связные данные любому правительству и предоставить ему действовать. Тогда цель моей жизни была бы достигнута!

Но, видно, это не суждено мне. Эта задача ляжет теперь на других, главным образом на Вас, Марк Стронг. Вы молоды, имеете достаточные материальные средства и можете с успехом продолжать это дело. Вы не боитесь и черного таинственного мрака загробной жизни, который так пугает меня. Все сведения, какие получал я, будете получать и Вы; имена моих друзей, помогавших мне в этом в вышеупомянутых городах, я записал для Вас, и они будут служить Вам всем, чем могут, как делали это для меня. Но помните одно: на море Вам никогда не удастся осилить этого человека. Что же касается денежного вознаграждения, вполне заслуженного тем, кто избавит мир от этой страшной язвы, то обратитесь прямо в Лондонское адмиралтейство и к торговым судоходным компаниям, потребуйте с них ту сумму, какую Вы пожелаете, и они выплатят ее Вам. Для начала советую отправиться к берегам Гудзона и там разузнать кое-какие подробности об этом человеке. Так предполагал сделать и я,

но теперь пусть бессмертный дух мой содействует Вашему успеху, а память обо мне укрепит Вас желание довести это дело до конца!

Писано на яхте «Сельзис», стоящей на якоре в Коус, в августе текущего года, для Марка Стронга».

Когда я дочитал, глаза мои слезились от переутомления, лампа догорела; на дворе уже светало. Меня била лихорадка; в каюте я задыхался от смрада чадившей лампы и вышел наверх. Я увидел, что мы стоим на якоре в Соленте и что на яхте все спят, кроме Дэна, расхаживавшего взад-вперед по палубе.

— Вы не ложились, сэр?! — воскликнул старик. — Да на вас никак нет! Вам надо отдохнуть!

— Спасибо за добрый совет, Дэн, я посижу здесь часок, если ты принесешь сюда мои одеяло и подушку!

Минуту спустя я расположился в покойном кресле-качалке, а старый матрос укрыл меня чисто женской заботливостью; я заснул и видел во сне Холля, каингана Блэка, Четвероглазого и страшный костер на море. Когда я пробудился, доктор прописывал мне какой-то рецепт, а Мэри возилась со льдом. Они сказали, что у меня более 30 часов и что все они опасались, что у меня воспаление мозга. Но сон спас меня, и, когда Мэри стала настаивать, чтобы я пролежал неделю в кровати по предписанию доктора, я посоветовал ей передать это предписание Родрику, который был способен пролежать хоть месяц, а завтра сегодня еду в Лондон.

— Как?! — воскликнули они в один голос.

— Да, и, если я скажу то Мэри умоляет, ясь смягчить, но не, то она молчит. Родрик принял мии и диких фантомного Мартина глаза его горели — Отправимся

Новая яхта «Сел

Мы успели на в Лондон, и к о ном особняке Родри Мэри была с нами ужасной смерти М преследовал меня п

После обеда я адмиралтейство, дру ской паровой ко

Я сообщил об э усмехнулся, замети лать что угодно в т но не вмешиваясь в этого времени и оп

На следующий д адмиралтейство и по ного ожидания имел одного из чиновников отличался безукоризн

М. Пембертон

— Да, и, если Мэри оставит нас одних на минуту, я скажу тебе, зачем я еду!

Мэри умоляюще посмотрела на меня, надеясь смягчить, но так как я оставался непреклонен, то она молча удалилась.

Родрик принялся было упрекать меня в безумии и диких фантазиях, но я прочел ему рукопись покойного Мартина Холля и когда окончил, то глаза его горели странным огнем, и он произнес:

— Отправимся теперь же!

VI

Новая яхта «Сельзис» и начало преследования

Мы успели на первый поезд, отправлявшийся в Лондон, и к обеду были уже дома, в роскошном особняке Родрика и Мэри на Черинг-кросс. Мэри была с нами. Никто из нас не говорил об ужасной смерти Мартина Холля, но его призрак преследовал меня повсюду.

После обеда я написал два письма: одно — в адмиралтейство, другое — в правление американской пароходной компании «Черный якорь».

Я сообщил об этом Родрику, но тот только усмехнулся, заметив, что предоставляет мне действовать что угодно в течение двух суток, совершенно не вмешиваясь в это дело, а по прошествии этого времени и он выскажет свое мнение.

На следующий день поутру я отправился в адмиралтейство и после довольно продолжительного ожидания имел наконец счастье лицезреть одного из чиновников этого ведомства; чиновник отличался безукоризненной вежливостью, важно-

стью и тупоумием. Выслушав меня, он сказал, что адмиралтейство слышало кое-что об этом важном судне, но что в настоящее время у них так много дел, все они так заняты, что совершенно не имеют времени заняться этим делом, и предложил мне прийти через месяц.

— Через месяц! — воскликнул я. — Да через месяц все правительства Еврепы будут обвинять вас в непростительном невежестве и небрежности, и тогда вы поплете за мной, будете звать меня, но я и без вас обойдусь! Прощайте!

С этими словами я вышел из приемной и отправился прямо из адмиралтейства в управление пароходного общества «Черный якорь». Директор этого общества, человек серьезный и деловитый, молча и внимательно выслушал все и так же молча отнесся к моему утверждению, что я имею несомненные доказательства того, что в руках этого человека находятся драгоценности, которые все считают погибшими вместе с пароходом его компании «Каталония». Но, когда я окончил, директор позвонил своему служителю, и я по всему увидел, что он просто принял меня за помешавшего. Вернувшись домой, я рассказал о своих неудачах Родрику.

Он, по-видимому, вовсе не был удивлен, а, как мне показалось, даже был доволен таким оборотом дела.

— Конечно, — сказал он, спуская ноги с дивана, на котором лежал. — Кто поверит такой сказке?!

— Но я готов прозакладывать жизнь, что каждое слово Мартина Холля — чистейшая правда, а что касается тебя, то не вполне уверен, убежден ли ты в истине всего этого.

Родрик но сел на свой диван дыма.

— Вот что он наконец, — я верю ли я стрелу друга или нет. ход!

— Ты?! Но это пметь к мое Холля и на что

Родрик, как понятливостью, с необычайной д

— Ты знаешь глагольствований понятно, но, как годня в твое о яхту «Рокэт», она будет переи паж ее будет со друга капитана ты; кроме того, в пригласил брата пажу еще двенад будут человек во нера-механика. В возьмем твоего ст ствовал у тебя па мить нас в течени рые нам придется еще требуется мл офицер, и так как ходить с нами,

Родрик не сразу ответил; он уже снова улегся на свой диван и теперь пускал в воздух колечки дыма.

— Вот что я тебе скажу, Марк,— промолвил он наконец,— пусть меня повесят, если я знаю, верю ли я странной истории твоего покойного друга или нет. Во всяком случае, я купил пароход!

— Ты?! Но скажи, какое отношение может это иметь к моему делу и к завещанию бедного Холля и на что тебе вдруг понадобился пароход?!

Родрик, как будто раздосадованный моей непонятливостью, вынул изо рта сигару и заговорил с необычайной для него быстротой.

— Ты знаешь, что я не терплю никаких разглаговольствований и думал, что все это само собой понятно, но, как видно, ошибся. Так слушай! Сегодня в твое отсутствие я приобрел паровую яхту «Рокэт», но, прежде чем мы сядем на нее, она будет переименована в яхту «Сельзис»; экипаж ее будет состоять из нашего молчаливого друга капитана Йорка и всего экипажа твоей яхты; кроме того, в качестве старшего помощника я пригласил брата капитана и в помощь твоему экипажу еще двенадцать матросов; далее, нам нужны будут человек восемь артиллеристов и три инженера-механика. Всех этих людей я унаследовал от бывшего владельца «Рокэта», а в качестве кока возьмем твоего старого Капалота, который хозяйствовал у тебя на «Сельзис» и не откажется кормить нас в течение тех двух-трех недель, которые нам придется пробыть в море. Теперь нам еще требуется младший помощник и младший офицер, и так как эти люди будут постоянно находиться с нами, то выбор их следует делать

осмотрительно. Я поручаю тебе принять это на себя: ты знаешь, что я терпеть не могу посторонних людей и разговаривать с ними. Марк, ты знаешь, что я никогда не чувствовал по отношению к кому-либо особенного чувства озлобления, когда ты читал мне рукопись покойного Холли, я дал себе клятву предать этого негодяя, убийцу твоего несчастного приятеля и многих других, в руки правосудия, и пока я этого не сделаю, я не буду иметь ни минуты покоя. Ты говорил о нашем правительстве, о пароходных компаниях и рассчитывал на их содействие, но я знал, что из этого ничего не выйдет. Какое нам дело до нас? Тебе же, я знаю, нужны деньги; у меня они есть, а все мое — твое, и все, что я имею, в твоём распоряжении. Итак, принимайся за дело, доведи его до успешного конца, выведи этого негодяя и передай его в руки правосудия, а тогда, не стеснясь, требуй себе надлежащего вознаграждения за риск и услугу. А пока помни: по крайней мере в течение нескольких месяцев нам ничего рассчитывать на помощь со стороны, и все, что мы должны сделать, должны делать сами, и не на словах только, а и на деле. Мы должны, как советует Холли, отправиться на берега Гудзона и там выследить этого негодяя. Вот и отправимся туда как только «Сельзис» будет надлежащим образом снаряжена и готова выйти в море. Все это будет сделано на мой счет, хотя я не более как пешка в этой игре, которую должен вести и разыгрывать ты; ведь покойный тебе завещал эту задачу. Его именем я и прошу тебя без возражений согласиться на мое предложение: ты должен сделать это ради него!

Что я мог ответить на это? Я только крепко

пожал его руку, и чувства — нетерпение

хлопотали и во мне

Вскоре явился

присланный агент

луг в качестве мла

меня неприятно

физиономия, но, з

красных моряков,

и, убедившись, что

вые и он, несомне

дин, предложил ем

мощника на парово

сил его явиться на

ожидании отплыт

этого человека, то д

чтобы никогда не з

В последний де

на мы с Родриком

ра еще уехала в Со

родственнице, у кот

все время нашего от

прекословная готовн

сколько огорчила ме

— Вероятно, она

сто! — сказал я под

— Ты о ком, о м

Родрик. — Я отпра

— Нет, я думал

— Да, ты всегда

и говоря, я очень до

ухать; я боялся, что

ни. Девушки всегда

ное дело, но ты, оче

Я действительно б

пожал его руку, прочтя на лице друга те же чувства — нетерпение и жажду возмездия, — как же хлопотали и во мне самом.

Вскоре явился ко мне г-н Франциско Паоло, присланный агентами с предложением своих услуг в качестве младшего помощника; сначала на меня неприятно подействовала его итальянская физиономия, но, зная, что Италия дает нам прекрасных моряков, я отбросил этот предрассудок и, убедившись, что рекомендации у него прекрасные и он, несомненно, очень приличный господин, предложил ему занять место младшего помощника на паровой яхте «Сельзис», причем просил его явиться на судно, стоявшее в Плимуте в ожидании отплытия. Но если бы я тогда знал этого человека, то дал бы тысячу фунтов за то, чтобы никогда не знать и не видеть его.

В последний день перед отъездом из Лондона мы с Родриком обедали одни. Мэри же с утра еще уехала в Солсбери к одной своей старой родственнице, у которой должна была пробыть все время нашего отсутствия. Признаюсь, ее беспрекословная готовность расстаться с нами несколько огорчила меня.

— Вероятно, она теперь уже прибыла на место! — сказал я под впечатлением своих мыслей.

— Ты о ком, о моей старой собаке? — спросил Родрик. — Я отправил ее с охотником в деревню!

— Нет, я думал о Мэри, а не о собаке!

— Да, ты всегда думаешь о ней, а между нами говоря, я очень доволен, что она согласилась уехать; я боялся, что нам с ней будет много возни. Девушки всегда лишние, когда есть серьезное дело, но ты, очевидно, другого мнения.

Я действительно был другого мнения. Мне ка-

залось, что ее присутствие внесло бы много светлых минут в нашу полную тревог и волнений жизнь, а ее ясный взгляд не раз поддерживал бы во мне бодрость духа и светлую надежду на успех в минуты опасностей и несудач, по я, конечно, не сказал об этом ни слова!

Поезд отходил в девять часов, и у нас оставалось очень немного времени. Я поспешил в свою комнату, чтобы упомянуть необходимые вещи. Какое же было мое удивление, когда я нашел свой чемодан разрытым, платье и вещи выкинутыми на пол; большой перилель, где у меня хранились бумаги покойного Мартина Холля, был раскрыт и разрыт и валялся тут же. При осмотре оказалось, что его рукопись была не тронута, но письма к нью-йоркской полиции, чертежи, планы и наброски были украдены. Это открытие положительно ошеломило меня, хотя в первый момент я и не сознавал всей важности этой пропажи.

Я приказал позвать к себе управляющего, который немедленно явился и был до крайности удивлен случившимся, причем ручался мне за полную благонадежность всех слуг в доме и за то, что никто из них не осмелился бы войти в мою комнату.

После этого был призван привратник, но и тот уверял, что никто со вчерашнего дня, когда я принимал у себя итальянца, не приходил, по что сегодня он присылал сюда человека за какой-то вещью, которую он здесь оставил; а кроме него никто не заходил в дом.

Тогда мне все разом стало ясно. Я успокоил управляющего, сказав, что пронажка несущественная и что мне, в сущности, вовсе не следовало посылать за ним.

Когда управляющий успокоился. Кому же, как не тому человеку, преследовать?! Но чуждых намерениях? Значит с самого начала, и ходилось тягаться с лионами, с капитаном остававшимся делом.

Вдруг в комнату входящий Родрик с

— Боже правый! Ведь через десять минут тебя еще ничего не

Я пробормотал и стал собирать вещи, все как попало в чашу головы, из вежливости так радуется.

— Представь себе!

— Очень рад, па-ри, — отозвался я.

— Да ведь она должна Родрик. — Она

Знаю! Она поехала об этом ни слова, а

Услыхав об этом, мне во весь рост, и

— Что же, разве с удивлением Родрик

— Я... я полагаю

— Знаю, знаю, м

в сущности, в Атлан

Когда управляющий удалился, я долго не мог успокоиться. Кому могли быть нужны эти бумаги, как не тому человеку, которого я намеревался преследовать?! Но что он мог знать обо мне и моих намерениях? Значит, за мной следили уже с самого начала, и мне с первых же шагов приходилось тягаться с человеком, обладавшим миллионами, с капитаном разбойничьей ватаги, не остававшимся ни перед каким страшным делом.

Вдруг в комнату ко мне вбежал широко улыбающийся Родрик с телеграммой в руках.

— Боже правый! Да что же ты тут делал?! Ведь через десять минут мы должны ехать, а у тебя еще ничего не готово!

Я пробормотал что-то в свое оправдание и стал собирать вещи, комкая белье и запихивая все как попало в чемодан, причем, не поднимая головы, из вежливости спросил Родрика, что его так радует.

— Представь себе, Мэри благополучно доехала!

— Очень рад, надеюсь, ей поправился Солсбери, — отозвался я.

— Да ведь она вовсе не в Солсбери! — продолжал Родрик. — Она в Плимуте, на яхте «Сельвис»! Она поехала прямо туда, не сказав мне об этом ни слова, а тетке отправила телеграмму! Услыхав об этом, я поднял голову и выпрямился во весь рост, глядя ему прямо в лицо.

— Что же, разве ты не рад? — спросил меня с удивлением Родрик.

— Я... я полагаю, что ей там не место... я...

— Знаю, знаю, мы уже говорили об этом, по-настоящему, в Атлантическом океане нам не мо-

жет грозить никакая опасность, и в Нью-Йорке я позабочусь, чтобы устроить ее в надежном месте!

Я ничего не ответил на это, зная многое, чего не знал мой друг, но, вероятно, он понял, что поступает не совсем благоразумно, так как разом смолк и всю дорогу до того момента, когда мы сели в отдельное купе почтового поезда, отправлявшегося в Плимут, молчал. Я тоже был в неразговорчивом настроении. Кто мог знать, чем кончилось задуманное нами дело? Увидим ли мы вновь берега милой Англии? Во всем приходилось положиться на волю Провидения; с этой мыслью я завернулся в одеяло и заснул. Было уже совсем светло, когда мы прибыли в Плимут и явился на нашу новую паровую яхту «Сельзис», где капитан Йорк встретил нас у трапа.

— Добро пожаловать! — приветствовал нас, и мы последовали за ним в каюту, где нас ожидал горячий кофе.

— Сестра моя здесь? — осведомился Родрик.

— Да, со вчерашнего вечера. Никаких распоряжений не будет?

— Это мы сейчас увидим. Ваш младший помощник здесь?

— На берегу, он оставил записку, что к полудню будет на судне.

Записку эту капитан еще держал в руке. Мой взгляд случайно упал на нее, и почерк показался мне знакомым. Я выхватил эту бумажку у него из рук и сразу убедился, что записка была писана той же рукой, что и приглашение капитана Блэка, полученное мною в Париже.

— Что такое? — воскликнул Родрик, а капитан

тот, взглянув на нас, что-нибудь из

— Нет, ровно где-то этот почерк, ах, где именно! — что не выспался и

Несмотря на то, которые подробности наших путешествия мы отложили все это время и уд

Но когда я пришел ко мне и стал рассказывать о своих планах о пропаже некоторых вещей. Он сразу увидел в этом

— Мы, как видите, к счастью, еще можем избежать уйт в море. Мы, конечно, та

— Это, без сомнения, братья из ямы, — по той, что наши действия получили неприятель. Блэка к себе на судне вы не оставили его

— Оставить его? Да ты с ума сошел! — Да ты постоянно при себе тии в Нью-Йорк с легкой

— Не будем спорить на виду, что все наши

Нью-Йорк надежных
многое, чего
понял, что
как раз
когда мы
отправляе-
т в неразго-
чем кончат-
и мы вновь
одилось по-
той мысль
уже совсем
явились в
где капи-
тван ое
оту, где в
иился Род-
каких распо-
младший по-
у, что я по-
в руке. Мол
рк показате-
ажку у него
была писан
апитана Бл
рик, а капи-

тан, взглянув на меня в упор, спросил: — Разве вам что-нибудь известно об этом человеке?

— Нет, ровно ничего, капитан, но я видел где-то этот почерк, хотя и не могу сейчас припомнить, где именно! — При этом я зевнул и заявил, что не выспался и думаю немного отдохнуть.

Несмотря на то что капитан желал узнать некоторые подробности относительно задуманного нами путешествия и предполагаемого маршрута, мы отложили все эти пояснения до более удобного времени и удалились в свои каюты.

Но когда я прилег на койку, Родрик присел ко мне и стал расспрашивать о почерке записки. Я сказал о своих подозрениях, а также сообщил о пропаже некоторых бумаг из моего чемодана. Он сразу увидел в этом серьезную опасность и заявил:

— Мы, как видно, идем прямо в западню, но, к счастью, еще можем избежать ее. Кто нам мешает уйти в море без этого младшего помощника? Мы, конечно, так и сделаем!

— Это, без сомнения, один из способов выбраться из ямы, — проговорил я, — но весьма важно то, что наши действия с первого же шага известны неприятелю. Нетрудно угадать, что мы заполучили одного из приверженцев капитана Блага к себе на судно, но я не вижу, почему бы нам не оставить его у себя?

— Оставить его у себя? — воскликнул Родрик. — Да ты с ума сошел! Это ведь значит иметь постоянно при себе шпиона, который по прибытии в Нью-Йорк с легкостью подготовит нашу гибель!

— Не будем спорить, Родрик. Ты упускаешь из виду, что все наши люди преданы нам телом

и душой, на них можно вполне положиться. Теперь допустим даже, что этот шпион будет выслеживать, выслеживать и подслушивать все, что делается и говорится здесь. Что же он узнает? Ведь, кроме нас двоих, никому ничего не известно. Капитану ты скажешь, что это просто путешествие для развлечения. А мы оба будем помогать следить за этим шпиором Паоло так, чтобы малейшее его действие и движение были нам известны. Таким путем нам, быть может, удастся узнать то, что для нас так важно, — найти недостающее звено в цепи, скованной английским Холлем. В случае, если Паоло вздумает утопить нас, наверное, с ним будет нетрудно справиться. Заведомый враг никогда не может быть особенно опасен!

— Пожалуй, ты прав, пусть он остается с нами, но только я начинаю желать, чтобы Мэри осталась в Англии! — проговорил мой друг.

В глубине души и я был согласен с ним, что я мог сказать? К чему было усиливать его опасения и увеличивать страх за сестру? И, рассмеявшись над его предчувствием, я завалился спать. Проснув несколько часов, я взошел наверх и принялся обозревать яхту, желая хорошенько ознакомиться с ней.

Это было прекрасное судно в 700 тонн, с оснасткой шхуны и прекрасной паровой машиной тройного давления. Все жилые помещения были устроены комфортабельно; всюду замечалась щегольская отделка. В каюг-компании на полках и этажерках я заметил цветы и тотчас же догадался, что это дело рук Мэри. А вот и сама она вышла наверх, веселая и счастливая, с разгоревшимися щеками и сверкающими глазками, и стала объяснять, как она решила отправиться с нами.

— Как видите, я
— Ну а когда
Вот что меня инт
в шутку.

— Полагаю, в
ка, — так как я п
гаре!

— Нет, скажит
здесь, на судне, а не
перь думает о вас те

Но Мэри только
махнув рукой. В это
шаги, я быстро обе
новый младший офи
за наши встретили
взгляде, но он не мор

— Что скажете?

— Господин Стюа
в свою очередь, освед

— Не знаю, но вы

— Капитан желает
он проснется. Мы все
только он отдаст при

— Я могу отдать
зал я. — Начинайте

Мэри, спуститесь-ка
дверь каюты Родрика

Девушка проворно
апла, а новый помощ

ким серьезным, вдум

был не в силах оторва

Когда он отошел от
и смотрел, как он рас

сведущим моряком о

— Как видите, я на судне! — заявила она.

— Ну а когда вы думаете съехать на берег?

Бот что меня интересует! — спросил я как бы в шутку.

— Полагаю, в Нью-Йорке, — отвечала девушка, — так как я намерена побывать на Инсгаре!

— Нет, скажите мне, почему вы очутились здесь, на судне, а не поехали в Солсбери? Что теперь думает о вас тетка?

Но Мэри только весело рассмеялась в ответ, махнув рукой. В этот момент, услышав за собою шаги, я быстро обернулся. Передо мной стоял новый младший офицер Франциско Паоло. Глаза наши встретились в долгом, испытующем взгляде, но он не моргнул.

— Что скажете? — спросил я.

— Господи! Стюарт проснулся? — спросил он в свою очередь, осведомляясь о Родрике.

— Не знаю, но вы можете его разбудить.

— Капитан желает переговорить с ним, когда он проснется. Мы все готовы сняться с якоря, как только он отдаст приказание.

— Я могу отдать вам это приказание, — сказал я. — Начиная сниматься сейчас же! А вы, Мэри, спуститесь-ка вниз да побарабажьте в дверь каюты Родрика, а не то он проспит до завтрашнего утра!

Девушка проворно повернулась и побежала вниз, а новый помощник посмотрел ей вслед таким серьезным, вдумчивым взглядом, как будто был не в силах оторвать глаз.

Когда он отошел от меня, я последовал за ним и смотрел, как он распоряжался людьми. Каким сведущим моряком оказался этот младший по-

мощник, каким знающим офицером! Если он был итальянцем, то надо признать, что в английском выговоре его не слышалось ни малейшего акцента, а голос звучал повелительно и властно, когда он отдавал команды.

Но это был человек горячий и вспыльчивый, в чем все мы имели случай убедиться тут же. Один угольщик, не успевший еще покинуть яхту, пустил по его адресу какую-то дерзость и, ослабев, оглядывался кругом на людей экипажа в надежде встретить их одобрение. Но не успела еще улыбка сойти с его лица, как Франциско Паоло ударил его с такой силой по голове, что бедняга скатился прямо на свою баржу, стоявшую под бортом яхты.

— Пусть это отучит тебя ухмыляться! — крикнул младший помощник ему вслед. — А в следующий раз, когда ты попробуешь посмеяться здесь, на судне, я отправлю тебя за тот борт!

Весь экипаж был чрезвычайно смущен и озадачен этой бешеной выходкой нового офицера: капитан на своем мостике покраснел как рак от негодования, но не сказал на этот раз ни слова.

— Тащи якорь! — скомандовал он в следующий за тем момент, и, когда Родрик вышел наверх и подошел ко мне, новая яхта «Сельзис» испуская клубы дыма, отошла от Плимута. Неприятный случай с угольщиком был забыт среди новых впечатлений.

Когда город исчез из виду и наша яхта вышла в глубокие воды пролива, у нас на душе стало как-то жутко. Предстояло далекое и, быть может, небезопасное путешествие; что же касается меня лично, то я невольно задавал себе вопрос, придет-

ся ли мне вновь
дела та же участь
преследование на

Когда стемне
волнам Атлантич
ясная, на небе н
точно серебряный
кая тишь, что не
тому пастроенно
лись вдвоем с Ро
любю.

Паоло стоял на
каюту. Только ок
нок нарушали вре
тишину, царившую
Родриком не испыты
ворить, сообщая д
о том, чего можно
суждено узнать чт
и его безымянном

— Может быть,
ия переезда, — про
дился, чтобы капит
пути почтовых пар
Холла, таинственн
этого пути. Однако
разбойничать в Атл
столько и торговых,

си ли мне вновь увидеть родную страну или суждена та же участь, что и бедному Холлю. Итак, преследование началось!

VII

Мне снится Паоло

Когда стемнело, «Сельзис» уже неслась по волнам Атлантического океана. Ночь была тихая, ясная, на небе ни одного облачка; луна висела, точно серебряный шар; кругом расстилалась такая тишь, что невольно располагало к мечтательному настроению. Мэри ушла вниз, и мы остались вдвоем с Родриком на задней кормовой палубе.

Паоло стоял на вахте, а капитан ушел в свою каюту. Только оклики часового да удары склянок нарушали время от времени торжественную тишину, царившую кругом. Никогда еще мы с Родриком не испытывали такой потребности говорить, сообщая друг другу свои предположения о том, чего можно ожидать в будущем, когда нам суждено узвать что-либо новое о капитане Блэке и его безымянном судне.

— Может быть, мы узнаем что-нибудь во время переезда, — проговорил Родрик. — Я распорядился, чтобы капитан Йорк держался обычного пути почтовых пароходов, а, по словам покойного Холли, таинственный крейсер держится именно этого пути. Однако неужели в наше время можно разбойничать в Атлантическом океане, где снуется столько и торговых, и военных судов?

— Время покажет, прав ли был покойный Холль, но я верю его словам, как слову Божию!

— Время? Если оно у нас есть! Быть может, оба мы скоро узнаем, что значит иметь дыру в черепе. Но, надеюсь, ты готов и к этому?

— Конечно, но я надеюсь, что судьба пощадит одного из нас ради Мэри! — проговорил я.

Это напоминание, видимо, опечалило Родрика, он задумался и вскоре ушел вниз. Я же решил следить за Паоло, рассказывавшим по мостiku. Сделав вид, что тоже ухожу вниз, и даже пробормотав «спокойной ночи» итальянцу, я спустился в свою каюту только для того, чтобы обуть мягкие войлочные туфли и потеплее укутаться в пальто и теплый плед. После этого я осторожно прокрался наверх и расположился за спиной у Паоло, позади капитанской рубки, откуда можно было свободно наблюдать за ним, не будучи им замеченным.

Я слышал, как Паоло несколько раз окликал людей, находившихся на носу, и перекидывался с ними словами, которые не совсем походили на те, которыми должен говорить офицер с матросами: уж слишком зацаньбрата.

Это было мне тем более неприятно, что на вахте находились в это время люди, лишь недавно набранные.

Но вот вдали, на краю горизонта, под широким бортом (то есть под правым бортом) я увидел ярко вспыхнувшее голубое пламя, далеко отражавшееся на море и осветившее на мгновение темный силуэт большого судна. Это был, очевидно, сигнальный огонь какого-нибудь океанского парохода, зашедшего другой парход своей компании где-нибудь подальше от нас. Но каково же

было мое удивление, такой же голубой жегся у нас на мостике странного вида, был у него спрятан, моя прыжками я взбежал у него за спиной.

Он невольно вздохнул губу, а в глазах

— Не будете ли вы помощник, сказать голубой огонь? — об

— Я отвечал на задумываясь.

— Но извините,

Он только пожал плечами об обычае и еще сказать мне что-нибудь овладел собой и обрел улыбающимся. Лицо Паоло было в своей posture шуму из-за пустяков на другие темы. Паоло был весьма пронырлив, ничего не удалось нам вместе покинули кают-компанию, рас

Все это было приятно, самой обычной встречей, тем обоим за это время друг с другом, и он пошел, а на судне, а

было мое удивление, когда в следующий момент такой же голубой огонь чрезвычайной силы зажегся у нас на мостике! Паоло чиркнул спичку и зажег странного вида маленький факел, который был у него спрятан, как оказалось, в платье. Двумя прыжками я взбежал по лестнице и очутился у него за спиной.

Он невольно вздрогнул при виде меня и закурил губу, а в глазах его зажегся недобрый огонь.

— Не будете ли вы столь любезны, господин помощник, сказать мне, для чего вы зажгли этот голубой огонь? — обратился я к нему.

— Я отвечал на тот сигнал! — ответил он не задумываясь.

— Но извините, ведь это не касается нас!

Он только пожал плечами и пробормотал что-то об обычае и еще что-то с явным намерением сказать мне что-нибудь неприятное, но тотчас же овладел собой и обратился ко мне с приветливо улыбающимся лицом. Я также начал рассказывать в своей поспешности и в том, что надеялся шуму из-за пустяков, а потому перевел разговор на другие темы, стараясь выпытать у него что-нибудь о его прошлом, но в этом отношении Паоло был весьма необщителен, и мне решительно ничего не удалось узнать о нем. Тем не менее мы вместе покинули мостик и, спустившись в кают-компанию, распили с ним бутылочку вина.

Все это было прекрасно, являлось, так сказать, самой обыкновенной вежливостью, а между тем мы оба за это время прекрасно ознакомились друг с другом, и он понял, хотя и не подал виду, что не он один будет выслеживать и шпионить здесь, на судне, а что и за ним будут сле-

Придя в свою каюту, я почувствовал себя крайне утомленным, погасил электричество и сразу заснул.

Спал я, вероятно, очень крепко в течение часа или около того, как вдруг мною овладело тревожное чувство и вместе с тем чувство полнейшего расслабления. Я лежал, не в силах шевельнуть пальцем, и то смотрел широко раскрытыми глазами в пространство, то впадал в мучительную полудремоту, которую никак не мог преодолеть, и все время передо мной стояло лицо Паоло. Я засыпал и видел, что захожу в нашу кают-компанию, за столом сидит Паоло по одну сторону и капитан Блэк по другую и дружелюбно беседуют о чем-то. Я пробуждался на мгновение, затем снова засыпал, и мне казалось, что я лежу на своей койке в этой самой каюте, а Паоло стоит надо мной, всматриваясь в мое лицо; я хочу подняться и спросить его, что он здесь делает, но не могу пошевелиться, не могу издать ни малейшего звука. Наконец я пробуждаюсь от прикосновения чего-то холодного к моей руке. Я раскрываю глаза и вижу, что на меня смотрят дружные глаза. Это продолжалось всего одну секунду, но даже в полумраке каюты я узнал эти глаза и это лицо и ни минуты не сомневался, что человек, стоявший надо мной, когда я спал, был не кто иной, как Франциско Паоло.

Сознание серьезной опасности окончательно пробудило меня. Я протянул руку к кнопке, и белый электрический свет осветил каюту, но в ней не было никого, только собака Родрика, сидевшая у моего сундука, смотрела мне в глаза. Я положительно не мог дать себе отчета, что было спом, а что — действительностью, но я весь

дрожал от какого-то чувства. Накинув верх. На вахте стоял хаживавший по палубе утром. Я зашел на своей койке. Как же мог этот человек быть у меня в каюте? Жестко не мог сказать, я уже не мог, об этом подошел к Дэну и влюб, стал расспрашивать.

— Хотя мне не отвечал старик, — но я бесхитростно, то и я так думаю, и все, что в нем есть чужое, чего следует сказать!

Между тем туманное, золотое солнце

Вдруг с подветренной стороны еще не виден, но, полагая, что туман еще не виден, мы повернули судно, и в это время нас со стороны издалека встретил не издалека, но издалека, на каких-то судно находится в отдалении.

дрожал от какого-то непреодолимого, жуткого чувства. Накинув на себя платье, я вышел наверх. На вахте стояли старший офицер и Дэн, расхаживавший по палубе. Занималось холодное туманное утро. Я заглянул в каюту Паоло; он лежал на своей койке и, по-видимому, крепко спал. Как же мог этот человек в одно и то же время быть у меня в каюте и на своей койке, — я положительно не мог себе объяснить. Снова заснуть я уже не мог, об этом и думать было печего, я подошел к Дэну и, прохаживаясь с ним по палубе, стал расспрашивать его о младшем офицере.

— Хотя мне не пристало судить о старших, — отвечал старик, — но так как вы спрашиваете меня бесхитростно, то и я отвечу вам бесхитростно: и я так думаю, и все наши люди тоже так думают, что в нем есть что-то пеладное, что-то затаенное, чего следует опасаться! Вот что я вам скажу!

Между тем туман уже отчасти рассеялся, и лучезарное солнце торжественно показалось на горизонте, золотя верхушки зеленых волн.

Вдруг с подветренной стороны донесся до нашего слуха отдаленный пушечный выстрел. Так как туман еще не вполне рассеялся, никто из нас не мог различить хорошенько, что там могло быть, но, полагая, что это сигнал погибающего судна, мы повернули руль в ту сторону и на первом острове усилили ход. Мы шли таким образом около пяти минут, когда оглушающий раскат заставил всех нас содрогнуться. Это был уже выстрел не из маленького, мелкокалиберного оружия, а из каких-то тяжелых пушек, чтобы дать знать, что судно находится в опасности, а громовой раскат

крупного орудия, какие бывают только на военных судах.

Звук постепенно замер над водой; одновременно с этим рассеялся и туман, и я первый увидел на расстоянии одной мили такое, от чего вся кровь ударила мне в голову, а сердце усиленно забилось в груди: два больших судна бок о бок друг с другом шли под парами таким усиленным ходом, о каком трудно себе составить представление, так что море разделилось глубокой бороздой, обдавая их палубы пенящимися волнами. Ясно было, что это погоня одного судна за другим, погоня и преследование среди бела дня. Что это могло значить? Этот вопрос невольно напрашивался каждому из нас, но ответить на него пока еще никто не мог.

VIII

Моя первая встреча с безымянным судном

Все не спускали глаз с этих двух судов. Одно из них было длинное, выкрашенное в темный цвет, четырехмачтовое, с поднятыми парусами и двумя высокими чисто выбеленными трубами, ва которых красовалось по черному якорю, несомненно свидетельствовавшему о том, что данное судно принадлежит пароходной компании «Черный якорь».

Благодаря своей чрезвычайно сильной зрительной трубе я мог видеть, что палуба этого судна кишела людьми и что все они столпились у левого борта, так как преследовавшее их судно понимало их именно с этой стороны. Нашо внимание было привлечено главным образом этим

преследовавшим судном. Почти одинаковой длины с пассажирским парходом компании «Черный якорь», оно сияло и горело, как будто было отлито из чистого золота; и там, где солнце ударяло в него, отражение положительно ослепляло, так что долго смотреть на него было невозможно. Это громадное судно типа больших военных судов скрывало в своих носовых и кормовых башнях по два больших дальнобойных орудия; кроме того, я различал в свою трубу немалое число других, более мелких орудий, уже наведенных и совершенно готовых открыть огонь; но на палубе не было видно ни души. Судно это обладало такой удивительной скоростью, что это казалось почти невероятным. Я много плавал на самых быстроходных пароходах, на торпедных лодках и минносцах, но их скорость не могла сравниться со скоростью хода золотого судна, которое, по моему мнению, делало до 25 узлов в час.

И вот в то время, когда мы смотрели на него, из переднего орудия, стоявшего на носу, показался дым и огонь, и громадное ядро, со свистом пролетев в воздухе, ударило немного впереди пассажирского парохода и с шипением пошло ко дну. В тот же момент на таинственном судне подняли флаг Чилийской республики.

Погоня становилась с каждой минутой ужасней, так что даже наши люди начали волноваться, и со всех сторон слышались многозначительные возгласы. Я обернулся к капитану, стоявшему неподалеку на верхней крытой палубе, и увидел, что он смотрит на меня упорным, настойчивым взглядом. Родрик тоже вышел наверх, но стоял на верхней ступени лестницы, ведущей в кают-компанию, неподвижно, точно окаменелый.

Старший офицер едва владел собой, а люди ажиотажно, все до одного, тесной кучкой сгруппировались на баке и теперь обращались к нам за разъяснениями. Все были наверху, кроме Мэри, которая еще не просыпалась, и Паоло, который, к великому моему удивлению, все еще не показывался.

Первым заговорил наш молчаливый капитан.

— Есть ли нам какое-нибудь дело до этого судна? — резко спросил он.

— Не думаю, но это редкое зрелище, не правда ли, капитан? Чилинское военное судно, преследующее среди белых дний пассажирский пароход! Что вы на это скажете?

Он пренебрежительно пожал плечами и немного погодя отвечал:

— Я дал бы Бог знает что, чтобы быть мотню миль отсюда! — Быстро повернувшись на каблуках и пристально глядя мне в лицо, он вдруг спросил: — Скажите, желаете ли вы, чтобы эта яхта благополучно вернулась в порт?

— Ну конечно, — ответил я, — к чему такой вопрос?!

— К тому, что с вашего разрешения я поверну нос направо и буду уходить подальше! — проговорил Родрик.

В этот момент к нам подошел капитан, — проговорил он, — это такое зрелище, за которое я готов отдать половину своего состояния!

— Это ваше дело, господа, — заметил капитан, — и в голосе его слышался едкий сарказм, — ихти ваша!

— Мне кажется, он прав! — сказал я, когда капитан отошел в сторону.

— Нет, подождем немного, мы всегда успе-

ем прежде, чем эти
Смотри, видишь ты тепе
ском мостике желтого суд
С лихорадочной посп
бу в глазам, и так как
сает этот мостик, а с
стояли не более полуго
но мог различить фигур
бывающего судна, и м
е, но до поры до време
об этом Родрику.

— А заметил ты, — пр
это странное судно, идущ
сноростью под парами, и
дыма?!

Действительно, он бы
этого.

Вдруг из большого ор
гозой башне золотого с
снаряд, просвистев в возд
прямо в переднюю, носов
парохода. Громкие крики
сильный воздух; на палубе
революх. Одновременно с
стала давать сигналы.

— Капитан, видите, ч
да, посмотрите туда! —
уже сам с напряженны
тем, что делалось на разб
— Это сигнал лечь в
жу, — сказал он, — верно,
рух! Не успел капитан дог
е золотого судна действ
Родрику. Оба судна прер

уйти прежде, чем эти двое сведут свои счета! Смотри, видишь ты теперь человека на капитанском мостике желтого судна?

С лихорадочной поспешностью я поднес трубу к глазам, и так как солнце заливало своим светом этот мостик, а судно находилось на расстоянии не более полутора миль от нас, то отлично мог различить фигуру человека на мостике безымянного судна, и мне казалось, что я узнал ее, но до поры до времени я не решался сказать об этом Родрику.

— А заметил ты, — продолжал мой друг, — что это странное судно, идущее с такой невероятной скоростью под парами, не выпускает ни пара, ни дыма?

Действительно, он был прав: я не заметил этого.

Вдруг из большого орудия, помещавшегося в носовой башне золотого судна, показался огонь, и снаряд, просвистев в воздухе, на этот раз ударил прямо в переднюю, носовую часть пассажирского парохода. Громкие крики ужаса и отчаяния огласили воздух; на палубе произошел страшный переполох. Одновременно с этим на золотом судне стали давать сигналы.

— Капитан, видите, что они делают? Бога ради, посмотрите туда! — крикнул я, но капитан уже сам с напряженным вниманием следил за тем, что делалось на разбойничьем судне.

— Это сигнал лечь в дрейф и ожидать шлюпку, — сказал он, — верно, кто-нибудь идет на пароход!

Не успел капитан договорить этих слов, как с золотого судна действительно стали спускать шлюпку. Оба судна прервали свой бешеный бег,

и мы очутились теперь совершенно близко от пал. Но враги были до того заняты друг другом, что даже не заметили нас. Я направил свою трубу на человека, рассказывавшего по капитанскому мостику и, очевидно, распоряжавшегося всем, и на этот раз совершенно убедился, что вижу капитана Блэка, того самого, которого видел в Париже на улице Жубер.

Теперь не оставалось сомнений в правдивости посмертных записок бедного Мартина Холла. Все его предположения, весь ряд установленных им фактов находили теперь полное подтверждение. Вот оно, это пресловутое золотое судно, вот его командир — капитан Блэк, вот его разбойничье нападение среди белого дня на большой пассажирский пароход. Кто мог еще сомневаться после этого?

Родрик не мог узнать этого человека, так как не имел ни малейшего представления о его личности, но, как бы угадывая что-то, вопросительно посмотрел на меня.

Опасаясь быть услышанным, я только взглянул на него, и в этом взгляде он прочел все. — Пора уходить, Марк, — проговорил он, — ведь, когда они покончат с этим, очередь будет за нами!

— Что ты говоришь? Не может быть, чтобы он затопил этот пароход! Знай я это, я ни за что не ушел бы отсюда, хотя бы это стоило мне сотни жизней! — воскликнул я.

— Это перазумно! Чем мы можем помочь тут? Ведь пират взорвет нас одним своим ядром, кроме того, не забывай, что с нами Мэри!

В это время наша милая девушка неслышно вышла наверх и с испуганным видом смотрела на

зрелищу, разыгрывавшемуся на палубе черного парохода, ясно читалось: «Царь о!»

— Не лучше ли тебе обратиться к ней Родрик?

— Нет, пока вы оба

— заявила она. — По

включения? Я слышал

я не хочу стоять между

зем и жизнью этих п

зись за мою руку, она

ища во мне поддержки.

предала нам мужество.

— Я стою за то, что

лана, — заявил я, — а в

или бы уйти?

— Это ваша яхта, го

ответственность лежит н

ель согласно вашему же

Слова его слышал все

ахнулся глухой ропот.

обратившись к ним со сл

— Ребята, вы видите

такое дело. Что имее

во несомненно, что англ

ути от преследующего с

ища и вероятно, будет

ткнуть его на прозвол

можно можем?

В ответ на это люди

тканой одобрения моего

ища лад звонок в маш

ида. Теперь мы стоим т

близко от
друг друга
авил свою ту
по капитана
поряжавшего
едился, что
которого вих
в правдивост
Мартина Хам
установленн
ное подтверж
лотое судно, к
т его разой
большой шир
омневаться ис
человека, так
вления о его
что-то, вове
я только к
в прочел все
проговорил
ам, очередь
может быть, что
я это, я ни за
то стоило мне
мы можем
дним своим
нами Мэри
девушка не
видом своим

драму, разыгрывавшуюся у нас на глазах. Вот шлюпка с безымянного судна подошла к самому борту черного парохода, название которого теперь ясно читалось: «Царь океана».

— Не лучше ли тебе, Мэри, уйти вниз? — обратился к ней Родрик.

— Нет, пока вы оба здесь, я останусь с вами! — заявила она. — Почему для меня какие-то исключения? Я слышала, что ты сказал, Родрик, и не хочу стоять между вашим добрым намерением и жизнью этих несчастных! — И, ухватившись за мою руку, она сильно сжала ее, как бы ища во мне поддержки. Ее благородная смелость придала нам мужество.

— Я стою за то, чтобы оставаться здесь до конца, — заявил я, — а вы, капитан, и теперь хотели бы уйти?

— Это ваша яхта, господа, и ваши люди. Вся ответственность лежит на вас, а мое дело поступать согласно вашему желанию!

Слова его слышал весь экипаж, и среди людей поднялся глухой ропот. Тогда я выступил вперед, обратившись к ним со словами:

— Ребята, вы видите, что там происходит нечистое дело. Что имейте, я не могу вам сказать, по несомнению, что английское судно старается уйти от преследующего его чужеземного судна и, весьма вероятно, будет нуждаться в нашей помощи и содействии. Решите, что нам делать: оставить его на произвол судьбы или поддержать сколько можем?

В ответ на это люди ответили единогласным криком одобрения моего предложения, и капитан молча дал звонок в машину, чтобы остановили ход. Теперь мы стояли так близко от обоих судов,

— Ха! — воскликнул он. — Это американец! —
И указал рукой на отдаленную точку горизонта.
Тогда нам стало ясно, что его так взволновало:
большой белый пароход шел на всех парусах. Это
был американский пароход, возвращавшийся на
родину из Европы, где он присутствовал на ан-
глийских морских маневрах; за ним следовали
еще два других судна. Теперь мне было совер-
шенно ясно, что золотой пират бежал от грозив-
шей ему опасности попасться в западню и быть
накрытым в своих преступных действиях амери-
канским судном, что для него было особенно не-
желательно.

— У вас зоркий глаз, Паоло, — заметил я, —
полагаю, что это очень удобно для нас обоих!

Помощник капитана сердито пожал плечами,
многозначительно добавив:

— Да, может быть!

Теперь мое внимание было снова привлечено
странным поведением пиратского судна. Оно
вдруг как будто приостановилось на расстоянии
какой-нибудь полумили под нашим левым бор-
том.

С минуту все мы недоумевали, что оно наду-
мало делать, затем, когда, повернув, оно стало на
всех парусах уходить в открытое море, я увидел,
что навстречу ему шел большой белый крейсер,
по-видимому сильно вооруженный.

Наконец-то, подумал я, ему придется поме-
ряться с врагом, равным по силам, и в ожидании
схватки все мы замерли.

В продолжение нескольких минут оба судна
стояли друг против друга: Американец поднимал
сигнал за сигналом, но все они оставались без от-
вета. Только палубу безмятного судна наводни-

ли сотни людей; все они возились около орудий; было ясно, что пират принял какое-то решение, так как судно его, сделав медленный поворот умеренным ходом прошло под носом своего противника, и вдруг оба больших орудия дали залп по американскому судну. Снаряды ушли прямо на палубу крейсера. Мачты, люди и палубная рубка — все это смешалось, превратившись в страшный хаос гибели и разрушения. Очевидно, американский крейсер не ожидал подобного предательского нападения. Крики, вопли и стоны разносились с его палубы, и все оно содрогалось под огнем неприятельских орудий, грозивших разбить его артиллерию. Нельзя было сомневаться в печальном для американца исходе сражения, но в это время подошли другие американские суда и открыли сильный огонь по пирату. Их громадные снаряды перекатывались через наши головы, падая с такой силой в море, что брызги и волны взбаламутили кругом всю поверхность. Тут уже и пират не выдержал, тем более что и его судно получило три повреждения в своей броне. Два последних залпа из своих башенных орудий он стал уходить с той поразительной быстротой, какую его судно уже проявило раньше в наших глазах. Мenee чем в пять минут оно было уже вне пушечных выстрелов, а спустя десять минут американские суда принимали людей с поврежденного крейсера, тогда как их противник уже почти совсем скрылся за горизонтом.

У нас на судне стоял теперь такой шум, что трудно было разобрань. После сильного напряжения наша команда громко выражала свою радость. Многие стояли за то, чтобы сейчас же от

браться на пострадавших. Другие же настаивали под. Переговорив минут пять, капитан пассажирского корабля капитан Росс, в нескольких выражениях за сурово жаловавшийся на

— Двадцать лет, — говорил, — я плаваю здесь, привыкнув к подобному. Такое нападение! Я не выка не заставлю вздернуть! — И капитан грозно

Вскоре подоспел и пер крейсеров, по которому стало также приехал на пассажирских разрушений на песчаный прибывший пришел

— У меня тоже убито человек — с бешенством во мне двадцать тысяч фунтов, так же оставлю; мы с вами же проследим его, и тогда

И они условились с капитаном крейсера, а два броненосца должны вас в качестве. После этого мы вернулись к стоя у трапа, прислушались

правиться на пострадавший пассажирский парох-
ход, другие же настаивали скорее уходить из
этих вод. Переговорив между собой, мы решили
спустить шлюпку и спустя четверть часа уже
окликали пассажирское судно. Нас радушно
встретил капитан Росс, благодаривший в самых
теплых выражениях за проявленное участие и
горько жаловавшийся на действия безымянного
судна.

— Двадцать лет,— говорил он со слезами на
глазах,— я плаваю здесь, но в первый раз на-
такиваюсь на подобное. Ведь это открытое пи-
ратское нападение! Я не успокоюсь до тех пор,
пока не заставлю издернуть всех их на висели-
це! — И капитан грозно ударил кулаком по
столу.

Вскоре подоспел и первый из американских
крейсеров, по которому стрелял пират, и капитан
его также прѣехал на пассажирский пароход. При
виде разрушений на несчастном «Царе океана»
вновь прибывший пришел в страшное негодова-
ние.

— У меня тоже убито и ранено двадцать че-
ловек! — с бешепством восклицал он. — Убытку
на двадцать тысяч фунтов, если не больше! Я это
так не оставляю; мы с вами пустим его ко дну или
же проследим его, и тогда наше правительство
рассчитается!

И они условились с капитаном второго аме-
риканского военного крейсера преследовать пи-
рата, а два броненосца должны были сопровож-
дать нас в качестве конвоя вплоть до Нью-
Йорка.

После этого мы вернулись на «Сельзис». Пао-
ло, стоя у трапа, прислушивался к нашим увере-

пиям, что всякая опасность миновала, с плохой скрытой саркастической усмешкой.

Мы и не подозревали тогда, что нам придется расстаться с конвоем задолго до своего прибытия в Нью-Йорк.

IX

Объятие ужасом

В течение целых пяти суток мы шли под прикрытием двух броненосцев, правда, все время обгоняя их, так как из-за сильно пострадавшего крейсера им приходилось идти очень тихим ходом; мы же спешили в Нью-Йорк. Но мы не теряли конвоя из виду, что весьма благотворно влияло на наших людей, на которых происшествия первых трех дней плавания произвели столь сильное впечатление, что они постоянно находились под страхом.

На пятые сутки после страшных событий, которых мы были свидетелями, под утро, мне что-то не спалось. Я вышел наверх и увидел на расстоянии какой-нибудь мили белые силуэты американских судов и длинную черную линию пассажирского парохода, шедшего несколько впереди их. Паоло был на мостике, но я не окликнул его. Вообще мы избегали вступать с ним без особой необходимости в разговоры, что, по-видимому, нимало не огорчало его, так как он, пользуясь этим обстоятельством, уделял много времени беседам с экипажем и проводил на баке большую часть дня, втираясь все более и более в доверие людей.

В это утро дул спальный свежий ветер, и, прячась от него, я приютился за рубкой. Едва я успе-

стался там в удобном кресле, беседовавшего с Билли Гэриком. Старик любил поговорить с ней, как с разумной женщиной.

— Ты хоть и не говоришь, что христианская душа, но время в разговорах с тобой идуешь со своим четвероногим другом хорошо живет здесь, в этом атакальном, далеко не так уютном на старой развалине, в котором из команды каламбур?

Я окликнул его и стал спрашивать, означать его слова.

— Что, разве в команде не было? — спросил я.

— То-то и есть, что ты не знаешь! — пробормотал.

— О чем же именно ты говоришь без утайки, Дэн, прошу.

— Мне кажется, что ты не знаешь, что наша команда.

— Да не кто иной, как ты? — толст, как басни не.

— Мелко, как судовая команда, но так чисто.

— Куда мы идем? — продолжал старик.

— Торговать? Нет.

стился там в удобном кресле, как услышал голос Дэна, беседовавшего с Бэллой, любимой собакой Родрика. Старик любил Бэллу и приписывал ей чисто человеческие свойства, а потому разговаривал с ней, как с разумным существом.

— Ты хоть и не говоришь, а я знаю, что в тебе христианская душа, не то я не стал бы терять время в разговорах с тобой! — беседовал старый матрос со своим четвероногим другом. — Тебе и мисс хорошо живется здесь, я не спорю, но нам, остальным, далеко не так хорошо, старушка. Мы плывем на старой развалюхе, куда после расчета никого из команды калачом не заманишь. Понимаешь?

Я окликнул его и стал расспрашивать, что могли означать его слова.

— Что, разве в команде идут нехорошие толки? — спросил я.

— То-то и есть, что толков-то разных не обобратся! — пробормотал старик. — Да все так же, что ничего доброго не предвещают!

— О чем же именно говорят на баке? Скажи мне без утайки, Дэн, прошу тебя!

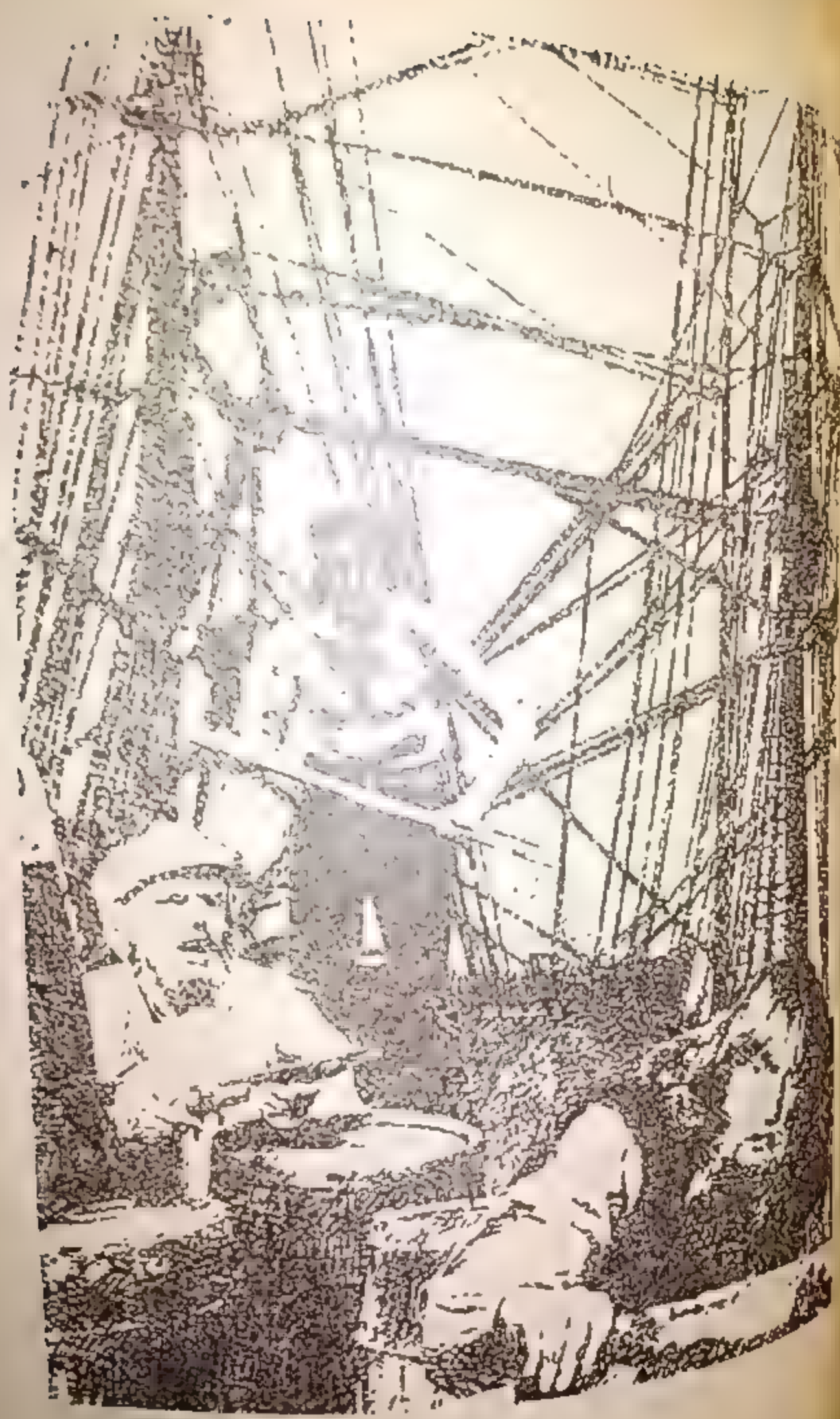
— Мне таиться нечего, сэр, за это не платят, по знайте, что наша скорлупа — судно смерти!

— Кто вам наплел такую чушь?

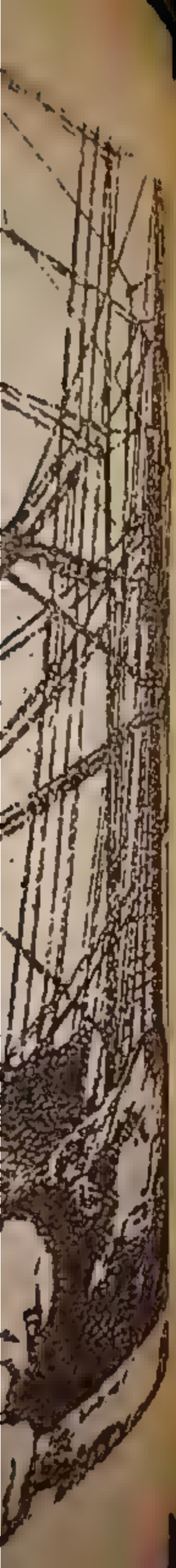
— Да не кто иной, как младший помощник, сэр! Меня-то эти басни не смущают. По пной чепе — толст, как судовая броня, а другой — что личная скорлупа. И вот, когда тонкие-то всплываю

ют наверх, так это чистая благодать для таких лжецов, не так ли? Дело простое, мистер Марк! — продолжал старик после некоторого молчания. — «Куда мы идем? — говорит этот шалопут

людям. — Торговать? Нет! Чужие страны пови-

...Нет! Где же кон
...то может кончиться? И
...на судне, и умер,
...или он или он здесь
...несчастье нашему
...верит, поверьте моему
...рыт людям господни
...что значит ваше малень
...дот за это взять ва
...бывают цель своего
...кого не знаете, вам п
...вас скрывают! При
...суде, где бродит мертв
...ненадежно п, того гля
...знаю, ребята! Нет! П
...ть оглобли да не плы
...и они не согласятся,
...капитана) с ними за
...если не придем в стра
...пустят никого из вас. А
...за это я не поручусь
...на беду, не пропада
...тут, они боятся идти
...жизни капитана, опас
...неотвратимой б
...— Тан ты хочешь ска
...близ ужасом, что они го
...— Да, похоже на то!
...но вечерам музыкой
...пор было. Но пусть
...то не знают, а вы и мис
...вот я спите только оди
...узнайте, что здесь тво
...зарили склянки, и
...хоты, я же спустился

дать? Нет! Где же конец нашему пути? Чем все это может кончиться? Ведь последний-то капитан здесь, на судне, и умер, и никто не знает, схоронили ли его или он здесь где-нибудь лежит и припосит несчастье нашему судну. Уж добром это не кончится, поверьте моему слову, ребята!» Вот что говорит людям господин младший помощник! «И что значит ваше маленькое жалованье, если у вас хотят за это взять вашу жизнь?! Почему они скрывают цель своего плавания? Ведь все вы ничего не знаете, вам ничего не говорят, что они от вас скрывают! При таких условиях плыть на судне, где бродит мертвец, которое и само по себе падежно и, того гляди, развалится! Я это дело знаю, ребята! Нет! Почему бы нам не повернуть оглобли да не плыть обратно в Англию? А ведь они не согласятся, и наш Старый (прозвище капитана) с нами заодно! Они не воротятся, и пока не придем в страну янки, до тех пор не отпустят никого из вас. А придем ли мы когда-нибудь, за это я не поручусь!» Вот его речь, сэр, и они, на беду, не пропадают даром. Людей обуял страх, они боятся идти дальше, боятся призрака умершего капитана, опасаются какой-то непредвиденной, неотвратимой беды!

— Так ты хочешь сказать, что весь экипаж облет ужасом, что они готовы на бунт?

— Да, похоже на то! Мой совет — и кушать, и по вечерам музыкой забавляться, все, как досих пор было. Но пусть наш Старый и мисс ни-чего не знают, а вы и мистер Родрик держите ухо востро и спите только одним глазом, а другим поглядывайте, что здесь творится!

Ударили скляпки, и Дэн пошел смывать о вахты, а же спустился вниз, где принял ванну.

Выйдя оттуда, я застал остальных уже за утренним кофе и почти совершенно забыл о своем разговоре с Дэном о его преувеличенных, как мне казалось, опасениях относительно построения экипажка.

Наше плавание уже близилось к концу, и я стремился скорее вступить на американский берег. Близость конвоировавших нас бронепосредов тоже отгоняла от меня мысль об опасениях, и я надеялся, что мы благополучно достигнем цели нашего путешествия. В таком именно настроении я лег спать в этот день, нимало не подозревая, что через несколько часов разразится гроза.

Не помню, в каком часу меня разбудил Дэн. Я взялся было за выключатель электрической лампочки, но старик поспешно схватил меня за руку.

— Бога ради, не делайте этого! — прошептал он прерывающимся голосом, по которому я сразу угадал, что случилось что-то недоброе. — Живо одевайтесь. проберемся наверх да и ляжем где-нибудь, где не видно! — И, пока я одевался на скорую руку, он стал осторожно взбираться по лестнице, ведущей из кают-компании на палубу. Не на верхней ступени вдруг приостановился, затем упал плашмя на живот и стал пятиться таким образом вниз.

Почти в тот же момент наверху лестницы показался человек и стал, крадучись, спускаться в кают-компанию; он был без сапог и держал в руке большой железный стержень. Мы успели уже сползти вниз и притаились по обе стороны лестницы, боясь дышать, чтобы не привлечь его внимания. Он прошел мимо, не заметив нас, и направился прямо к двери моей каюты, где забил клин в мою дверь, затем проделал то же со всеми

остальными дверями. Наконец с этим делом вернулся к лестнице. Он уложил его на место; я успел схватить его большим старинным фонарем. Разбудил Родрика и Мэри. Каюте, где Дэн шепотом стоял на вахте, стояли четыре кочегаров. Они шли дальше вперед с нашими требованиями. Мы запретили всех в каюту, как бы своими планами, если бы мы проснулись. Это просто-напросто прихватило головы.

Это было отчаянное решение. Мы могли только непреодолимое сердце всех экипированных нам люди были заперты в своем помещении. Предчувствуя что-то дурное, я пошел на свою каюту и стал зорко следить за ним.

Поло встал у дверей каюты. Теперь с одним из бунтовщиков караулили вход в каюту. Теперь с одним из бунтовщиков караулили вход в каюту. Теперь с одним из бунтовщиков караулили вход в каюту.

остальными дверями, выходящими в кают-компанию. Покончив с этим делом, он так же осторожно вернулся к лестнице, чтобы уйти, но тут Дэв уложил его на месте ударом рукоятки своего пистолета; я успел захватить оружие, вооружив и его большим старинным пистолетом. Тогда мы разбудили Родрика и Мэри и собрались все в общей каюте, где Дэв шепотом сообщил нам следующее: Паоло стоял на вахте, и ему удалось уговорить четырех кочегаров и шесть матросов отказаться идти дальше вперед, несколько не считаясь с нашими требованиями. Потом негодий задумал запереть нас всех в каютах и таким образом сделать как бы своими пленными или же в случае, если бы мы прознулись и стали сопротивляться, то просто-напросто прикончить нас всех, развозжив головы.

Это было отчаянное решение, на какое могли подвигнуть только непреодолимый страх и ужас, охватившие сердца всех этих людей. Оставшиеся верными нам люди были связаны во время сна и заперты в своем помещении. Дэву же удалось избежать этой участи благодаря своей прозорливости. Предчувствуя что-то недоброе, он в этот вечер не пошел на свою койку, а, завернувшись в валявшийся на палубе брезент, остался незамеченным и стал зорко следить за всем, что делалось вокруг него.

Паоло встал у дверей капитанской каюты, трое человек караулили вход на бак, а пятеро — у верхней крытой палубы.

Теперь с одним из бунтовщиков мы покончили, но их оставалось еще восемь, а нас было только трое мужчин. Что было делать?

— Надо кому-нибудь выбежать наверх! —

М. Помбертон

проговорил Родрик, заметив вдруг, что яхта останавливалась. — Негодяи застопорили машину, и мы таким образом отстаем от своих спутников. Вы беремся все разом!

Но лестница была узка; приходилось выходить
одни за другим, и не было сомнения, что первого,
кто покажется на верху лестницы, уложат на ме-
сте, а за ним и других.

— Пустите меня, я пойду вперед, — предложила Мэри, — мне они ничего не сделают! А пока я буду говорить с ними и отвлеку их внимание от вас, вы все успеете выбежать наверх!

— Хорошо, Мэри, но разве вы не боитесь идти одна? — спросил я.

Добрая девушка только засмеялась в ответ и побежала вверх по лестнице. Мы последовали за ней, держа наготове свои пистолеты. Добравшись до верха, мы принялись плашмя па животы, выжидая удобного момента; я не спускал глаз с Мэри. Между тем девушка неслышно подкралась к пятерым бунтовщикам, — те вдруг громко вскрикнули от ужаса при виде этого белого явления, так внезапно явившегося среди вихря в мраке ночи, и без оглядки бросились бежать от нее. Воспользовавшись этим мы поспешили выбежать наверх, на верхнюю палубу, и очутились лицом к лицу с Наоло. Он страшно побледнел и раскрыл уже рот, чтобы сказать что-то, когда Дэн со всей силы угодил его рукояткой своего пистолета по голове, так что итальянец без чувств скатился с лестницы вниз и ударился головой о железную решетку топки. Я стал стучать в дверь капитанской каюты, но Пок был уже на ногах и, не говоря ни слова, прошел мимо меня на капитанский мостик с двумя пистолетами.

руках. В одну минуту сообразительный капитан понял положение дел и с обычным безмолвием стал действовать спокойно и разумно, как всегда. Между тем мы стали выжидать, когда темное облако, заслонявшее луну, пройдет и палуба несколько осветится, так как в царившем вокруг густом мраке нельзя было видеть, где спрятались пять бунтовщиков, бежавших при появлении Мэри. Несмотря на то что капитан громким голосом окликнул их, никто не отозвался. Он хотел было прямо идти вниз, чтобы отыскать их, но мы удержали его. Наконец, когда луна вышла из-за облаков, мы увидели темные фигуры, прятавшиеся за галереями: их было восемь.

Капитан теперь снова окликнул их:

— Эй, Карл, Вильямс! Вылезете вы теперь или нет, чтобы я приказал выноротить вас, или вы хотите попасть на виселицу в Нью-Йорке?

Мне с моего места было прекрасно видно, как в ответ на оклик капитана один из них поднял пистолет, а остальные сплотились теснее.

— Прекрасно, — спокойным, слегка насмешливым тоном продолжал капитан, — вы сумели поставить пару досок между собой и смертью. Но это не поможет вам: я буду стрелять сквозь галерею! — С этими словами он, не торопясь, поднял свой пистолет и спустил курок. Заряд прошел сквозь тонкую деревянную переборку; раздался глухой стон, и один из бунтовщиков повалился лицом вперед. Товарищи тотчас же подхватили его.

Капитан снова окликнул их, приглашая выйти вперед.

— Вот уже вас стало одним меньше, — говорил он, — но это только начало. Я разнесу

Судно под черным плащом

День занялся ясный и ликующий, но у нас на судне было невесело. К полудню мы похоронили двух истопников, убитых капитаном; трое других были ранены очень опасно. Хуже всех мне казалось состояние Паоло, который все время кричал: «Льду! Льду!» Мы с трудом удерживали его на койке. Временами он говорил что-то, какие-то слова, смысл которых мне был тогда неясен, но впоследствии, при совершенно непредвиденных условиях, я понял их значение.

После завтрака капитан пригласил Родрика и меня в свою каюту, и мы стали обсуждать положение дел.

За ночь море расходилось. Мы снова развели пары и, поставив паруса, быстро приближались к американскому берегу. Но капитана, по-видимому, это не особенно радовало, он все как будто не верил в благополучное окончание пути.

— Ясно одно, — говорил Йорк, — что вы во-влекли меня во что-то иное, чем обыкновенная поездка ради удовольствия. Но я пока не жалуюсь на это, в Нью-Йорке же мне необходимо будет узнать все, или я расстанусь с этим судном. Нужно выяснить дело предыдущей ночи, а также допросить вашего младшего офицера. Людей же я бы охотно уволил — мы управимся без них. Теперь я позволю себе погребовать одного, именно — вести яхту отсюда прямо в Нью-Йорк и не совать своего носа ни в какие дела, которые не касаются нас!

— Капитан прав, — заметил я, — мы не име-

ем никакого основания отказывать ему в его требовании, если только нас не ожидает на пути препятствие, в чем я не совсем уверен!

— А я еще того менее! — многозначительно подхватил капитан.

Мы вышли на палубу и застали там старшего офицера, упорно сметрившего на юго-восток. Я взглянул по тому же направлению и увидел большое черное судно, шедшее с удивительной быстротой.

— Капитан, — сказал я, — взгляните-ка туда!

— Это судно идет прямо на нас, — отвечал Йорк, — и уже близко его!

— Где? Когда?

— Пять дней тому назад, когда оно открыло огонь своих орудий против пассажирского парохода. Вид судна такой конструкции нет. Да вот видите, эти петодия не всё закрыли: вопереди судна как жар горит золото; они думают обмануть нас своим черным плащом, но это не так-то легко!

— Да, вы правы: это то самое судно, и оно преследует нас. Если не подоспеет помощь, мы погибли! Однако, что же вы думаете делать, капитан?

— Что я думаю делать? Я прикажу готовить шлюпки, пошлю в машину всех, кто пригоден, а остальных вызову наверх.

— Все наверх! — крикнул Йорк, и люди разом устремились вперед, затем, получив приказание готовить шлюпки, беспрекословно принялись за дело.

Но, очевидно, и ими овладело тревожное чувство, и вскоре они стали перешептываться, что вероятно, опасность грозит от черного судна, ко-

торое пять дней пазад было золотым. Впрочем, все работали с полным усердием. Между тем черное судно заметно приближалось, и я знал, что вскоре мы услышим рев его орудий.

— Ведь нам не уйти от него, капитан? — заметил я вполголоса.

— Не более чем через четверть часа оно нагонит нас и заставит остановиться. Это ясно даже ребенку; но разве вы хотите как камень падти ко дну, не попытавшись даже царапнуть их или показать им свои когти? Клянусь небом, я покажу им себя, даже если ни одна душа здесь не поможет мне в этом!

— И я тоже! — сказал Родрик и, спустившись вниз, притащил оттуда все имевшееся в нашем распоряжении оружие: несколько револьверов и длинное охотничье ружье.

Кроме того, было еще два боевых ружья капитана и несколько пистолетов. Все это оружие мы раздали надежным людям из экипажа.

Мэри осталась внизу — присматривать за ранеными.

— Ты, Дэв, иди на носовую палубу и жди команды, а затем пали без устали! Понял? — обратился я к старику.

— Будьте спокойны, сэр! — отозвался тот, повинаясь приказанию.

Я же прошел на корму, где мы тоже расставили вооруженных людей. Остальные работали с удивительным проворством. Шлюпки уже были готовы, съестные припасы и бочки с пресной водой на местах. Теперь внимание всех было устремлено на приближавшееся безымянное судно, когда мы подняли наш флаг. К нашему удивлению, при восторженных криках команды па

золотом бронеюсде отвечали тем же: тоже подняли флаг.

— Синий крест на белом поле! Да это русский флаг, или я ослеп! — воскликнул капитан.

Я тоже взглянул туда и убедился, что капитан прав: действительно, это судно, каких-нибудь дней назад бежавшее с поля сражения под чилийским флагом, теперь шло прямо на нас под русским.

— А уверены вы, что это то самое судно? — спросил Родрик.

— Как в том, что меня зовут Йорк. Но смотрите, они подают сигнал!

Теперь главенствующее судно находилось уже на расстоянии пушечного выстрела от «Сельзиса».

После первого взрыва энтузиазма наши люди приумолкли, пораженные той быстротой, с какой надвигалась на нас опасность. Но никто из них не мог судить так хорошо об этой опасности, как мы: они чуяли ее в простоте сердец, мы же знали почти на верное, что ни одному из нас не суждено встретить утро следующего дня.

Я окинул взглядом горизонт: нигде — ни малейшего признака судна. Солнце почти совсем зашло, мрак ночи начинал уже поемногу спускаться над морем. Капитан молча указал мне на мачту, где всего несколько минут назад развевался русский флаг; теперь вместо него был поднят большой черный. Я недоуменно взглянул на Йорка.

— Пираты, чтобы черт их побрал! — ало проговорил сквозь зубы тот и ватем дал пронзительный свисток.

— Господа, — обратился он ко мне и Родрику, — я тогда говорил вам, что если наше поло-

...се выяснится для меня
... Нью-Йорке. Теперь,
...беру эти слова назад.
...на край света!
...капитан каким-то
...измерения и одобрил
...из эту тему теперь бы
...молча пожали друг дру
...этот момент, со свистом
...громоздкое ядро, с ог
...улавшее в нескольких са
...услышавшись, что нас не за
...воздух громким, тор
...А старый Дэн выпалил в
...Йорк подал звонок
...ед, и, хотя я признавал
...все же не мог удержа
...Зачят, все кончено?! А
...Сыть пересгреблял
...Палубе?!
...Посмотрите темного, — отве
...оглядываясь назад, где
...туман. — Пусть эти
...Пиратское судно находилось
...четверти мили от нас, но в
...можно было ясно вид
...казалось, что-то готов вид
...на Блэка, стоявшего
...на палубе
...и вскоре спустились
...нашему судну

женне не выяснится для меня, то я покину это судно в Нью-Йорке. Теперь, с вашего разрешения, я беру эти слова назад. Я отправляюсь с вами хоть на край света!

Казалось, капитан каким-то чутьем угадал наши намерения и одобрил их. Но распространяться на эту тему теперь было не время, и мы только молча пожали друг другу руки.

В этот момент, со свистом разрезая воздух, пролетело громадное ядро, с оглушительным плеском упавшее в нескольких саженях от нас в море. Убедившись, что нас не задело, наши люди огласили воздух громким, торжествующим криком. А старый Дэй выпалил в воздух из своего ружья.

Капитан Йорк подал звонок в машину остановить ход, и, хотя я сознавал, что он поступил разумно, все же не мог удержаться от восклицания.

— Значит, все кончено?! А ведь обидно, не правда ли, быть пересгребляемыми, как зайцы, на своей палубе?!

— Погодите немного, — ответил капитан, тревожно оглядываясь назад, где уже ложился на воду туман. — Пусть эти негодяи спустят шлюпку!

Пиратское судно находилось еще на расстоянии четверти мили от нас, но в хороший морской бинокль можно было ясно видеть, что команда там возилась, что-то готовя. Я различил фигуру капитана Блэка, стоявшего у машины. Другие люди на нижней палубе хлопотали около бакалцев и вскоре спустили шлюпку, которая направилась к нашему судну. Я следил за ней с

вамирающим сердцем; мне казалось, что это вестники самой смерти.

— Стой смирно и жди команды! — вдруг крикнул капитан Йорк, постоянно оглядываясь на густые гряды белого тумана, собиравшегося позади нас. — Когда я скамавдую «пли!» — стреляйте все разом!

Теперь шлюпка подошла к нам так близко, что можно было различать лица спящих в ней людей. Из шлюпки я узнал тропх; шлюпкой командовал Ревунций Джон, стоявший на носу. Он громко окликнул: «Какое судно?»

— Мое судно! — ответил капитан и снова оглянулся. И вдруг понял его мысль, и сердце сплело у меня в груди: он хотел скрыться в тумане от неприятеля.

— А кто вы такой?

— Я тот, кто покажет вам самое надежное местечко, где можно спрятаться, если только вы соблаговолите покаловать сюда на минутку! — продолжал наш капитан по-прежнему шутовски-спокойно, словно речь шла о самом обычном приглашении в гости.

— Как я вижу, вы очень красноречивы! Смотрите, не смолкнуть бы вам, когда я явлюсь на ваше судно!

Шлюпка подошла теперь еще ближе. Капитан Йорк отвечал уверенным тоном, в котором звучал даже веселый смех.

— Так вы намерены явиться ко мне на судно? Неужели? Кого же из вас я буду иметь удовольствие угощать первым?

Это приветствие, очевидно, очень понравилось негодяю, и тот громко захохотал.

— О, да вы — забавный человек и притки вы

язык, право! Ну, вы будете иметь удовольствие разговаривать со мной, а уколошит вас мой помощник!

— В таком случае,— заметил капитан все так же невозмутимо-спокойно,— Дэн, представься этим господам, пусть они познакомятся с тобой! — И капитан посторонился.

Дэн нагнулся вперед, и его добродушное старое лицо сияло улыбкой, когда он прокричал:

— Эй, вы там, очень рад встрече с вами вдали от родной Англии, очень рад!

В этот момент один из негодяев зацепился уже багром, но Дэн вскинул свое ружье и выпустил заряд прямо в лицо этому парню. А капитан в то же время скомандовал «пши!» — и с десятков выстрелов дружным залпом грянуло с «Сельзис».

Казалось, будто сама шлюпка содрогнулась; один из пиратов, по-видимому китаец, схватился за грудь и тут же кувырнулся в воду; двое других были убиты на месте. Больше я ничего не успел увидеть.

— Полный вперед! — крикнул капитан громовым голосом, прежде чем успел замереть звук залпа, на который с безымянного судна отвечали выстрелом из орудия. Снаряд задел слегка нашу верхнюю рубку; капитан погрозил кулаком пирату и повторил еще раз: «Полный вперед!»

В этот самый момент, когда лхта, повинаясь вину, тронулась вперед, густой белый туман, словно пеленой, окутал нас со всех сторон, обдав палубу сыростью. В семи саженях не было видно ни эги. Но эти пять минут, пока мы скрылись из виду; уйдя в глубь тумана, были до того ужасны, что я никогда не забуду их. Снаряды

надали и впереди, и позади нас почти беспрерывно; все мы чувствовали, что грозный пират где-то близко; затем капопада как будто стала замирать в отдалении, и мы пачали уже дышать свободней, начали надеяться, что опасность миновала. Но вот опять, и на этот раз уже совсем близко, прогремел выстрел из крупного орудия и разнес нашу рубку в мелкие щепки, но, к счастью, не ранил никого. После этого снова водворилась мертвая тишина и тревожное ожидание чего-то, отчего меня попеременно кидало то в жар, то в холод.

Мы уже не придерживались намеченного направления, а в течение нескольких часов краду или плыли в глубь тумана. Экипаж все время оставался на своих местах; нам все еще не верилось, что опасность миновала. Когда я, прохаживая до костей, наконец сошел с мостика, было уже около полуночи. Внизу меня встретила Мэри и стала засыпать расспросами.

— После я все вам расскажу, Мэри, а пока дайте мне отдохнуть и очнуться! — отвечал я. — А вы что делали все это время?

— Я ухаживала за Паоло. Оп, кажется, умирает!

Я зашел посмотреть на раненого: он действительно, казалось, умирал. Немного опечаленный, я вернулся в кают-компанию, где теперь все как будто повеселело и ожило. Матросов поили грогом и кормили сладостями, а мы в кают-компанию распивали несколько бутылок шампанского.

Три дня спустя мы были уже в виду Нью-Йорка; словно чудом каким-то никто из наших людей не пострадал во время неравной борьбы с золотым судном.

Самое шестое часов пополудни в зале столичной столицы мы повстречались с портовым капитаном, который подвергнул обилие затруднений у нас по поводу какой-то маленькой хитрости в исполнении дела и поглядывал везде. Этим же честного и прямого.

— Да вы бы пощупали в кармане. — Как звать, может быть?

— Вы что, принимаете за меня того.

— Ничего я об этом не знаю, обшарьте ее, быть может!

Низкоцкий чиновник удалился, а мы уже стояли у берега.

Паоло все еще был болен, но чувства простого человека, предпринимателя, судно, а также его выдворения, следовало бы принимать на лучшее, а не принимать на худшее. Мы же сами себе сами же делали самих дорогих.

XI

В труппе

Около шести часов пополудни мы вошли в гавань великолепной столицы Нового Света и медленно поравнялись с портовой таможней, где нас должны были подвергнуть обычному осмотру. Никаких затруднений у нас по этому поводу не было, хотя какой-то маленький чиновник под видом добросовестного исполнения своих обязанностей шарил и поглядывал везде. Эта подозрительность возмутила честного и прямодушного старика Дона.

— Да вы бы пощупали вот эту собаку! — говорил он. — Как знать, может, она битком набита алмазами!

— Вы что, принимаете меня за дурака? — возмутился тот.

— Ничего я об этом не знаю, а только, как знать, обшарьте ее, быть может, что-нибудь найдете!

Наконец чиновник удалился, провожаемый громким смехом всего экипажа, а спустя немного времени мы уже стояли у пристани и готовились съезжать на берег.

Паоло все еще был болен и лежал в своей каюте. Из чувства простого человеколюбия мы решились не предпринимать против него ничего до полного его выздоровления, но на всякий случай приказали матросам следить за ним и никого не принимать на судно, а сами отправились обедать в один из лучших ресторанов города. Здесь мы заказали себе самый изысканный обед, потребовали самых дорогих вин, чтобы отпразд-

новать наше благополучное прибытие в Нью-Йорк. Все были веселы и, казалось, совершенно забыли об ужасах путешествия, по моему предположению на каждом шагу и что мое рискованное предприятие еще только начнется.

Под влиянием этого настроения я после обеда предложил Родрику прогуляться с Мэри по горам, чтобы показать ей темное Нью-Йорк, а сам решил вернуться на яхту — привести в порядок некоторые бумаги и обдумать свои дальнейшие шаги на пути преследования капитана Блэка. Наш приятель, капитан Йорк, собирался посетить каких-то своих друзей и условился со мной, что по возвращении вернется на «Сельзис». Порешив таким образом, я простился с друзьями и пошел прямо на пристань.

Полчаса спустя я благополучно прибыл на яхту, где застал все в полном порядке. На палубе расхаживал часовой, а Дэн сидел подле больничного Паоло. Старик сообщил мне, что больному лучше и что он уже около часа спит крепким сном.

Я прошел в каюту и стал собирать свои вещи, револьвер и некоторые другие вещи, которые могли понадобиться мне на берегу. Это все заняло не более трех четвертей часа. Наконец, пора было уходить, но перед отъездом я заглянул в каюту Паоло, и каково же было мое удивление, когда я увидел его совершенно одетым: по-видимому, он собирался съехать на берег.

Это открытие чрезвычайно изволновало меня. «Если он отправляется в город, — подумал я, — то, конечно, для того только, чтобы встретиться со своими сообщниками, с людьми, близкими связанными с капитаном Блэком и его ближайшими

...я не воспользуюсь
...о капитане Блэке
...прежде чем
...Африку или
...Паоло, рискуя все
...я поспешил
...Дэна, и попросил
...полным матросским
...старика в
...Дэн хот
...ватылке
...головой.

...переводным на па
...ушедшего с яхты, и
...пошел вслед за ним,
...и скрывался наскол
...в городе, Паоло раза
...не следят ли за
...что все благопо
...околошными путями
...квартал города,
...затем, уже
...слабости и истощени
...самых грязных и
...Едва он успел исчез
...двери и заглянул
...брошилось в
...идущая
...стеклянную
...увидел толпу му
...поменьше; все
...спорили или сипл

Если я не воспользуюсь этим случаем узнать что-нибудь о капитане Блэке, то могу прождать год и больше, прежде чем услышу что-нибудь о нем, кроме известий о гибели судов по пути из Европы в Америку или Африку». И я решил следовать за Паоло, рискуя всем, даже жизнью.

С этой мыслью я поспешил на бак, где застал старого Дэна, и попросил его снабдить меня сейчас же полным матросским костюмом, а переодеваясь, пояснил старику в коротких словах свое намерение, на что Дэн хотя и не возразил ни слова, но почесал в затылке и неодобрительно покачал головой.

Выйдя переодетым на палубу, я увидел Паоло, уходившего с яхты, и, надев свою шапку на глаза, пошел вслед за ним, прячась за каждый выступ и скрываясь насколько можно. Очутившись в городе, Паоло раза два обернулся и по-смотрел, не следят ли за ним, затем, видимо убедившись, что все благополучно, направился разными окольными путями в Бовери, в самый захолустный квартал города, пользующийся дурной репутацией; затем, уже едва держась на ногах от слабости и истощения, бедняга свернул на одну из самых грязных и скверных улиц этого квартала и вдруг исчез в раскрытой пастьке двери. Едва он успел скрыться, как я подошел к этой самой двери и заглянул внутрь помещения. Первое, что мне бросилось в глаза, была невысокая грязная лестница, идущая вверх и там упирающаяся в стеклянную дверь. Сквозь стекла этой двери я увидел толпу мужчин в полутемном накуреном помещении; все они, сидя у столиков, пили, спорили или сильным голосом пели песни.

Это был какой-то ужасный вертеп, населенный людьми всех национальностей, преимущественно моряками. Тут были и англичане, и французы, и русские матросы, даже негры и китайцы, но я тем не менее решился войти и занять место у одного из столиков, ближайших к двери, из предосторожности.

Все помещение состояло из длинного узкого зала, уставленного вдоль стен скамьями, которые когда-то были обиты красным бархатом, а теперь представляли лишь ободранные лохмотья. По стенам красовались несколько больших зеркал, вышину от пола до потолка, но все они были побиты, а во многих не доставало целых кусков стекла. У скамеек стояли в беспорядке небольшие столы с мраморными досками, зажелтевшими и грязными, с отбитыми углами, а в самом дальнем конце узкого зала виднелся жалкий буфет с грязным прилавком, за которым сидел на высоком табурете продавец. Это был громадного роста негр, одетый по последней моде, с претензией на щегольство.

Все это было для меня очень ново, и я чувствовал себя среди всех этих людей как в глухом лесу. Мне не раз рассказывали об этих трущобах, говорили, что здесь человеческая жизнь не ценится ни во что, что всякого рода преступления здесь являются самым заурядным явлением. И действительно, стоило только взглянуть на посетителей этой трущобы, чтобы убедиться, что здесь сообрались подовки человеческого общества, все отбросы морского люда всевозможных народов. Крепкие спиртные напитки тут пили, как воду; в воздухе стояла такая сонь, такой смрад, что я долгое время не мог никак различить сквозь

густые облака табачного дыма, где именно находился Паоло и что он теперь делает.

Накопец я увидел его сидящим у прилавка; перед ним стоял большой графин водки. Облокотившись о прилавок, он разговаривал с негром, но что он говорил, я, конечно, не мог расслышать. Спустя четверть часа стеклянные двери широко распахнулись, и в зал с шумом вошли трое мужчин. Все они были знакомы мне: это был ирландец по прозвищу Четвероглазый, шотландец Дик и сам Ревущий Джон, которому Дэн выпустил в лицо свой заряд. Рот, нос и вся нижняя часть лица у него были обвязаны грязной окровавленной тряпичей, и он совершенно был лишен возможности пить или говорить. Здраваясь с Паоло, он дружелюбно потрепал его по плечу и, несмотря на свою рану, казался совершенно бодрым и веселым.

При виде этих людей я почувствовал страшную жажду деятельности. Если бы мне теперь удалось последовать за ними в жилище капитана Блэка, тогда цель моего путешествия в Нью-Йорк была бы достигнута.

Я сидел в своем углу, потягивая мерзкое пиво и покуривая из старой глиняной трубочки, найденной мною случайно в кармане куртки, которой снабдил меня Дэн. Отвратительная старуха, напоминавшая ведьму, желтая, иссохшая и сутуловатая, но проворная, с хищным взглядом ястреба, прислуживавшая одна всей этой ораве, смотрела на меня как-то подозрительно. Но это не особенно беспокоило меня. Товарищи же Паоло были слишком заняты своими делами, чтобы обращать внимание на окружающих, так по крайней мере казалось мне. Но вот старая ведьма воз-

выспла свой голос, крикливый, резкий и падтреснутый, и объявила во всеуслышание:

— Джек, Огненный Дьявол, сейчас будет плясать вам на потеху! Сидите смирно, красавчики, — обратилась она ко всем присутствующим, — да помогите мне отодвинуть столы. Посторонитесь же, голуби, не то я ошпарю вас кипятком! А ведь любят же они все меня, как родную мать! — добавила карга, как бы похваляясь перед кем-то. Затем, вооружившись доброй палкой, старуха стала постукивать ею по ногам посетителей, заставляя их убраться к стене. Обойдя таким образом весь зал, она расчистила посредине довольно большое пространство для плясуна, и тогда одно из высших стенных зеркал отошло от стены, обнаружив скрывавшуюся за ним дверь, о существовании которой я и не подозревал. Из нее вышел огромный рослый негр с большим горшком какого-то горящего вещества и стал проделывать разные фокусы, делая вид, что глотает огонь, обвивает голову и руки огненным лентами и т. п., после чего стал кружиться и вертеться, весь объятый пламенем. Для большего эффекта все лампы в зале были потушены, так что кругом было почти темно.

Вдруг я почувствовал, что кто-то трогает меня за ноги. Я незаметно нагнулся, делая вид, что хочу поднять уроненную мною трубку, и увидел, что на меня смотрит из-под скамьи бледное, измученное лицо мальчугана Сплинтерса, так же стоко пострадавшего тогда в Парпже на улице Жубер за свою пеловкость.

— Что такое? — спросил я.
— Не оставайтесь здесь, уходите! Они узнали вас и хотят убить!

Проговорив чуть слышным шепотом эти слова, мальчуган ползком под скамьями удалился в другой конец комнаты, где и выпрыпнул, никак не замеченный.

Между тем плясун продолжал увеселять присутствующих; и я решил воспользоваться темнотою, чтобы добраться до двери. Но каково было мое удивление, когда, выйдя через широко раскрытую стеклянную дверь на лестницу, я увидел, что на дверях, ведущих на улицу, теперь был спущен железный запавес. Это открытие было поистине ужасно. Я сообразил, что железный запавес был спущен с особой целью, но был почти уверен, что, когда пляска кончится, некоторые из присутствующих пожелают уйти, а тогда и я, выбрав удобный момент, могу выйти вместе с ними.

С этой целью я остался вблизи занавеса, пока лампы не были снова зажжены и огненный плясун не удалился. Тогда посетители собрались было поставить столы на места, но старая ведьма снова закричала им:

— Нет, нет, красавчики, подождите! Это еще только начало, продолжение следует! Я не отопру вам дверей, пока вы не полюбуетсяь моей пляской! Сегодня у нас есть работа, пареньки! Да, работка есть, и на этот раз ваша старая тетка сделает эту работу за вас, а вы посмотрите!

При словах «есть работа» все как-то притихло, и толпа, точно по маговению волшебного жезла, разом отхлынула от меня, так что я остался один среди пустого пространства, и все взоры обратились теперь на меня.

Но те четверо, которых я всего более опасал-

ся, сидели ко мне спиной, и ни один из них даже не оглянулся: они были слишком заняты своими собственными делами. Вдруг раздались звуки какой-то душераздирающей, дикой музыки — и старуха, прикрикивая и взвизгивая, пустилась плясать, подражая шотландской «пляске мечей». Сначала она бешено кружилась посреди зала, затем отошла к дальнему концу комнаты и оттуда направилась прямо к двери, у которой стоял я. Не знаю, но какое-то тяжелое предчувствие подсказало мне, чтобы я остерегался этой женщины; сердце у меня усиленно забилося в то время, когда она стала все ближе и ближе подходить ко мне.

Ожидать от кого либо помощи здесь нечего было и думать. Правда, у меня был при себе револьвер, но что можно было сделать с ним в этой толпе, где таких револьверов были десятки?

Мне не оставалось ничего больше, как идти навстречу пеминуемой опасности. Я сделал несколько шагов вперед от дверей. В это время старая ведьма, кружившаяся шагах в десяти от того места, где я стоял, вдруг как будто пришла в иступление и, пропзительно взвизгнув, точно коршун, устремилась прямо на меня.

В этот момент, мне помнится совершенно ясно, Паоло и его трое товарищей вдруг вскочили на ноги; остальные присутствующие громко вскрикнули, а старая ведьма, выхватив что-то из-за пазухи, вдруг с размаху ударила меня этим предметом по голове, и я потерял сознание.

За кор...

Полная потеря
редко выпада
не дает нам
бесчувственно

сознания. Я д
чувств, но кажд
мозг дави

Все это я испы
тальной трущобы
без чувс
и по сей час,

жестельный жа
возвраща
руко
от ужаса
ко мне.

Вмнугу соз
я чувство
Но это п
потом я сп

сознание,
спраши
воли
в ли

руку, п
нако
не мало
лодки, м
погва

XII

За кормой «Лабрадора»

Полная потеря сознания — великое благо, очень редко выпадающее на долю человека.

Сон не дает нам полной бессознательности, и даже бесчувственное состояние не всегда есть потеря сознания. Я дважды в своей жизни лишился чувств, но каждый раз меня мучили тяжелые видения, мозг давили ужасные кошмары.

Все это я испытал и после посещения отвратительной трущобы в Бовери. Сколько времени я пролежал без чувств, где я был в это время, не знаю и по сей час, но все время меня мучил бред и томительный жар. Временами мне казалось, что сознание возвращалось ко мне, но я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой; я положительно леденел от ужаса, чувствуя, как смерть подкрадывалась ко мне.

В минуты сознания, помню, видел солнце над головой и чувствовал легкий ветерок, дувший мне в лицо. Но это продолжалось всего одно мгновение — потом я снова впадал в забытие. Раз я пришел в сознание, ощутив капли дождя на лице. Я лежал и спрашивал себя, где я, откуда этот тихий плеск волн и морской ветерок, пахнувший мне теперь в лицо. Затем я увидел, что привязан за левую руку, ноги мои тоже связаны веревкой. Когда же, наконец, я поднял голову, то вдруг увидел, к немалому своему удивлению, что лежу на дне лодки, медленно подвигающейся вперед. Лежал я погами к корме, и так как моя голова находилась ниже бортов лодки, то мне нельзя было видеть, что заставляло лодку плыть и где,

собственно, я находился, в открытом ли море или вблизи берега.

После долгих усилий мне удалось припомнить предыдущие события, и я понял, что Паоло завел меня в западню, а женщина, панесшая мне удар, была, очевидно, подкуплена им на это страшное дело. Вероятно, экинаж Блэка подвигал меня в бесчувствии и перепес сюда, в эту лодку. Несомненно было одно: я находился теперь в руках одного из величайших негодяев в мире, в часы мои, вероятно, были сочтены.

Но эта мысль не особенно огорчала меня, потому ли, что я был очень слаб, или же потому, что вследствие сильной боли в голове я был рад всему, что могло избавить меня от этих мучений. Теперь же мне хотелось прежде всего поближе ознакомиться со своим положением. Лодка моя была щегольской шлюпкой с какой-нибудь яхты; сам я лежал на брезенте, сложенном несколько раз; второй брезент был подложен мне под голову; средняя банка была снята для того, чтобы я мог лежать, а к кормовой были привязаны мои ноги; левая рука была привязана к передней носовой банке, правая же моя рука оставалась свободной. Сначала я удивился этой оплошности, так как под рукой на прикрывавшей меня парусине лежала фляга и десятка два высшего качества «капитанских» бисквитов. Меня томила мучительная жажда, и я поднес к губам флягу; в ней была слабая водка, но я с удовольствием променял бы ее на глоток чистой воды. До сухарей же я не мог дотронуться. Меня начинало знобить от беспрерывно падавшего на меня дождя и захлестывающих лодку волн.

До этого момента я не слышал звука челове-

ческого голоса, но вот лодка остановилась, и па-
до мной послышался крик: «Все наверх! Убирай
паруса!» Из этого я заключил, что мою лодку
привязали к судну, вероятно к яхте, и что по-
следняя не стоит на месте, а направляется куда-
то в море. Но куда? Неужели эти люди хотели
уморить здесь меня от холода и раны, или они
просто забыли обо мне?

— Эй, Биллы! Что парень-то, умер? — раздал-
ся в это время падо мной голос.

— Нет, он как будто приходит в себя! — по-
слышался ответ.

— Это вы говорите о том бедняге, ребята? —
спросил знакомый мне голос Четвероглазого. —
Что он, протянул ноги, что ли?

— Нет, уже шевелится немного!

— Бедняга! Киньте ему ктонибудь ломоть
мяса: нельзя же привезти командиру покойника,
когда он желает иметь его живым!

Мне стали бросать в лодку куски мяса, по-
так как теперь яхта шла довольно сильным хо-
дом, то это не удавалось; два-три ломтя уже упа-
ли в воду, не достигнув своего назначения. Как
бы то ни было, но я узнал, что мне пока не гро-
зит никакая опасность; напротив, меня будут и
беречь, и кормить до тех пор, пока не доставят
к капитану Блэку. Но где он находится в настоя-
щее время, я не знал, а только мог предполагать,
что, всего вероятнее, на безымянном судне.

Когда дождь кончился и солнце снова стало
обдавать меня своими лучами, жажда стала не-
стерпимо мучить меня, я протянул руку к фляге
и при этом оцупал узел на своей левой руке и
убедился, что это был простой морской узел,
который можно без труда распустить во всякое

время. Я так и сделал, но не решился подпять-
ся и сесть из опасения, чтобы меня не увидели
сверху. Однако, повернув голову, я убедился, что
судно, буксировавшее меня, — американская ях-
та; на корме ее большими буквами красовалось
«Лабрадор». Кроме того, я убедился, что с кормо-
вой палубы никто не караулит меня, и улегся,
как раньше, затаив в душе надежду на спасение.
Я полагал, что мы не успели далеко отойти от
Нью-Йорка, хотя нигде на горизонте не было вид-
но берега. Мне думалось, что если только меня
не потревожат до наступления ночи, то я сумею
совершенно высвободиться, и так как канат, ко-
торым моя шлюпка была привязана к корме ях-
ты, был продет сквозь железное кольцо, то стоило
мне только добыть нож и перерезать канат, чтобы
вернуть себе свободу. Но ножа у меня не было:
меня, очевидно, раньше обыскали, отобрав все,
что находилось у меня в карманах.

После заката солнца я снова услышал голоса
на палубе «Лабрадора»: кто-то приказал прича-
лить шлюпку. Я поспешил надеть обратно верев-
ку на свою левую руку и ожидал, что будет даль-
ше. Вдруг судно стало, и мою лодку прибило к
самой корме яхты. Затем надо мной раздались го-
лоса, и я увидел, что десяток человек из шайки
капитана Блэка смотрели сверху на меня. Затем
спустили веревочную лестницу, и Четвероглазый
крикнул довольно добродушным тоном:

— Эй, ребята! Давайте сюда чашку с супом,
вольем ему в глотку, не то черт возьмет его рань-
ше, чем мы доберемся до командира! — С этими
словами он стал спускаться ко мне в шлюпку с
чашкой дымящейся похлебки. Присев на кормо-
вую банку, он склонился надо мной и стал вгля-

в мое лицо
кто висит нож на
стало овладеть им
— Э, да это мо
крикнул он. — Да
ны оставались та
меня! Ну а теп
Впрочем, ви
черт только зп
все же поужин
счастье: друго
на тот св
говорил со м
держась одной
крынку. Я
зная теплота: р
месте с тем сл
ежды на спас
я успел уж
Когда Четверо
этот нож ле
Когда я по
тому, тот собо
бравшись по т
Лестницу уб
перед.
жал не шеве
ночь была п
считная для
успевшись,
левую р
свобо

дываться в мое лицо; я же видел только, что у него висит нож на поясе, и решил во что бы то ни стало овладеть им.

— Э, да это молодой барин из Парижа! — воскликнул он. — Да ведь говорил же я вам, что бы вы оставались там, где были. Нет, не послушались меня! Ну а теперь в доброе место везут вас! Жаль! Впрочем, видно, сами вы хотели этого, и один черт только знает, чем все это кончится. А пока все же поужинайте: это вас подкрепит. Еще ваше счастье: другой бы на вашем месте давно отправился на тот свет!

Он говорил со мной ласковым, отеческим тоном, держась одной рукой за веревку, другой держал крынку. Я припился жадно хлебать, и приятная теплота разлилась по всем моим членам; вместе с тем сладкое чувство возрождавшейся надежды на спасение наполнило мою душу, так как я успел уже завладеть ножом в тот момент, когда Четвероглазый склонился надо мной. Теперь этот нож лежал в складках парусины подо мной. Когда я поел и возвратил чашку Четвероглазому, тот соболезнующе посмотрел на меня и, взобравшись по той же лестнице, вернулся на палубу. Лестницу убрали, и судно медленно тронулось вперед.

Я лежал не шевелясь, пока совсем не стемнело, хотя ночь была не очень темная и не особенно благоприятная для осуществления задуманного мною плана.

Но убедившись, что за мной не следят, я освободил левую руку, перерезал веревки на ногах и теперь свободно мог двигаться в лодке. На судне строго сменялась вахта — я каждый раз слышал окрик: «Все благополучно!», слышалось, как

били скляпки, но это не смутило меня: я готов был рискнуть чем угодно, лишь бы не попасть в руки командиру безлимянного судна. Обождя немного, я подкрался ползком к носовой части моей шлюпки и стал перерезать канат, которым был причален к корме «Лабрадора».

Вдруг я увидел, что какой-то человек смотрит на меня сверху и как будто следит за мной. Я поспешно спрятав нож и вытянуться во всю длину.

— Эй, молодец! Ты не зябнешь там? — спросил грубый голос, и вслед за ним голос Четверогозлого продолжал:

— Коли жив, так откликнись, а когда умрешь, дай нам знать!

— Мне сейчас хорошо, только потом я попрошу еще немного вашей похлебки! — отвечал я, обрадованный тем, что моего занятия не заметили.

Сверху послышался громкий хохот.

— Повремени немножко. Скоро ты получишь похлебку и повкуснее, и погорячее, поутру, когда повидасешься с командиром! Наш «старик» — большой хлебосол!

Эту остроумную шутку приветствовал новый взрыв хохота, затем мало-помалу все на палубе стихло. Тогда, не теряя времени, чутко прислушиваясь к малейшему звуку, я снова принялся за свою работу. В два-три приема канат был перерезан, и моя шлюпка завертелась в струе, отходящей за кормой судна. Это была для меня минута страшного нервного напряжения: я ждал, что меня спохватятся, что шлюпку заметят на воде в полумраке ясной звездной ночи, и прислушиваясь чутким ухом, по все было тихо. Тогда я присел в лодке, оглянувшись кругом. Яхта отошла

уже на добрую милю, и у меня отлегло от сердца. Но я упустил из виду одно чрезвычайно важное обстоятельство: в шлюпке не было весел. Положение было безвыходное; паруса и мачты так же не было. Кроме того, я был на расстоянии, вероятно, нескольких сот миль от берега, а кроме десятка бисквитов и полужляжки водки, у меня не было никаких съестных припасов. Когда все это стало мне ясно, мною овладело такое отчаяние, что я, закрыв лицо руками, припался рыдать, как ребенок. Наконец, когда я слегка успокоился, как всегда, после сильного первого приступа наступило состояние тупой покорности судьбе. Меня несло по течению, но в каком направлении, я так и не мог определить.

По прошествии приблизительно двух часов я уже совершенно потерял из виду яхту. Я утешал себя тем, что нахожусь на пути пароходов, идущих в Нью-Йорк, и что, быть может, какой-нибудь из них примет меня. С этой мыслью я завернулся в парусину и лег на дно лодки, чтобы защитить себя от резкого ветра, поднявшегося к ночи. Я не спал, но лежал в полудремотном состоянии час или два и был пробужден лучом чрезвычайно яркого света, падавшего на меня сверху. Вскоре я убедился, что этот свет был направлен на водную поверхность и медленно передвигался, описывая круг, пока вдруг не остановился наконец над моей шлюпкой. Тогда я сообразил, что это электрические рефлекторы большого военного судна. Самого судна я не мог видеть, но безотчетно сознавал, что это то самое безымянное судно, которого я хотел избежать ценою страшного риска. Но что было предпринять мне для самозащиты?

Между тем в течение нескольких минут рефлекторы были направлены прямо на мою шлюпку, затем как будто разом потухли. В полумгле я различил длинное судно с двумя трубами и тремя мачтами, тогда как безымянное судно имело только одну трубу и две мачты. Это открытие до того обрадовало меня, что я стал радостно махать руками, кричать и звать. Когда же длинный луч вновь осветил поверхность моря, я увидел в яркой полосе света большой вельбот с несколькими гребцами, быстро направлявшийся ко мне. Я кричал и звал, но долго никто не отзывался; наконец послышался голос, в невыразимому моему ужасу, Четвероглазого. В полном отчаянии я бросился на дно своей лодки и закрыл лицо руками.

— Ловкий парень! Ну, да теперь мы не расстанемся с тобой ни на минуту! Не бойся!

Шлюпка подошла совсем близко, и мою лодку зацепили багром; затем эти люди перетащили меня в свой вельбот и стали сильно грести по направлению к видневшемуся вдали пароходу, а спустя немного я был уже на палубе этого судна. Но теперь я уже наперед знал, что я пленник на безымянном судне, чего так боялся все время.

XIII

Красная каюта и железная тюрьма

Шесть гигантов-негров держали большие фонари по обе стороны трапа, когда я вошел на палубу этого судна, но никто из них не проронил ни слова; даже лица их нельзя было рассмотреть.

Судя по всему, начальником над гребцами вельбота, а может быть, и здесь, на судне, пасколько я мог видеть, был ирландец Четвероглазый. Когда все были уже наверху, он отдал короткое отрывистое приказание: «В заднюю!», причем оглянувшись, как бы для того, чтобы убедиться, что никого больше поблизости не было. Тогда один из экипажа молча дотронулся до моего плеча, давая понять, чтобы я следовал за ним, что я и сделал.

Мы долго шли по железному полу верхней палубы, мимо целого ряда орудий, затем спустились в нижнюю, крытую палубу и вошли в большую кают-компанию, оттуда — в узкий коридор, куда выходило много дверей. Одну из них открыл мой сопровождающий и пригласил меня войти, после чего дверь без шума затворилась, и я остался один.

Я ожидал очутиться в тюрьме, но, к великому моему удивлению, увидел себя в роскошно обставленной каюте. Все стены ее и потолок были сплошь затянуты дорогим пурпурно-красным штофом; тем же штофом была крыта мебель, обтянуты подушки на широкой, роскошной постели под штофным пологом и штофным одеялом. На конец, те же пурпурно-красные драпировки шли вокруг дорогого венецианского зеркала над туалетным столом и над входной дверью. Единственным пятном в этой пурпурно-красной комнате являлась мрачная картина, изображавшая только что отсеченную голову человека, — кисти знаменитого Вюрца. Эта картина вселяла в меня непреодолимый ужас; я старался не глядеть на нее, забыть о ней.

Пол компаты был устлан дорогим индийским ковром, а свет излучала висячая лампа под мато-

вым колпаком, затянутым легким золотисто-желтым газом.

Пораженный роскошью помещения, я присел на кушетку, подле которой стоял столик, а на нем ящик с дорогими сигарам и граненый графин с вином. И выпил вина и закурил сигару, и это несколько ободрило меня, возвратив силы, так как до того я чувствовал такую слабость, что не мог ничего соображать. Теперь у меня явился вопрос: что все это могло значить? Этот комфортабельный тюремный помещенец, это таинственное обращение экипана? Какие намерения имел по отношению ко мне этот изверг капитан Блэк? Он, конечно, угадал мое намерение преследовать его, как его преследовал покойный Мартин Холль. Но если тот поплатился так жестоко за свое отвратительное намерение, то не та ли участь грозит и мне? Волей-неволей я начинал приходить к убеждению, что не только дни, но и часы, даже минуты моей жизни сочтены. Если когда-либо человек попадался в капкан, то это был я. Кто мог теперь оказать мне хоть какую-либо помощь? Правда, Родрик был способен перевернуть небо и землю, чтобы спасти меня. Но как ему разыскать меня? Да если бы даже это и удалось ему, то кто мог поручиться, что я еще останусь в живых до того времени? Я не имел никакой возможности послать из этой могилы весточку своим друзьям. Не успел я выкурить одну сигару, как электрическая лампа в моей каюте вдруг потухла, и я остался впотьмах. Это сначала ужасно встревожило меня, но прошло полчаса, затем час, ничто не изменилось. Тогда, видя, что по крайней мере в данный момент мне не грозит никакая опасность, я, чувствуя себя чрезвычайно усталым

и разбитым, разделся и лег в постель. Такой роскошной, мягкой постели я никогда не встречал в море. Едва моя голова коснулась подушки, как я впал в тяжелый, непробудный сон и проспал так, вероятно, очень долго.

Проснувшись на следующий день, я заметил, что пурпурные шелковые занавеси были отдернуты и в каюту проникал слабый свет из иллюминатора, сквозь который я увидел мутное, дождливое небо и взбаламученное море. Я не сразу заметил, что в кресле подле моей кровати сидит какой-то господин, весьма метелевато одетый в пизажный синий костюм и светло-коричневого цвета ботинки. У него было свежее открытое лицо, которое портит тонко гревожно бегавшие по сторонам глаза, свидетельствуя о крайней нервности его натуры.

— Добрый день, — проговорил он, — надеюсь, вы спали хорошо?

— Превосходно, я давно уже не спал так, как сегодня! — отозвался я. — Какой теперь час? Думаю, около полудня?

— Половина четвертого, — улыбнулся неизвестный господин, — но я не хотел будить вас, так как в вашем состоянии сон — лучшее лекарство. Позвольте представиться, я — врач!

— А, вы старший врач здешнего экипажа! У вас должна быть огромная практика! — не без едкости заметил я.

Он посмотрел на меня как будто удивленно, затем ответил:

— Да, мне приходится выдавать много свидетельств о смерти! Быть может, мне придется оказать и вам эту услугу!

Он произнес эти слова полувасмешливым, по-

луугрожающим тоном, что сразу напомнило мне о моем положении и, вероятно, отразилось на моем лице. Заметив это, доктор поспешил перевести разговор на более приятную тему.

— Вы, вероятно, голодны? — спросил он. — Я сейчас позвоню, чтобы вам подали завтрак. А если вы желаете до завтрака припять ванну, то она вот здесь! — И, отворив дверь в коридор, он проводил меня в превосходно устроенную ванну, где я нашел все необходимые принадлежности для купания и туалета.

Когда умытый и одетый я вышел из ванной, доктор ожидал меня у дверей, и мы вместе с ним вернулись в красную комнату, где уже был сервирован самый изысканный и чрезвычайно обильный завтрак, кофе с густыми сливками и даже фрукты и конфеты по американскому обычаю.

Пока я ел, доктор молчал. Когда же убрали со стола, он пододвинул мне ящик с сигарами, налил мне и себе по стакану виски и, сам закурив сигару, заговорил первый.

— Я весьма сожалею, что не могу предложить вам сегодняшней газеты; последний номер, какой у нас есть, это субботний «Нью-Йорк уорлд», но в нем есть статья, которая, полагаю, будет небезынтересной для вас! — С этими словами он передал мне газету, где одно место было отмечено цветным карандашом.

Я прочел. В газете подробно говорилось о нападении какого-то неизвестного судна под чилийским флагом на американский крейсер и на пассажирский пароход, направлявшийся в Нью-Йорк; говорилось о том, что это происшествие взволновало всю Америку, что был сделан запрос чилийскому правительству, которое совершенно

сразу напомни-
тельно. отразилось
доктор поспешил пере-
менить тему.
— спросил он.
— подали завтрак. А
принять ванну. Он
ерь в коридор, он
устроенную ванну.
принадлежит посты.

Я вышел из ван-
ны, и мы вместе с
у, где уже был
чрезвычайно об-
ливками и де-
канскому об-
Когда же уба-
щик с сигаре-
та и, сам заку-

могу предложить
ний номер, как
Йорк-уорлд, в
агаю, будет в
словами он не
было отмечено

говорилось о в-
ла под чилий-
сер и на пас-
тисся в Нью-
роисшествии
делан заправ-
совершенно

отрицало какое-либо спешение с таинственным
судном, и что впрямь до полного расследования
этого дела английские, американские и француз-
ские суда высланы для того, чтобы выследить та-
инственное судно и доставить своим правитель-
ствам возможно больше сведений о нем. Далее
говорилось о том, что одному господину в Нью-
Йорке известно многое об этом деле и что его
будут немедленно интервьюировать в надежде,
что он сумеет раскрыть эту тайну.

Когда я дочитал и отложил в сторону газету,
доктор, с усмешкой следивший за мной, сказал:

— Как вам известно, это интервью не состоя-
лось, так как этот господин — вы! Что же касает-
ся вашего друга, господина Стюарта, то, как нам
известно, он играет весьма незначительную роль
в этом деле и без вашей настойчивости и энергии
едва ли в состоянии вредить нам хоть сколько-
нибудь!

— Вряд ли так, как вы сами успеете в этом
убедиться! — многозначительно возразил я, ин-
стинктивно угадав, в чем может быть мое спасе-
ние. — Ему известно ровно столько же, сколько
и мне!

— То есть весьма немного, — насмешливо до-
бавил доктор, — но об этом мы узнаем подробнее.
Я, собственно, явился сюда с тем, чтобы предло-
жить вам написать подробный отчет относитель-
но каждого шага, сделанного вами в этом деле с
того самого момента, когда вы были достаточ-
но безумны, чтобы последовать за Холлем, и, по
его примеру, стали совать свой нос в дела, кото-
рые вас вовсе не касаются. Вам известно, какое
наказание понес за это Холль: вы были свиде-
телем его смерти, как сообщил мне мой товарищ,

господин Паоло. Вас же мы щадили до настоящего времени, да, быть может, пощадим и дальше, если вы в точности исполните все, что от вас требуют!

— А в противном случае? — спросил я.

— В противном случае вы будете рады отдать все, что у вас есть, за то, чтобы я немедленно застрелил вас. Вы должны понять, что ваше положение совершенно безвыходно, что вы здесь погребены заживо и что для всего остального мира вы как бы умерли. Чтобы сохранить жизнь и, в общем, довольно приятное существование, вам остается только стать одним из наших!

— Это совершенно немыслимо! — воскликнул я.

Доктор только усмехнулся.

— Это вы говорите теперь, но мы дадим вам несколько дней срока — подумать об этом, причем позвольте мне посоветовать вам не пытаться прошибить лбом стену. Право, у нас очень недурная компания, хотя здесь не найдется ни одного человека, у которого не было бы одного или нескольких убийств на совести, и меня самого преследуют за убийство в Шропшире, но, конечно, безуспешно, — ха, ха, ха!

Это было сказано с таким дьявольским смехом, что я невольно отшатнулся от него. Доктор встал и пошел к дверям.

— Нам предстоит четверо суток пути, — сказал он, обернувшись на пороге, — и в течение этого времени вам нечего опасаться. Мы сумели бы отправить вас и ваших друзей на тот свет еще там, в Атлантическом океане, но не сделали этого только потому, что намерены получить от вас некоторые сведения. Итак, вы можете быть вполне

мы щадить до
может, пощадим
исполните все, что

учас? — спросил
чае вы будете
ь, за то, чтобы
должны понять
то безвыходно,
что для всего ост
оли. Чтобы сохр
приятное существ
тагь одним из
емыслимо! —

ь, но мы дадим
мать об этом,
ть вам не пыла
у нас очень не
найдется ни од
ы одного пле
меня самого
пре, по, кове

ьявольским
от него. Док

ок пути, — с
в течение
Мы сумели
тот свет е
сделали
учить от
е быть

на спокойны до тех пор, пока капитан Блэк не подвергнет вас личному допросу. Но предупреждаю вас, если вы не одумаетесь, то убедитесь на опыте, что люди сильнее и могучее вас со слезами призывали смерть, когда мы прикасались к ним одним только пальцем. А вам будет оказано полное внимание! — С этими словами он вышел.

Все, что он говорил, была правда. Для всех я был мертв; ни одна живая душа не могла извлечь меня из этой железной тюрьмы, о существовании которой никто не знал. Что же оставалось мне? Или сказать все, что я знаю, этим негодьям, или запутывать их тем, что Родрику тоже известно многое. Обдумав свое положение, я решил так: капитан Блэк потребует, чтобы я сказал ему все, что мне известно, и если я не соглашусь, то он прибегнет к самым крайним мерам, — и я содрогался при воспоминании об ужасной участи бедного Холля. Этот человек создал отважный план, смелость которого превышает все возможное в конце XIX столетия. Уж кто-нибудь, где находится та берлога, в которой скрывается этот разбойник, его безопасности пришел бы конец. Если бы это место было известно Родрику, я мог бы рассчитывать, что останусь жив; но я знал, что даже Холль не знал ничего об этом, и то, что не удалось ему, едва ли могло удалиться простоватому и неопытному в такого рода делах Родрику.

Все эти соображения привели меня к следующему выводу. Я буду делать вид, что я, а также и мой друг знаем кое-что. Может быть, это и спасет мне жизнь, хотя Бог весть что выйдет. В сущности, жизнь при такой обстановке и среди этих людей не имела для меня ничего привлекательного, а потому я не особенно и дорожил ею.

XIV

Все дальше к северу

В течение нескольких дней я не видел доктора, да и никого, кроме старого негра, прислуживавшего мне и на все мои вопросы отвечавшего только «да» или «нет». Ежедневно в определенный час поутру он являлся ко мне с докладом, что ванна готова; ежедневно я получал роскошный завтрак, обед и ужин, свежее белье, тонкое и прекрасное, и совершенно новый щеголеватый костюм от хорошего портного, того же покроя и изготовленный из того же материала, что и у доктора. Вообще, во всем была видна забота и внимание ко мне: так, например, мне присылали книги, в каюте топили печь, когда я стал замечать, что температура заметно падает, постельное белье нагревали грелками; словом, делали все, чего только мог пожелать самый избалованный и ленивый человек. Тем не менее это одиночное заключение страшно действовало на мои нервы, и чем дальше, тем хуже.

На четвертые сутки пути наше судно, не особенно спешившее до этого времени, вдруг пошло полным ходом, а под вечер я заметил, что на палубе стало особенно шумно. Я посмотрел в иллюминатор и увидел, что громадная ледяная гора преграждает нам путь. Вода каскадами сбегала с громадной ледяной массы, сверкавшей белоснежной чистотой, освещенной розоватыми отблесками заходящего солнца. Теперь мне вдруг припомнились слова Паоло, когда он в бреду все время кричал: «Лед, лед». Это была вторая тайна капитана Блэка: он скрывался во льдах много север-

нее того пути, по какому следуют обыкновенно суда, идущие в Канаду. Это я мог заключить по тому, сколько времени мы находились в пути.

Но это обстоятельство отнюдь не уменьшило моих страхов и опасений, преследовавших меня в этой плавучей железной тюрьме. С каждым днем я уходил все дальше и дальше от внешнего мира, все глубже и глубже зарывался в эту могилу и все более и более становился беспомощной жертвой в когтях всемогущего капитана Блэка, который был волен казнить меня или милловать, по своему усмотрению. Несмотря на то что в течение целой недели моего плена на железном судне я не испытал ни малейшей неприятности или напоминания об ожидавшей меня участи, страх смерти преследовал меня неотступно, не давая спать по ночам и лишая аппетита.

Наконец вечером, на седьмые сутки, я почувствовал, что судно вдруг стало, и услышал, как спустили якорь. Было уже поздно. В это время я обыкновенно ложился в постель, но на этот раз ждал, сидя в своем кресле, чего-то необычайного, ждал, полный тревоги и волнения. Наверху замечалось большое движение. Прошел час, когда никто не являлся, и я почувствовал, что судно стало снова подвигаться вперед, но очень медленно. Я открыл свой иллюминатор и, хотя ночь была безлунная, увидел, что мы входим в узкий проход, по обе стороны которого вздымались высокие скалы. Это был вход в какую-то гавань или закрытый бассейн.

Скоро судно подошло, по-видимому, к пристани, о чем можно было догадаться по суесте, подвигавшейся на палубе, грому ханью сбрасываемых в воду якорей.

Дождавшись, когда весь этот шум стих, я наконец решился лечь в постель. На следующее утро я получил вместе со своим утренним кофе изящную записку, которой меня приглашали на вечер к восьми часам к обеду, к капитану Блаку. Даже и это приглашение чрезвычайно обрадовало меня, до того мне было тягостно одиночество. Когда же в четверть восьмого старый негр явился ко мне и, отворив дверь моей каюты, произнес: «Господни ожидает вас!», я с радостью последовал за ним, хотя и сознавал, что это ведет меня, быть может, к смерти.

Выйдя по коридору в кают-компанию, а оттуда по широкой, устланной ковром лестнице на палубу, мы очутились наверху, где было совершенно темно, только над носовой башней огромный фонарь кидал длинный и широкий луч яркого света на море. При свете этого фонаря я увидел, что наше судно находится в довольно обширной пещере, окруженной гигантскими скалами. Вдали в скале виднелась узкая щель, ведущая во вторую пещеру, уже совершенно темную. Все это я едва успел разглядеть, так как меня уже ожидала шлюпка. Гребцы тотчас же налегли на весла и, держась все время в полосе света, стали грести прямо по направлению к узкой расщелине в скале. Пройдя через эту расщелину, мы очутились в узком фьорде, окруженном такой высокой стеной скал, что здесь было почти совсем темно, и только высоко над головой виднелась узкая полоска неба. Эта вторая пещера привела вас к глубокому озеру, замкнутому со всех сторон кольцом высоких скал. При этом мне невольно бросилось в глаза, что в одной отвесно обрывающейся в озеро скале, образующей левый берег,

на весьма значительной высоте от воды мелькали
огни как бы из окон, прорубленных чьей-то таин-
ственной рукой. Туда-то именно и направлялась
теперь шлюпка. Когда мы подошли ближе, я уви-
дел высеченную в скале пристань с черпой ро-
шеткой и красивую чугунную лестницу, ведущую
вверх, в глубь скалы.

При выходе из шлюпки нас встретил десяток
слуг с факелами, которые молча выстроились по
обе стороны, а я, следуя за старым негром, моим
сопровождающим, стал подниматься по чугунной
лестнице, окапчивавшейся небольшою площадкой
в виде высокого балкона. На эту площадку вы-
ходила обитая железом массивная дверь. Дверь
эта отворилась, и на пороге меня встретил мой
знакомец доктор. Он чрезвычайно сердечно по-
здоровался со мной и вообще казался на этот раз
в очень веселом и добродушном настроении.

— Идемте скорее, — проговорил он, взяв меня
под руку, — все ждут только вас. А в эту чертов-
ски холодную погоду все голодны, как волки!
Сюда прошу вас, не бойтесь, здесь не темно!

Действительно, мы вошли в широкий коридор,
ярко освещенный электричеством. Казалось, буд-
то стены его были высечены из хрусталя, так как
поверхность их, гладкая и блестящая, походи-
ла на зеркало. На известном расстоянии друг от
друга были проделаны высокие окна, обращенные
к озеру, но теперь все они были завешаны тяже-
лыми занавесями; вдоль противоположной стены
стояли шкафы и полки с вешалками. В конце
коридора была другая дверь из цельного амери-
канского ореха превосходной работы. Когда док-
тор отворил ее, мы очутились в большой высокой
комнате, обставленной со всем европейским ком-

фортом и даже роскошью: стены и пол ее были сплошь увешаны дорогими мехами. Изящная дорогая мебель, крытая темно-коричневым штофом, выгодно выделялась на серебристо-белых шкурах полярного медведя, преобладавших здесь. В левом углу стоял большой концертный рояль, а на его пюпитре раскрытая тетрадь нот. Середину одной из стен занимал громадный, монументальный камин, в котором пылал яркий огонь. В центре же комнаты находился большой письменный стол, заваленный картами, книгами и журналами. По стенам тянулись полки с книгами и красивые библиотечные шкафы, а также этажерки, установленные драгоценными произведениями искусства.

Но не столько эта комната, сколько сам обладатель ее привлекал мое внимание. Никого, кроме капитана Блэка, в этой комнате не было. Но это был уже не тот человек, которого я видел председателем пьяной оргии в Париже.

Ничего резкого, злобного и жестокого ни в голосе, ни в манере, ни во взгляде его теперь не было. Голос его звучал мягко и приятно, когда он ответил «войдите» на стук доктора и затем, поднявшись с кресла, сделал несколько шагов нам навстречу как милый, радужный хозяин. Когда он протянул мне руку, я чуть было не отнял своей, но тотчас опомнился, сообразив, что в моем положении это было бы положительным безумием. Я взял его большую, сильную руку и взглянул ему прямо в лицо. Этот человек был выше меня ростом, но огромная, необыкновенная сила чувствовалась в его могучих руках и богатырских плечах. Лицом он был тоже педурен, хотя его портила слишком большая черная борода.

...сидел
...комнато.

Всего удивил

...то, что ко

...выпускал ее

...в лицо с

...мне казалось

...забылся в

...держать и

...перед собой

...жительной

Наконец он ла

— Я очень рад

...в столову

...руку.

Мы вошли в сле

...мехами, по

...цета. Здесь ст

...стол, на

...освещалась

...к с

...по прозванию

...было позво

...поведение ег

...Париже, но как

...обедом говорил

...Я слушал

...узнать о с

...крайней мере

...часть

Платье сидело на нем как-то слишком свободно и мешковато.

Всего удивительнее, однако, в нашей встрече было то, что когда он взял мою руку, то долго не выпускал ее из своей, причем смотрел мне прямо в лицо с таким непритворным участием, какое мне казалось совершенно непонятным. Он до того забылся в этом созерцании, что долго продолжал держать и пожимать мою руку, как будто видел перед собой самого дорогого друга после продолжительной разлуки.

Наконец он ласково проговорил.

— Я очень рад вас видеть! Обед ждет нас! Пойдемте в столовую! — И он дружески взял меня под руку.

Мы вошли в следующую комнату, также убранную мехами, но преимущественно темно-бурого цвета. Здесь стоял роскошно сервированный обеденный стол, накрытый на четыре персоны. Комната освещалась электрическими лампами. Приглашенными к столу были: доктор, я и шотландец, по прозвищу Дик-Капиталист. Последний стал было позволять себе выходки, напоминавшие поведение его товарищей на улице Жубер в Париже, но капитан вскоре заставил его замолчать.

За обедом говорил почти только один доктор, рассказывавший много интересного из своих путешествий. Я слушал его с вниманием, надеясь что-нибудь узнать о судьбе, ожидающей меня, или, по крайней мере, о том, где именно мы теперь находимся, на севере ли Америки или в какой другой части Северного Ледовитого океана. Капитан впервые заговорил в ответ на мое замечание, как тепло и приятно в этой комнате.

— Это вы особенно одеваете, когда у нас наступит здесь зима! Ведь вы, конечно, знаете, где находитесь?

Ничего не подозревая, я отвечал, что не имею ни малейшего представления. Капитан многозначительно взглянул при этом на доктора, а тот, весело потрепав меня по плечу, воскликнул:

— Bravo! Это избавляет нас от необходимости задавать вам неприятные вопросы. Я тогда уже думал, что ваше мнимое обладание нашей тайной было напускным!

— Ну, конечно! — подхватил капитан. — Но теперь не время говорить об этом... Если хотите знать, я могу вам сказать, что мы находимся на западном берегу Гренландии. В каких-нибудь пятидесяти милях отсюда есть датская колония, но мы не ведем здесь знакомства со своими соседями!

Затем, приказав подать шампанского, капитан провозгласил тост «за нового товарища!». Но я не поднял своего бокала; он это заметил, и лицо его заметно омрачилось.

— Что ж, — проговорил он, — мы не будем тревожить вас! Вы будете моим гостем до тех пор, пока я не поставлю вам решительного вопроса. Но тогда вам уже нельзя будет долго раздумывать: мы ведь умеем быть и ужасно дурными, когда надо. А теперь попробуйте-ка этих сигар: они очень хороши, мы взяли их из коллекции лорда Ремингама, который несколько недель тому назад был на пути в Америку!

— Но с ним случилось несчастье, упокой Господи его душу! — подхватил вновь повеселевший шотландец и громко расхохотался.

— Удивительно, какого высокого качества та-

...и шампанского парохода «Каталония»

...когда я отпустил ему, Р... и дал еще пассажиров, что

Но очевидно

...он вдруг... момент, когда в

...говорил, обра...

— Наша при...

...айнись! Вы...

...помещение

...знакомиться с

...ые люди, и

...посмотреть!

— Если позво...

...вы найдете во...

...я, сгорая ж...

...го больше.

Капитан улыба...

...звать за ним;

...ая вам дорогу.

Один

...столовой мы... ковром и... справа в него... которые б...

бан и шампанское бывает всегда на этих океан-
ских пароходах! — проговорил доктор. — Капитан
«Каталонии» был большой любитель этого вина,
и когда я отправлял его на тот свет, то, чтобы
утешить ему, разбил ему о голову бутылку этого
вина и дал еще в спутники пятьсот человек его
пассажиров, чтобы ему не было скучно!

Но очевидно, этот разговор не понравился Блэ-
ку; он вдруг поднялся из-за стола в тот самый
момент, когда в комнату вошел Четвероглазый, и
проговорил, обращаясь ко мне:

— Наша приятная компания должна теперь
разойтись! Вы можете занять отведенное вам
здесь помещение, если не желаете еще ближе
познакомиться с нами. Мы, право, довольно ин-
тересные люди; могу вас уверить, и у нас есть
что посмотреть!

— Если позволите, то я буду рад увидеть все,
что вы найдете возможным показать мне! — отве-
тил я, сгорая желанием видеть и узнать как
можно больше.

Капитан улыбнулся и сделал знак остальным
следовать за ним; затем он пошел вперед, ука-
зывая нам дорогу.

XV

Один останется жив

Из столовой мы вышли в широкий коридор,
устланный ковром и освещенный висящими лам-
пами. Справа в него выходили двери многих ком-
нат: некоторые были открыты, и я, проходя мимо,
видел прекрасно обставленные спальни и биль-
ярдный зал. В конце коридора была лестница,

ведшая вниз. Спустившись по ней, мы вышли к пологому спуску скалы, который вел почти к самой поверхности озера, на узкую тропу между каменной стеной скал и озером. Пройдя темного по ней, наша компания очутилась у большого здания, высеченного в скале и служившего, очевидно, казармой для всей шайки капитана Блэка.

Мы вошли в большой ярко освещенный зал, где на грубых стульях и скамьях расположились в самых разнообразных позах те самые люди, которых я уже видел в Париже, и еще человек шестьдесят или семьдесят других, подобных им, людей всевозможных национальностей и возрастов, не исключая даже негров и китайцев. Когда мы вошли, в помещении, пропитанном табачным дымом и запахом спиртного, стоял пестрый шум, но по слову капитана «смирно!» все разом стихло. Четвероглазый поспешил подать нам стулья, а капитану большое кресло и придвинул стол, выложив на него какие-то бумаги и маленький деревянный молоток вроде тех, что употребляются председателями собраний. Капитан Блэк уселся в кресло против камин, мы же сели вокруг его стола.

— Ребята, теперь мы снова дома! Поздравляю вас с благополучным возвращением и предлагаю выпить вина по этому случаю! — громко начал вождь пиратов, обращаясь к почтенному собранию.

При этом мне невольно бросилось в глаза, что, войдя к этим людям, Блэк сразу принял грозный и свирепый вид, резко выкрикивал слова, когда говорил, и стучал молотком по столу.

На его предложение выпить вина все отвечало единодушным криком одобрения, и несколько

негров тотчас же внесли целые ящики шампанского, которое рекой полилось во всех концах зала. Выждав, когда все опорожнили свои кружки, Блэк продолжал:

— Теперь я полагаю, ребята, что первым делом мы должны свести наши счета. Мы славно поработали прошлый месяц, и на долю каждого из вас приходится по двести пятьдесят фунтов, которые вы получите, когда мы в следующий раз приедем в Нью-Йорк. Так выходит по моему расчету. Если же кто из вас сомневается в верности его, то пусть справится с этими цифрами! — И он указал рукой на бумаги.

В ответ снова раздались крики одобрения.

— Теперь скажу вам, ребята, что нам придется сидеть без дела некоторое время, о чем я сожалею, как и каждый из вас. Но капитан американского крейсера поднял на ноги всю Европу. Это меня, конечно, не беспокоит, но драться и сражаться не наше дело: мы охотимся только за долларами, а потому нам придется посидеть смирно до весны. Не имеет ли кто из вас возразить что-нибудь против этого?

Но тон капитана звучал при этом так внушительно-угрожающе, что никто не осмелился сказать что-либо, после чего Блэк продолжал еще более громко.

— Теперь я имею сказать вам еще кое-что: двое из вас отказались стоять двойную вахту после того, как мы оставили американский крейсер. Пусть эти двое выйдут вперед!

Почти в тот же момент поднялся со своего места и подошел к столу небольшого роста смуглый человек с русой бородой, очевидно русский.

— Где же Давид Скиппер? — спросил капитан, по-видимому, спокойным, но грозным тоном.
— Он сит там, в углу! — отозвался кто-то.
— Растолкать его! — приказал капитан.

Приказание было немедленно исполнено, и спустя минуты две ростлый, плечистый американец Скиппер, протирая глаза и бормоча что-то сквозь зубы, подошел к столу.

— Ребята, — начал совершенно спокойно капитан, обращаясь к двум вызванным пиратам, — вы осмелились не исполнить моего приказа, да еще в такой момент, когда я и ваши товарищи рисковали жизнью, причем каждый из вас взваливал вину на другого. Но я не стану разбирать вас, однако не могу также идти и против того, что написано в нашем уставе, как и вы не можете идти против этого. А потому решите это дело между собой — один из вас останется жив! Джон, дай им ножи!

Без малейшего возражения оба пирата сбросили с себя рубахи и остались обнаженными до пояса; им дали по большому ножу; остальные присутствующие оставили свои игры и вилы и столпились тесным кольцом, образуя арену для борцов. Теперь я понял, что означали слова «один из вас останется жив»: эти люди должны были драться на жизнь и смерть.

Условия были далеко не равны. Русский, которого, как я успел уловить из слов толпы, звали Товодский, или Тов, был тщедушный, побольшего роста парень, тогда как американец Скиппер, несомненно, отличался педюжиппой силой и геркулесовским сложением, причем был больше чем на голову выше своего противника.

Теперь они стояли друг против друга, и глаза

их метали молнии. Они больше походили на двух хищных тигров, готовившихся растерзать друг друга, чем на людей. Первым нанес удар Скиппер, стараясь вопзять свой нож в горло противника. Но тот проворно нагнулся и, проскользнув между ног американца, нанес ему удар в спину, после чего оба схватились и повалились на пол, испуская ужасные проклятия и ругательства. Спустя минуту Скиппер, несмотря на свою рану, вскочил на ноги и бросился на противника, но тот снова пригнулся. На этот раз, однако, нож пропорол ему плечо; кровь брызнула струей; он громко взвыл от боли и как бешеный стал бегать кругом, а Скиппер гоняться за ним. Вскоре оба выбились из сил и остановились как вкопанные, тяжело дыша, как загнанные лошади. Им дали выпить водки, и это несколько восстановило их силы. Вскоре они снова сцепились; каждый схватил правую руку своего противника и держал ее, не давая возможности действовать ею. Однако Скиппер, бывший вдвое сильнее, вскоре согнул руку Товодского и стал ею же наносить своему противнику его же собственным ножом удар за ударом прямо в грудь, пока вся грудь русского не превратилась в сплошную рану. Всем казалось, что несчастный начинает уже заметно ослабевать и умрет тут же на месте, как вдруг невероятным усилием ему удалось вырваться из рук противника. Взвыв, как дикий зверь, он устремился на своего врага и со всей силы вопзил ему свой длинный нож по самую рукоятку в бок. Удар был до того силен, что клинок обломился и остался в ране. Скиппер весь вытянулся с печатью смерти на лице, но жажда мщения придала ему на мгновение силы. Его противник

был теперь безоружен. Он это заметил и бросил-
ся на него со своим ножом. Товодский, прорва-
в круг зрителей, стал метаться вокруг зала как су-
машедший. Скиппер же преследовал его с но-
жом, скрежеща зубами и крича от боли. Крова-
вая пена выступила у него на губах, но против-
ник его все увертывался. Наконец русскому уда-
лось добраться до двери. Скиппер почти уже на-
гснял его; бедняга рванулся вперед и упал попе-
рек порога. Но в этот момент и Скиппер вдруг
остановился, точно его кто-то схватил сзади, ки-
нул свой нож в русского и промахнулся, так как
глаза его уже ничего не видели перед собой, по-
шатнулся и упал как подкошенный, с тихим
стоном. Он был мертв.

Присутствующие с громкими криками броси-
лись за Товодским, но, когда его подняли, и тот
оказался уже мертвым. Его втащили в зал и по-
ложили рядом с его противником.

Эта страшная драма, однако, не произвела
особенного впечатления на пиратов: они крича-
ли, громко спорили и ругались, как торговки на
рынке; шум и гам смолкли только тогда, когда
раздался голос капитана:

— Эй вы, уберите их кто-нибудь туда, в верх-
нюю пещеру! Пусть поостынут! Да положите их
рядком! — грубо и резко проговорил он.

Приказание было немедленно исполнено. Од-
новременно с этим притащили ведро с водой и
швабры и стали замывать следы крови на полу.

Капитан Блэк между тем снова обратился к
своей команде таким тоном, будто ровно ничего
не случилось.

— Прежде чем пожелать вам, ребята, спокой-
ной ночи, я должен сказать, что среди нас есть

...сторонное лицо
...Этот мой гость!
...Он пристал к
...глазами,
...на меня.
...мое дело! А
...если не хоч
...его! — оборвал
...станет нашим!
...Это против пра
...Джон, поддержи
...казались по
...правил.
...Против чего?!
...изо всей моч
...тернувшись лиц
...Один из его лю
...живаюсь с ним
...ее не имеете п
...это в уставе, к
...разбойник.
...за побледнел от
...Ты, может быть
...действитель
...посторонний
...не станет п
...пахтах. Но у
...когда придет
...еще не вр
...списывать
...вперед. Я
...Джон, дума
...грозный
...лина,
...и

одно постороннее лицо. Но оно останется здесь с нами. Это мой гость!

— Он пристал к нам? — спросил япки с беспокойными глазами, все время с любопытством смотревший на меня.

— Это мое дело! А вы молчи и держи язык за зубами, если не хочешь, чтоб я приказал тебе вырвать его! — оборвал его капитан. — Со временем он станет нашим!

— Это против правил! — пробормотал Ревущий Джон, поддерживая товарищей, из которых некоторые казались недовольны таким отступлением от правил.

— Против чего?! — крикнул Блэк громовым голосом, изо всей мочи ударив кулаком по столу и обернувшись лицом к говорившему.

— Один из его людей раздробил мне челюсть, и я расквитаясь с ним за это! Будьте спокойны! Вы тоже не имеете права идти против того, что написано в уставе, как и мы! — продолжал настаивать разбойник.

Блэк побледнел от бешенства, но сдержался.

— Ты, может быть, прав, — проговорил он небрежно, — действительно, у нас было решено, что ни один посторонний не может оставаться здесь, если он не станет нашим, ни один, кроме тех, там, в шахтах. Но у меня на этот раз есть свои виды, и, когда придет время, я сообщу их вам. Теперь же еще не время. А если кто-либо осмелится предписывать мне, что делать, так пусть он выйдет вперед. Я с ним поговорю. Ну, может быть, ты, Джон, думаешь меня учить?

Но этот грозный вызов сбил всю спесь с Ревущего Джона, он смолк и смотрел в сторону. Только когда мы выходили, за спиной у нас по-

слышался глухой ропот. Но это нимало не смущало меня. Я видел, что Блэк бесспорный господин и что под его защитой мне нечего опасаться.

Выйдя из казармы, мы вернулись втроем — капитан, доктор и я — наверх, в широкий коридор, куда выходили замеченные мною спальни, и здесь, у дверей одной из них, Блэк пожелал мне спокойной ночи, а доктор проводил в предназначенное для меня помещение, прекрасную комнату, высеченную в скале, как все остальные, с окном, выходящим в море, с мягкими коврами и дорогой мебелью. Убедившись, что я найду здесь все для меня необходимое, доктор тоже простился со мной, но в дверях на минуту остановился и сказал:

— Вы родились под счастливой звездой! Вы — первый человек, которого Блэк пощадил, вам он даст время одуматься!

XVI

Место смерти

На следующее утро я проснулся довольно поздно. Солнце светило прямо в окно. Старый негр явился, по обыкновению, доложить, что ванна готова, и провел меня по коридору в роскошную ванную, где был большой бассейн для плавания, мягкие диваны, ковры и потолок с куполом в восточном вкусе. К завтраку ко мне пришел доктор, как всегда, очень веселый и разговорчивый. — Капитан просит передать вам свой привет, — проговорил он, входя и садясь подле меня к столу, — он поручил мне узнать, хорошо ли вы

спали. Между нами говоря, он сам не любитель таких сцен, какие мы с вами видели вчера. Но что прикажете делать?! Если мы не будем поддерживать дисциплину, то они всем нам завтра же перережут горло. Вы понимаете, что этих людей возмущает исключение, сделанное в вашу пользу, и я сильно опасаюсь, что от этого могут произойти беспорядки, если только вы не согласитесь на предложение Блэка!

— Простите, я не совсем понимаю вас, — отвечал я, — о каком исключении и каком предложении идет речь?

— Сейчас объясню. Капитан Блэк привозил сюда человек тридцать-сорок джептльменов-англичан лучших аристократических фамилий, и ни один из них не оставался жив более суток после своего прибытия в наш скамистый дворец. Что же касается предложения, то вам должно быть ясно, что мы не можем допустить никого пользоваться вашими преимуществами и разделять с нами все блага жизни, если он не будет разделять вместе с нами и наши труды, и опасности. Иначе говоря, придет время, когда вам или придется подписать наш уговор, как это сделали я и все наши товарищи и, как полагаю, сделаете и вы, или же... Но мы лучше не будем говорить об этом: вы и сами должны понять, что вас ожидает тогда!

— Все это теперь совершенно ясно для меня, — сказал я, — и я могу хоть сейчас сообщить вам мое решение!

— Бога ради, не спешите и не волнуйтесь: это вредно для пищеварения! Могу вас уверить, что Блэк не торопит вас, не требует от вас немедленного решения. Почему он это делает, я, правда, не могу понять. Во всяком случае, спешить

вам ни к чему! А теперь, не желаете ли прогуляться и ознакомиться поближе с этим местом? Солнце так и манит на улицу! Закуривайте сигару и пойдёмте!

Возможность осмотреть пристанище пиратов чрезвычайно радовала меня, и я охотно согласился на предложение доктора Осбарта, как звали доктора, сообщника капитана Блэка. Спустившись по тому же скату скалы, как вчера, мы вышли на берег озера. Команда капитана Блэка занималась разгрузкой того железного бронированного парохода, на котором прибыл сюда я. Когда мы проходили мимо, пираты провожали меня особенно дружелюбными взглядами. Пройдя по берегу залива, мы обогнули скалу и по пологому зеленому скату стали взбираться на вершину. Воздух был свежий и живительный, дышалось как-то особенно легко и свободно. Вид отсюда открывался великолепный. Я положительно забыл обо всем. Вдруг доктор коснулся моего плеча и указал в сторону первой пещеры, где я увидел пришвартованным к боковой скале знаменитое безмянное судно.

— Вот она, наша гордость, орудие нашей власти и могущества! — восторженно воскликнул он. — Разве оно не великолепно?! Не лучше всякого другого когда-либо существовавшего судна? Есть ли где-либо в мире другое, ему подобное? Без него мы были бы жалки и беспомощны, как дети, были бы жертвой пицеты, законов и обычаев, а с ним мы смело попираем их и гордо шлем вызов целому свету! Что же тут удивительного, что мы любим это судно, как дорогое, живое существо?

Он говорил с таким искренним увлечением,

не желаете ли
оближе с этим
иду! Закуриваю
пристанище
и я охотно
Осбарта, как
Блэка. Суда
ты, как вчера, из
капитана Блэка
железного брон
рибыл сюда я
проводили мене
глазами. Прош
скалу и по пом
ваться на верш
тельный, дыше
дно. Вид отсю
положительно
лся моего плеч
еры, где я ут
скало означает
орудие
кейно воспы
! Не лучше
овавшего суд
ему подоб
беспомощи, в
законов и об
их и гордо
удивительно
ого, жин
увлечен

так горячо, словно фанатик или влюбленный. И действительно, ничего более прекрасного как по красоте линий, так и по блеску драгоценного металла я никогда не видел. Даже на меня это судно производило чарующее впечатление.

— Оно построено из высшего качества фосфористой бронзы, — продолжал между тем доктор, — лучшего материала для постройки судна не существует и не может существовать. Но зато оно стоит миллионы, и только Блэк мог осуществить такой сказочный сон, как наше судно!

Я слушал, а между тем мой взор устремлялся на синеющий вдали Атлантический океан, и мысли мои уносились далеко-далеко, к Родрику и Марии, напоминая о том, как мало у меня надежды когда-либо снова увидеть их. А доктор все спускал глаз с золотого судна.

— Смотрите, — говорил он, — видите, мы нагружаем его углем, хотя оно может обходиться и без него, — оно отапливается газом. Капитан Блэк избрал своим убежищем Гренландию именно потому, что это единственная почти не населенная страна, где можно добывать уголь. Правда, несколько низшего качества, чем антрацит, который мы привыкли употреблять, тем не менее и он является весьма драгоценным, когда другого добыть нельзя. Мы нагружаем судно на всякий случай, если капитан вдруг решит выйти в море до окончания этой зимы. Это, конечно, будет главным образом зависеть от наших друзей в Европе: мы их понапугали, пусть же успокоятся немного!

— А кто у вас работает в коях? — спросил я.

— Наши гости, — усмехнулся доктор, — честные английские моряки, суда которых погубили

на полпути от места назначения. Мы предложили им на выбор — работать в рудниках или же жить свободно среди льдов и снегов!

— Но как они могут жить при таких условиях?

— Жить?! — усмехнулся доктор. — Да они мрут, как мухи!

— Да, я, как вижу, попался в шайку самых отвратительных мерзавцев и негодяев! — воскликнул я, возмущенный до глубины души.

— Почему не сказать «в содом настоящих дьяволов»? — спокойно, с прежней усмешкой заметил доктор. — Это было бы приличнее. Но вы все забываете, что сами явились сюда непростым, и теперь вам волей-неволей приходится оставаться с нами!

При этом он рассмеялся так цинично, что я не выдержал и с нескрываемым презрением отвернулся от него.

Осбарт как будто прочел мысль на моем лице, когда я, глядя на далекий океан, всей душой призывал свободу, зная, что только оттуда и могла она прийти ко мне. Он ласково взял меня под руку и сказал мягким, успокаивающим тоном:

— Не будем разбирать нравственность друг друга! Нам надо еще многое осмотреть, а вы, вероятно, скоро проголодаетесь, и нам надо будет вернуться домой! Я хочу показать вам теперь только одно место, наше кладбище!

Это не особенно улыбалось мне, тем не менее я последовал за ним к гою части скалистой гряда или бухты, на которую выходил скалистый двор. Это была сторона, противоположная той, куда выходили окна моей спальни. Мы подня-

лись сперва на самую вершину скалы, затем по
большим грубо высеченным в скале уступам
стали спускаться по лицевому скату. Достигнув
одного из ходов, мы вошли в него и очутились в
узком, темном проходе, освещенном судовыми
фонарями. Ход этот вел к одному из ледников,
обращенных лицом к морю.

Перед нами вставала громадная стена чисто-
го, светлого льда, замыкавшая небольшую полу-
железную пещеру, которой оканчивался ход и в
которой мы стояли. Взглянув на встававшую пе-
ред нами в полумраке ледяную стену, я невольно
вскрикнул от ужаса: во льду ее были вырублены
углубления, и все они были заняты трупами. Это
были большей частью матросы в том виде, в ка-
ком их застала смерть, лица их были обращены
к нам; некоторые сохраняли печать мирной кон-
чины и спокойствия смерти на лице, другие, на-
против, возбуждали ужас своими искаженными
лицами; у некоторых выкатились глаза, другие
оскалили зубы или простирали вперед сжатые ку-
лаки. Ничего более ужасного, более страшного
и потрясающего я не видел в своей жизни. Я бо-
ялся взглянуть на этих мертвецов, и вместе с тем
что-то тянуло, что-то заставляло меня смотреть на
них, точно какая-то магнетическая сила толкала
меня к этой страшной ледяной стене. И эти мерт-
вые лица, эти мертвые глаза, казалось, смотрели
на меня со зловещей усмешкой; мне начинало
казаться, что это уже не мертвецы, а живые лю-
ди, страшные привидения. Очнувшись наконец, я
заметил, что доктор Осбарт внимательно наблю-
дает за мной.

— Странное место, не правда ли? — сказал
он. — Осмотрите же его хорошенько: как знать,

может быть, когда-нибудь и вы будете здесь лежать!

— Боже упаси! — воскликнул я с ужасом.

— Почему же?! Я лично предпочел бы лежать во льду, чем быть зарытым в землю. И замечайте, этот лед не составляет части того ледника, что громоздится позадн: он отделен от главной массы стеной скал.

— Ужасное зрелище! — повторил я.

— Ужасное?! Нет, почему же?! Все это были наши друзья, наши товарищи! Я даже люблю видеть их; с ними как будто можно говорить, и, в сущности, как знать, быть может, они действительно слышат нас!

Эти слова доктора положительно поразили меня. Я с недоумением посмотрел на него и только собрался было задать ему один вопрос, как он вдруг пришел в возбужденное состояние, стал выкликать какие-то несвязные слова, плакать и хохотать, так что я начал опасаться за его рассудок.

— Да, они слышат нас! Слышат! Все! Все! Дик, негодяй ты этакый, ведь ты же слышишь меня?! Старый Джек, проснись! Проснись, говорю я тебе! Грим, ты убивал многих на своем веку! Ну-ка, шевелись! Есть работка! Есть работка! — в иступлении кричал доктор, и лицо его было бледно и искажено до неузнаваемости, а голос раздавался под сводами пещеры, повторяясь глухим эхом по нескольку раз.

Не сомневаясь более, что доктор Осбарт — помешанный, я, в неописуемом ужасе от этого нового открытия, потащил его за собой из пещеры на солнце и свежий воздух. Но, когда мы очутились на берегу озера, силы оставили меня, и я

готов был заплакать, как дитя, безотчетно, бес-
причинно: мои нервы были слишком возбужде-
ны, и теперь наступила реакция. Однако вскоре
свежий, живительный воздух успокоительно по-
действовал и на меня, и на доктора, который те-
перь совершенно пришел в себя, но оставался
рассеян и молчалив и расстался со мной у дверей
моей комнаты, не сказав мне ни слова, кроме ко-
роткого: «Прощайте, всего лучшего».

XVII

Страшные минуты

В продолжение нескольких последующих
дней я не видел ни доктора Осбарта, ни капи-
тана Блага. Они как будто забыли обо мне. Но
негр, по-прежнему прислуживавший мне, продол-
жал неустанно заботиться, чтобы я ни в чем не
вуждался. Книг у меня тоже было много; гулять
предоставлялось где угодно. Пользуясь этим, я по
целым часам бродил по скалам и по зеленым лу-
говинам, причем имел случай убедиться, что наш
оазис был окружен со всех сторон непрерывным
кольцом снеговых гор, за которыми тянулись бес-
конечные снежные равнины, так что бежать су-
хим путем было совершенно немыслимо. За это
время я раза два видел Четвероглазого и из него
сумел вырвать несколько слов относительно ин-
тересовавших меня вопросов. Так, я узнал, что
капитан поддерживает сношения с Европой по-
средством двух небольших шиповых пароходов,
которые выдает за китобоев, что один из них от-
правлен в Англию за сведениями, а другой нахо-

дятся в данный момент у америкапских берегов, где забирает припасы для пиратской колонии.

— Беда, как мы теперь нуждаемся в них, — добавил старик, — ведь здесь без съестных припасов прямо собачьей смертью умрешь! Ребята и то уже ропщут, говорят: «Чего он здесь сидит? Что он ждет, когда за нами припрут из Европы и всех нас перевернут?» Да и относительно вас тоже большая смута: ребята у нас непокорные, в каждом из них по бунту сидит, да еще по какому!

— Да, зпмовать здесь должно быть, скучновато! — заметил я.

— То-то оно и есть! Вы попали в самую точку, сэр! Делать здесь совсем нечего, и, будь я капитаном, я не стал бы сидеть здесь поджавши ноги, а вскочил бы да и убежал отсюда что есть мочи. Ведь там и теперь уже припасов не хватает, так что завтра мы высадим пятьдесят человек рабочих на берег!

— Каких рабочих? На какой берег?

— Да вот тех, что работают в копях. Мы их просто выгоним на свободу, но бедняги все перемрут от голода в этих снегах!

Я поспешил прервать под каким-то предлогом этот разговор, не будучи в силах совладать с охватившим меня волнением при мысли, что пятидесяти человекам возвращена будет свобода, что я могу рассчитывать на пятьдесят союзников. Что, если бы удалось их вооружить и захватить врагов врасплох? — мелькнула у меня мысль. Конечно, достать оружие и стать во главе этой обездоленной толпы было мое дело.

Это была безумная попытка, но утопающий хватается и за соломинку. Мы могли потребовать себе запасной маленький пароход, приказать спа-

родить его, и уйти на нем отсюда, истребив этих пегодяев.

Весь остаток дня я употребил на то, чтобы изучить берег и все строения в надежде отыскать склад оружия. Но — увы! — все склады и кладовые были снабжены тяжелыми, обитыми железом дверями да еще заперты железными болтами и тяжелыми замками. Остальные строения были жилыми помещениями. Большого сборного зала, где мы присутствовали на страшном поединке, я избегал, зная, что для меня это небезопасно и что дикая орда построена против меня. Усталый и обескураженный вернулся я в свою комнату. Рассудок шептал мне, что всего лучше отказаться от безумного замысла, на удачу которого при таких условиях нельзя было рассчитывать, так как в нашем распоряжении не было ни одного револьвера или ружья. Вдруг мне вспомнилось, что я видел в кабинете капитана Блэка, в углу, козлы с десятком винчестеров. Если бы мне удалось завладеть ими да прихватить хоть несколько револьверов! Эта мысль преследовала меня весь день. Под вечер же, когда я уже совершенно истомился и сел за вечерний чай, присевший мне, по обыкновению, старым пегром, я спросил его, не знает ли он чего-нибудь о том, что должно произойти сегодня вечером. На это черный слуга ответил, широко осклабив большие белые зубы:

— О господин, сегодня много будет крови; большая будет для них потеха!

— Что, они перережут или перебьют всех этих несчастных?

— Зачем, господин? Нет, их не будут резать. Но крови прольется много в отчаянной борьбе. Вот уже и началось! — добавил он.

Действительно, внизу прогремел первый ружейный выстрел. Негр вышел из комнаты, а я подошел к своему окну и стал смотреть вниз. Возмутительное зрелище представилось моим глазам: двадцать работавших в рудниках черных углекопов высадились на берег, другая шлюпка подвозила с безымянного судна еще партию, тоже человек двадцать. Но целая толпа пиратов, окружив несчастных, стала гнать их по направлению снежных холмов, где тех ожидала страшная смерть. В открытое окно моей комнаты доносились их крики и проклятия; я видел, как на них беспощадно сыпались удары и как побоище превратилось в настоящую битву. Пираты действовали рукоятками своих пистолетов, а бедняги углекопы отбивались пустыми руками и один за другим падали на землю. Исход такого побоища и нетрудно было предвидеть: безоружные и следовательно малочисленные рудокопы отступали шаг за шагом в глубь беспредельной снежной равнины. Но теперь уже рассвирепевшие пираты стали стрелять по несчастным. Труп за трупом катился со скалистого берега вниз к воде. Уцелевшие же углекопы, охваченные паническим ужасом, бежали без оглядки вверх по ледяному скату снеговых холмов на верную гибель и смерть.

Когда все стихло, я закрыл свое окно и упал в кресло, не зная, что мне теперь делать. Все это время ни доктор, ни капитан Блэк не показывались на берегу озера или залива. В скалистом дворце тоже ничего не шлохнулось, так что я начал думать, что хозяин дома, вероятно, отсутствует. Когда стемнело, я вышел в коридор и увидел, что дверь его комнаты открыта настежь

и в комнате совершенно темно. Но я боялся ре-
шиться на попытку завладеть оружием, прежде
чем успею убедиться, что все кругом спят. Я бо-
ялся только одного: что капитан, ложась спать,
запирает дверь своей комнаты. Тогда, конечно,
всякая надежда овладеть его коллекцией ру-
жей и переправить их через залив несчастным
была бы безвозвратно потеряна!

В семь часов вечера я пообедал, как всегда, а
в восемь старый пегр собрал со стола и пожелал
мне спокойной ночи. Часа три я ходил взад-впе-
ред по комнате, создавая в голове сотни планов
атаки и выжидая удобного момента. Наконец ча-
сов около одиннадцати я осторожно открыл дверь
своей комнаты и прислушался. В коридоре было
тихо. Большинство дверей было закрыто, но дверь
комнаты доктора была отперта, и в комнате было
темно. У меня возникло опасение, что он сидит
у Блэка и они вместе совещаются о чем-нибудь.
Оставив сапоги в своей комнате, я осторожно
прокрался к дверям кабинета Блэка, но и там
тоже царил темнота. Было ясно, что оба, и док-
тор, и капитан, ушли куда-то и их не было дома.
Я был вне себя от радости; недолго думая, во-
шел в кабинет и стал ощупью пробираться к
тому месту, где заметил коллекцию ружей.

Сначала я поткнулся на какой-то столик или
атажерку с мелкими вещичками и впотьмах опро-
кинул его; безделушки с шумом попадали на пол.
Я остановился как вкопанный, ожидая, что бу-
дет. Но ничто не шелохнулось. Тогда, выждав не-
которое время, я продолжал пробираться ощупью
дальше. Дважды я обошел всю комнату, не най-
дя того, что мне надо было, но на третий раз со-
вершенно неожиданно для себя набрел прямо

па ружья и вздохнул с облегчением. «Наконец-то!» — подумал я. Вдруг тихий, сдержанный смех, раздавшийся у окна, ошеломил меня. Кто мог быть со мной в этой комнате? Кто следил за мной?

Загадка скоро разрешилась. В следующий момент электрический свет залил всю комнату, и я увидел капитана Блэка, спокойно сидевшего в кресле у своего письменного стола и смотревшего на меня с высокомерной усмешкой. Его сме-
лый, пронизательный взгляд покоился на мне и, казалось, проникал прямо в самую душу. Я хотел что-то сказать, но слова застревали у меня в горле. Сотни самых разнообразных мыслей рождались и замирали в моем мозгу; в висках стучало как молотом, и я стоял неподвижно под магнетическим взглядом капитана, как беззащитная жертва в когтях коршуна.

Так мы стояли и смотрели друг на друга в продолжение нескольких минут. Тут я заметил, что у Блэка лежит под рукой револьвер, а в правой руке он держит перо; перед ним лежали какие-то бумаги. Вероятно, он занимался в то время, когда я вышел из своей комнаты; он услышал это и погасил свет. Он как будто читал мои мысли. Наконец, сжавшись надо мной, начальник пиратов перегнулся через стол и придвинул ко мне табурет, накрытый серебристой шкурой полярного медведя.

— Сядьте! — коротко проговорил он.

Я сел, глядя ему в лицо уже почти без страха, хотя мне было чрезвычайно унижительно, что он обращается со мной, как с школьником, пойманым на месте преступления в тот момент, когда тот собирался сделать скверную шалость.

— Вы слышали Блэка, — слышалые мысли, недостаток, то лучше, то годы я мне щепотки бы не сер. Во всяком случае в свою Все это оплошно, но словом трудом мог же. Прат, усмешкой продолжал — Глупый мальчишество в ка... апутавшийся. Не так ли? Да я, собравшись — Я пришел прекратить пятидесяти этих слова бешенство; г... ного или ка... бычу. Кто поставил — заре... за мной из... того, кто вас...

— Вы славный, лихой парень, мой милый, — начал Блэк, — и у вас являются иногда блистательные мысли, по, как у всех молодых мальчиков, недостаточно созревшие. Когда вы станете постарше, то научитесь быть осмотрительнее. В ваши годы я сам был таким же; вы запомните мне щепочка, лающего на быка. Счастье ваше, что бык не сердится на вас, быть может выжидал. Во всяком случае, примите его совет и идите пока в свою будку!

Все это он проговорил шутливо, отнюдь не гневно, по слова его взбесили меня до того, что я с трудом мог удержаться, чтобы не ударить его тут же. Пират, заметив мое душевное состояние, с усмешкой продолжал:

— Глухой мальчик! Да, глупый, так как сузил голову в капкан, приготовленный не для него, и впутавшийся в дело, вовсе его не касающееся. Не так ли?

Но я, собравшись с духом, отвечал:

— Я пришел сюда, в эту комнату, для того, чтобы прекратить ваше дьявольское дело — это убийство пятидесяти ни в чем не повинных людей!

При этих словах пират вдруг пришел в неистовое бешенство; глаза его засверкали, как у помешанного или как у дикого хищника, почуявшего добычу.

— Кто поставил вас здесь судьей, глупый мальчишка? — зарелел он. — Кто разрешил вам следить за мной или высказывать ваше мнение относительно того, что я должен или не должен делать? Кто вас спрашивал, правится ли вам или не правится, дерзкий маленький змеешник? Правильно, я удивляюсь, что не задушил вас еще на ме-

сте и позволил кипуть себе в лицо такие слова! Гнев пирата был поистине страшен: он весь дрожал и извивался в своем кресле, как раненый, но не обессиленный лев, могучий и грозный; со лба его струились крупные капли пота. Но прошла минута тяжелого молчания, и Блэк заговорил мягким, ласковым голосом:

— Не вынуждайте меня, милый мальчик, сделать то, чего я хотел не делать. Вы здесь, и изменить этого пельзя, и если вы хотите остаться живы, то держите язык за зубами! Вам нет никакого дела до этих людей: это — ватага лентяев, от которых свет будет рад избавиться. Вы же молчите и спасайте свою собственную шкуру. Вы уже живете здесь несколько дней. Это первый случай, чтобы человек, не принявший наших предложений, оставался среди нас столько времени. Далее так продолжаться не может! Вы, конечно, понимаете, что кто со мной ппрует, тот со мной и на виселице болгаться будет, и если я буду гореть в аду, то будут гореть и они вместе со мной. Вы пришли к нам, незванный и непрощенный, сами взяли за дело этой собаки Холля, который вбил первый гвоздь в свой гроб в ту ночь, когда прокрался ко мне в комнату в Специи. Я все видел, хотя он и думал, что усыпил меня. В ту ночь я обрек его на смерть и вас также, в тот вечер, когда вы явились ко мне в Париже. Но теперь у меня есть основания, по которым я хочу, готов изменить это намерение по отношению к вам. Но причина этих вы никогда не узнаете. У вас же нет никаких причин отказываться от клятвы разделить со мной и мое имущество, и мою власть и иметь со мной одну чашу до конца, будь то виселица или пуля. Теперь я спрашиваю вас,

... в лицо так же
... страшен, как
... кресле, как
... лев, могучий в
... каили пот
... молчания, и Блэк
... голосом:
... милый мальчик,
... сделать. Вы здесь, а
... вы хотите остано
... зубами! Вам нет ед
... это — ватага лесто
... избавиться. Вы а
... ственную шкуру. Б
... дней. Это пере
... принявший важ
... нас столько врем
... может! Вы, ко
... ной пирует, то
... будет, и если
... оеть и они вместе
... занный и непрот
... собак Холля, б
... гроб в ту ночь
... ату в Специи. Б
... усыпал меня. Б
... ас также, в па
... Париже. Но те
... торым я хот
... отношению
... не узнаете. У
... ться от клат
... сство, и мо
... конца, буд
... шиваю вас.

согласны вы на это? Вы должны мне отвечать
теперь же: «да» или «нет», без оговорок и колеба-
ний. Решайте, хотите ли вы утопать в роскоши и
богатстве, как все мои сообщники, или лежать
там, во льду, как те, другие. Вот ваши бумаги!
Или вы подпишете их и станете одним из нас,
или не пройдет часа, как ваш труп будет лежать
там, где так много трупов!

С этими словами Блэк, перегнувшись через
стол, передал мне бумаги с очевидным намерени-
ем, чтобы я прочел их. Но в глазах у меня ряби-
ло, я не видел ничего перед собой; в моей голо-
ве с быстротой вихря проносились обрывки мыс-
лей и воспоминаний, как у человека, приговорен-
ного к смерти. Страх смерти спирал мне дыхание
в груди; в моей памяти вставали родные, друзья,
Родрик, Мэри и Мартин Холль, тень которого
теперь неотступно стояла передо мной и, каза-
лось, заклипала меня не поддаваться увещава-
ниям Блэка; рука его, казалось, отнимала перо
у меня из рук. Между тем Блэк, наклонившись
вперед, следил за мной с напряженным внимани-
ем и чем-то угрожающим в самой его позе, но не
проронил ни слова.

Наконец я, подняв голову от документов,
взглянул ему прямо в лицо тем же упорным, ис-
пытующим взглядом, каким он смотрел на меня.
С его лица мой взгляд скользнул к его правой
руке, державшей револьвер, и вдруг у меня
мелькнула мысль, последняя отчаянная мысль
человека, прижатого к стене и схваченного за
горло.

— Дайте мне перо! — вдруг сказал я твердо
и решительно, встав со своего места и накло-
нясь над столом.

Капитан подал мне перо и откинулся на спинку своего кресла с выражением полного удовольствия на лице. Но в этот момент я схватил револьвер со стола и навел дуло прямо на него:

— Если вы только шевельнете пальцем, я убью вас, как собаку! — воскликнул я.

Пират был не трус; он продолжал сидеть неподвижно все в той же позе, и, хотя я видел, что выражение ужаса мелькнуло на его лице, он одним движением не выдал себя; лицо его казалось высеченным из мрамора. Я держал пистолет, направленный на него, и потому продолжал уже с большей уверенностью:

— Если только вы возвысите голос, чтобы позвать кого-нибудь, или кто-либо явится сюда, вы умрете тут же, на месте!

Он выслушал меня, по-видимому, совершенно спокойно и затем сказал самым невозмутимым, самым обычным тоном:

— Вы, милый мой мальчик, первый человек, укротивший Блэка!

— Я готов вам поверить, но берегитесь, вы сейчас шевельнули рукой! — продолжал я.

Он снова остался неподвижен и продолжал:

— Я попался, как крыса в ловушку! Что вы хотите от меня, говорите! Я хочу знать, кто мы друг другу!

— Прежде всего я требую себе жизни, не смотря на то, что отказываюсь подписать ваши бумаги. Слышите?

— Да, вы вправе этого требовать теперь, но я-то не знаю, в моей ли власти обещать вам это!

— Вполне уверен, что в вашей власти! Вы можете приказать и потребовать, чтобы ни один

человек не посмел дотронуться до меня пальцем, а вы это сделаете!

Он с минуту подумал, глядя прямо в дуло пистолета, затем сказал:

— Избежать этого обещаия я не могу и потому обещаю это!

— Кроме того, вы должны обещать мне свободу при первом представившемся случае!

— Нет, этого-то я уж обещать не могу! — проговорил Блэк медленно и угрюмо. — Этого вам не мог бы обещать даже сам дьявол: ведь они разорвут меня на части, поймите!

Не подлежало сомнению, что он действительно говорил правду, и я сообразил, что все равно ничего бы не выиграл, если бы стал настаивать на этом пункте. Он мог только умереть, по спассти меня при таких условиях, то есть возвратить мне свободу, было не в его власти. Поняв это, я положил револьвер обратно на стол и протянул ему руку. Пират ухватился за нее и сжал ее с такой силой, с таким жаром, что мне даже стало больно. Между тем он, притянув меня ближе к свету, стал всматриваться в мое лицо с тем самым странным выражением, которое я заметил у него в тот раз, когда впервые вошел в эту самую комнату.

— Вы чудный, славный мальчик! — проговорил он. — Жмите мою руку, жмите ее от души, крепче, не бойтесь, мне не больно, прелесть вы моя!

Не знаю, что еще сказал бы мне в этом порыве нежности и восхищения этот странный человек, если бы внимание нас обоих не было привлечено звуками быстро следовавших один за другим выстрелов, доносившихся снизу, с берега.

При первом выстреле пират выпустил мою руку и подошел к окну. Отсюда нам был виден весь залив, освещенный серебристым светом полного месяца. Там, на снегу, виднелась голодная толпа доведенных до отчаяния людей, кричавших и требовавших хлеба за свой дневной труд. Но на их просьбы отвечали выстрелами, и яркие пятна крови окрасили девственную белизну снега. Многие из этих несчастных падали мертвыми на снег, а из-за холмов доносились душераздирающие крики голодных, моливших о пощаде, крики слабых и беспомощных, унижаемых погами сильных, не знавших ни Бога, ни совести. Это был последний крик погибающих людей, рыдающий вопль сильных мужчин в момент страшной агонии.

Я напрасно затыкал уши, закрывал глаза: страшная картина бесчеловечных убийств и душераздирающая мольба о пощаде стояли у меня перед глазами. Я не мог даже выдержать и воскликнул:

— Бога ради! Помогите этим людям, спасите их, если в вас есть хоть искра человеческого чувства, хоть что-нибудь, кроме кровожадных инстинктов дикого зверя!

Пират только пожал плечами.

— Что могу я сделать тут?

— Остановить это дьявольское дело, это избиение беззащитных, безоружных людей и дать им хлеба, как я сейчас подарил вам жизнь!

С минуту он молчал, и я видел, что в нем происходила борьба прежних инстинктов и каких-то порывов и стремлений. Но он не дал мне ответа, а только взял из ящика нарезной пистолет и сказал:

— Возьмите этот пистолет и пойдете. Не думайте, однако, что сделать это так же просто, как выпить стакан воды. Это будет стоить крови!

Я последовал за ним вниз, на берег, где он издал громкий, пронзительный свист своим судовым свистком.

— Это разбудит тех, что там, на судне, — по-яснил он. — Этих же я не боюсь. Но, во всяком случае, дело не обойдется без боя. А вы держитесь позади меня и не подавайте признаков жизни, пока в вас не представится надобности! — быстро проговорил он и, выступив вперед, командовал:

— Эй, ребята, Джон, Дик и остальные, расходиться по казармам! Слышите? Живей, не то я сумею вас заставить псоврачиваться!

Пираты в недоумении один за другим опустили оружие, не веря своим ушам. Между тем капитан Блэк продолжал:

— На сегодня довольно! Я не хочу, чтобы мне мешали спать всю ночь этой проклятой пальбой. Дело не уйдет, можно добить остальных и завтра! Что, сна у вас, что ли, нет, почные крысы вы такие?! Расходитесь по казармам!

И все разбойники стали медленно сходиться к нему с видом провинившихся школьников, а он загонял их в общую казарму шутливой руганью и ловкими, меткими поговорками. Я незаметно подобрался к нему. Но тут один рослый американец, заметив меня, закричал:

— Что же ты, капитан, нянчишься с этим парнем? Уж, видно, больно он полюбился тебе!

— Закрой свою пасть, не то я сам тебе закрою! — закричал на него Блэк. — Какое тебе дело до него?

— Всем нам дело, полагаю, и мы желаем
знать, подписал он наши условия или нет?
Блэк вскочил было гневом, но сдержал себя, и
только грозный, рычащий голос выдавал его бе-
шенство, когда он ответил со странным, зловещим
спокойствием.

— А-а, вы хотите знать, в самом деле? Кто
же из вас? Кто смеет так интересоваться моими
личными делами?

Пиратов стояла кучка человек тридцать или
сорок. При последних словах капитана они сплю-
тились теснее. Капитан продолжал:

— Пусть те, что недовольны, выступят впе-
ред! — Повелительно и строго прозвучал его го-
лос, и глаза его смело взглянули на тесную груп-
пу недовольных.

Из толпы выступили только четверо, став под-
ле зачинщика-американца. Тогда в одно мгнове-
ние, прежде чем я успел понять, что случилось,
Блэк вырвал у меня револьвер из рук и выпустил
четыре заряда один за другим, не останавлива-
ясь, — и четыре человека, как громом поражен-
ные, упали замертво, но американец остался не-
вредим.

Этот поступок, по-видимому, нагнал ужас на
остальных пиратов. Они стояли неподвижно, точ-
но окаменев. Но прошла минута, и вся толпа с
бешеным устремилась на нас. Янки выстрелил
в Блэка почти в упор. Я думал, что все уже кон-
чено, как вдруг со стороны озера раздался гром-
кий окрик. Обернувшись назад, я увидел докто-
ра Осбарта в шлюпку, на носу которой находи-
лось небольшое скорострельное орудие.

— Очистить берег! — я бешено прогремел
Блэка и кинулся плашмя на землю; я последовал

меру. В тот же
и большинство
Целые ручьи
и сбегать с кам-
и была ужас
евшие пираты
Блэк окли-
Назад, подлые
и смерти! Эй
пусть сейчас
и стальные разбо-
стали медлен-
и их товари-
равенными на
и из тех, что
изданы.
— Где ваш зачи-
иной.
американец лож-
ищей части бе-
— Это он, не т
ию последней
ишуло! Хорошо
и, ребята, ф
ишу! Он дрожал
и, принимая это
иобразить, что
ишал его.
— Что вы на-
и? Что я нам
и не сознава-
и зарыты

его примеру. В тот же момент раздался выстрел
заречью, и большинство пиратов с криком упали
на землю. Целые ручьи крови тонкими струйка-
ми стали сбегать с каменного берега в воду.

Победа была ужасна и моментальна. Когда
же уцелевшие пираты бросились бежать к слеж-
ным холмам, Блэк окликнул их:

— Назад, подлые трусы! Не то всех вас за-
ворю до смерти! Эй вы, кто хочет спасти свою
шку, пусть сейчас же вернется сюда!

Послушные разбойники, точно укрощенные
тигры, стали медленно возвращаться. До тридца-
ти человек их товарищей лежало теперь мертвы-
ми и ранеными на холодных камнях берега, да
многие и из тех, что остались в живых, тоже
были задеты.

— Где ваш зачинщик? — спросил Блэк строго
и спокойно.

Американец лежал, истекая кровью из раны
верхней части бедра, и не мог шевельнуться.

— Это он, не так ли? — продолжал взбоше-
нный до последней степени капитан. — Негодяя
зарапцуло! Хорошо, я разом вылечу его! При-
несите, ребята, факелы, пусть его поостынет
на льду!

Весь он дрожал от бешенства и гнева. Но да-
же принимая это во внимание, я положительно не
мог сообразить, что означало его распоряжение, и
спросил его.

— Что вы намерены сделать с этим чело-
веком?

— Что я намерен сделать с ним? — вскричал
Блэк, не сознавая даже, кто его спрашивает. — Я
хочу зарыть, похоронить его! Вот что я сделаю
с ним!

Страшно было видеть, как люди, только что восставшие против него, теперь вдруг превратились в жалких, послушных рабов. Все они присмирели; кругом царило полнейшее, мертвое безмолвие; даже стоявшие в этой схватке за капитана со страхом следили за грозным проявлением гнева своего могучего властелина. Между тем на спешную поляну принесли заступы и лопаты и у подножия первых холмов принялись рыть яму. Что же касается американца, то он сидел на холодном камне берега и стонал от боли, причиняемой ему раной, но не просил пощады, хотя отлично знал, что его ожидает. Напротив, охваченный бешеным гневом, он стал, потрясая кулаком, грозить всем окружающим и Блэку, который молча слушал его, довольный тем, что вызвал в нем этот бессильный гнев. И чем громче и сильнее раздавались проклятия несчастного, тем самодовольнее улыбался капитан.

— Обоим нам придется умирать! — проговорил наконец американец, как будто успокоившись после бесчисленных диких проклятий. — И тебе, и мне, Блэк, обоим нам не на что надеяться. Но если существует правосудный Бог, то я знаю, что этот год он скостит с моего счета и приложит к твоему, или же нет вовсе ни суда, ни вечного правосудия, и все, во что верят моряки, как одна ложь, ложь, как и каждое твоё слово. Делай свое дьявольское дело, варыдай меня, — я теперь не могу противиться, но знай, что я посетую против тебя и что придет день и час, когда ты будешь рад отдать свой последний грош, чтобы вырыть меня из могилы и вернуть снова к жизни!

... эта почти к
... Бэка, как и
... несчастного.
... его приговоре
... дотронут
... просить его о
... Блэк замахнулс
... заметив по
... полной
... с девою у рт
... сжима
... на землю, с
... загорелом лб
... слишком
... покладая ру
... лихорадочной
... и чем да
... была потряса
... тихую ночь, с
... люди, подо
... в земле, роя
... полный м
... это страшно
... никто не пр
... звука не доно
... молча смот
... влекла
... чудовищно
... жертву
... видел
... снегом. Са
... как б
... одна голова
... пирата
... крик

как люди, теперь вдруг превратились в рабов. Все охватило мертвеннейшее, мертвое, грозным проявлением. Между тем наступил и лопаты принялись рыть, а то он сидел в от боли, притягивая пощады, хотя и Напротив, охватывая кулаком, грубую, который вызвал в нем и сильнее разглагольствовал самодовольно ирать! — проговорил, будто успокоился проклятий. — И на что падать? Благословенный Бог, того счета и приговора все ни ада, и верят моряки, какое слово, как того судна! Да и меня, — я не знаю, что я посетил час, когда ты гроши, чтобы ты снова...

Но и эта почти кроткая речь так же мало тронула Блэка, как и безумные, страшные проклятия несчастного. Мне стало вдруг ужасно жалко этого приговоренного к смерти человека, и я осмелился дотронуться до руки Блэка и готов был уже просить его о помиловании. Но при виде меня Блэк замахнулся кулаком, и я отошел в сторону, заметив по глазам, что он находится в состоянии полной невменяемости или безумия. Он стоял с леною у рта, бормоча какие-то несвязные слова, сжимая до боли свои руки, сбросив шапку на землю, с крупными каплями пота на высоком загорелом лбу. Ему казалось, что дело двигалось слишком медленно, хотя люди работали не покладая рук, не разгибая спины, работали с лихорадочной поспешностью. Но он все торопил их, и чем дальше, тем больше.

Это была потрясающе дикая, страшная картина. В тихую ночь, среди беспредельной снеговой равнины люди, подобно черным муравьям, копошились в земле, роя могилу для живого человека; ясный, полный месяц смотрел с безоблачных небес на это страшное дело. Кругом все точно вымерло; никто не проронил ни слова; ни малейшего звука не доносилось ниоткуда. Стоя вдали, я также молча смотрел, точно какая-то дьявольская сила влекла меня смотреть, как совершалось это чудовищное преступление. Я видел, как несчастную жертву докатили до ямы и столкнули в могилу, видел, как стали проворно заваливать яму снегом. Сама жертва безмолвно следила за их работой, как бы окаменев от ужаса, но, когда осталась одна голова еще незакрытой, из груди пирата вырвался страшный предсмертный крик, крик мучительной агонии, последний вопль

человека, расстающегося с жизнью. Крик этот разбудил дальнейшее эхо, и долго-долго звучало оно в тихом морозном воздухе.

Когда страшная работа была окончена, люди медленно побрели к берегу, не поднимая головы и волоча поги, точно налитые свинцом. Только капитан Блэк не мог расстаться с этим жутким местом. С обнаженной головой он стоял один над снежной могилой и смотрел на этот свежий холм, уже засверкавший ледяными кристалликами мороза. Вдруг из-за дальних холмов раздался громкий, страшный, душераздирающий вопль другого человека, расстающегося с жизнью, — и этот вопль также был подхвачен эхом и повторен им по всем ущельям. Это был крик одного из несчастных углекопов, оплакивавшего своего друга или брата. Он как будто пробудил Блэка: тот вздрогнул, зубы у него стучали, и, весь дрожа, как в лихорадке, начальник крупными шагами направился от могилы к берегу, не глядя по сторонам, не проронив ни слова.

XVIII

Я покидаю царство льдов

На следующий день перед закатом солнца ко мне пришел доктор Осбарт с важной новостью:

— Все эти волнения умов и тревожное настроение людей совершенно изменили наши первоначальные планы! — провозгласил он. — Блэк рассчитывал пробыть здесь всю зиму, чтобы дать окончательно успокоиться всем неблагоприятным для нас толкам, возникшим в Европе и Америке. Но теперь это становится невозможным, так как

до тех пор, пока экипаж будет праздно сидеть в этой глуши, мы не будем иметь ни минуты покоя. Единственное средство заставить их перестать бунтовать — это дать им дело и надежду на наживу. Как только мы выйдем в море, вы увидите, что ни о каких смутах и беспорядках и помину не будет; здесь же эти люди скучают от бездействия, и Блэк, отлично понимая это, решил спастись с якоря сегодня ночью. Он намерен взять с собой тех углекопов, что были выгнаны вчера из боек и остались еще в живых, чтобы заменить ими людей команды, убитых во время усмирения бунта. Со своей стороны я чрезвычайно рад этому отъезду, так как, наверное, повесился бы с тоски, если бы мне пришлось зимовать здесь до весны. Полагаю, что и вы будете не прочь переменить место, но, конечно, это возможно только на известных условиях!

— Я не согласен подписывать ваших бумаг, — горячо воскликнул я, — и уже заявил об этом Блэку, а потому нет никакой надобности снова приставать ко мне с этим вопросом!

— Вы, по обыкновению, слишком спешите, мистер Стронг, — заметил с улыбкой доктор, — о бумагах мы успеем поговорить с вами, когда я принесу их вам, а не теперь...

— В таком случае чего же вы от меня требуете? — спросил я, ожидая, что мне будет предъявлено такое требование, от которого я должен буду отказаться.

— Только следующего, — продолжал спокойно доктор, — капитан Блэк желает, чтобы вы дали ему свое честное слово, как порядочный человек, что если он возьмет вас с собой на судно, без чего вы через двое суток умрете здесь с голода, то

вы не сделаете ни малейшей попытки покинуть судно без его разрешения и ни под каким видом или предлогом не будете стараться сбежать; затем, что бы вы ни видели здесь, вы не будете выражать ни вашего недовольства, ни вашего неодобрения до тех пор, пока будете находиться с нами на судне. Кроме того, вы должны обещать, что не будете вступать в разговоры с людьми экипажа и не будете вмешиваться в их дела, что бы это ни было. Эти условия вы обязуетесь исполнять не только по букве договора, но и по духу. Если вы дадите мне теперь же ваше честное слово в том, что будете исполнять все, что от вас требует Блэк, то можете теперь же пачать укладывать свой чемодан и без дальнейших хлопот отправляться на судно. Но при этом не хочу от вас скрывать, что если вы намерены обмануть нас, то лучше оставайтесь здесь, так как малейший обман может вам стоить жизни, и при ужасных условиях!

В одну секунду я обдумал и предложение доктора, и свое положение в случае отказа с моей стороны. У меня явился только вопрос, не будет ли мое присутствие на судне Блэка являться как бы безмолвным одобрением его образа действий, но я ответил на него отрицательно. В то же время я сознавал, что если мы попадем в европейские или американские воды, то у меня во всяком случае будет шанс попасть в руки тех людей, которые теперь ищут меня, или же в руки каких-нибудь врагов Блэка, которые, конечно, возвратят мне свободу.

— Так вы согласны дать эти обещания Блэку? — спросил меня доктор, все время внимательно следивший за мной.

— Да, согласен!
— Значит, я могу
сказать вам, что он
как на слово вер-
ен?
— Да, конечно!

— Ну, в таком случае.
Впрочем, я
Ну, да я одолею
что пока у вас
то не беда: как
защитан обо всем
теперь еще не
защитные сады?

— Во всяком случае
на ответ на его
тем, что вырвусь
из ледяного а-
на денег, ни белья

— О, все это до по-
судном! А тогда
те свою долю.
этого тшца, подо-
да, это волнение
да, сильного с-
тельств Европы
торжества и
вам гибелью,
не можете по-
не стал ему воз-
адти против та-
говорил о
находясь

— Да, согласен!

— Значит, я могу передать капитану, что вы дадите ему ваше честное слово исполнять все его требования и что он может положиться на ваше слово, как на слово вночное порядочного и честного человека?

— Да, конечно!

— Ну, в таком случае начинайте укладывать свои вещи. Впрочем, я забыл, что у вас нет чемодана. Ну, да я одолжу вам один из своих! Я знаю, что пока у вас не особенно много вещей. Но это не беда: как только мы прибудем в Париж, капитан обо всем позаботится. Ведь вы, надеюсь, теперь еще не намерены посещать увеселительные сады?

— Во всяком случае, не так скоро! — рассмеялся я в ответ на его шутку, не менее его довольный тем, что вырвусь наконец из этой каменной тюрьмы и ледяного ада. — У меня действительно нет ни денег, ни белья, ни платья!

— О, все это до первой встречи с каким-нибудь судном! А тогда вы паравне с остальными получите свою долю. Да не делайте же такого страшного лица, подождите, пока сами испытаете раз это волнение, эту неравную борьбу однополого судна, сильного своей отвагой, против всех гравитальств Европы и Америки, пока испытаете радость торжества и победы над врагом, который грозил вам гибелью, это сознание своей силы, своей непобедимости. Вы всего этого не знаете и потому не можете понять меня!

Я не стал ему возражать; мне казалось грешным идти против такого слепого энтузиазма, с которым говорил о своем страшном деле этот человек, находивший себе как бы оправдание в этом

горделивом увлечении своим судном. Мы прошли в его кампату, и здесь доктор старался оделить меня всем с невероятной щедростью. В результате мой чемодан оказался так же полон, как его собственный, после чего мы оба спустились вниз, где у пристани нас ожидала шлюпка. Здесь мы застали Блэка, наблюдавшего за погрузкой тяжелых и больших тюков товаров на винтовой пароход, также готовившийся к отплытию. Капитан только молча кивнул мне, когда я поздоровался с ним и сказал ему пару слов. Мне показалось, что он очень расстроен и едва находит в себе силы быть резким и раздражительным, как им всегда старался казаться в присутствии своей команды. По-видимому, он сильно сомневался в благоразумии принятого им решения покинуть это ледяное убежище.

Когда старый негр спустился с последним багажом, Блэк сам запер на замок тяжелую железную дверь и, стоя на верхней площадке чугунной лестницы, окинул долгим взглядом окружающую снежную пустыню и холмы. Казалось, они были ему особенно дороги и милы, и, когда наконец он присоединился к нам и, сев в шлюпку,скомандовал «отчаливай», лицо его было не столько мрачно, сколько печально и озабоченно.

Гребцы дружно налегли на весла, и минуту спустя наша шлюпка, пройдя сквозь узкую щель между скалами, вышла в передний бассейн. Солнце садилось; вся поверхность залива была залита ярким светом заката. Блэк по спускал глаз с освещенного солнцем судна, стоявшего теперь на якоре в самой середине залива. За это время в парусном виде безмятного судна произошли большие перемены: теперь это было со-

вершено белое судно; его верхняя рубка и башня — все было скрыто под белыми чехлами. Словом, повстречай я теперь это судно в открытом море, я бы не узнал его. Но всему было видно, что оно готово сняться с якоря; из трубы поднималась тонкая струйка дыма, свидетельствуя о том, что на этот раз пользуются углем вместо газа.

Мы взойшли на палубу по трапу, и я увидел, что большинство жилых помещений находилось в верхней рубке или крытой палубе, вокруг главной дымовой трубы; кроме того, на корме были еще помещения и каюты, в одной из которых помещался я, когда был на пути сюда, в таинственный каменный замок Блэка. На баке помещались исключительно только негры, так как белые пираты отказывались жить вместе с ними. Для этих привилегированных людей экипажа имелось прекрасное казарменное помещение в носовой части судна. Все это я, конечно, узнал впоследствии. Меня оставили совершенно одного на верхней галерее судна, откуда я мог свободно наблюдать за всем, что происходило внизу. Сами же пираты до того были заняты приготовлениями к отплытию, что никто не вспомнил обо мне. Люди работали с удивительным усердием и большой охотой. Блэк, стоя на мостике в щегольском капитанском форменном платье с золотыми пуговицами и галупами, смотрелся теперь особенно молодцевато. Его удивительное самообладание, его знание всего, касающегося морского дела, и та любовь, с какой он относился к этому делу и к своему судну, невольно внушали к нему некоторое уважение, освещая его с выгодной стороны. И многое в нем стало теперь мне понятно.

К немалому моему удивлению оказалось, что доктор Осбарт был не только главным врачом судна, но исполнял еще и обязанности младшего офицера, тогда как Четвероглазый был старшим офицером. Шотландец же Дик, присвоивший себе титул духовника, был не только превосходнейшим моряком, но и выдающимся артиллеристом, на попечении которого лежала вся артиллерийская часть. Что же касается инженеров и механиков, то я первое время не видал никого из них, по затем из машины вышел паверх маленький человечек, худой и тощий, грязно одетый, в очках, с бледным, нервным, но чрезвычайно умным лицом, лицом великого ученого; я с первого же взгляда принял его за пемца и, как оказалось, не ошибся.

— Видите вы этого маленького человечка? — спросил меня Осбарт, подходя ко мне. — Это — гений нашего удивительного судна. Он — глухонемой, и никогда ни одного слова никто не слышал от него, но это гениальнейший изобретатель; он создал проект нашей машины, а Блэк дал ему возможность осуществить его мысль. Он со своими тремя сыновьями управляет машиной, зато ко всему остальному, кроме своей машины, относится с полным презрением и безучастием. Когда мы зарабатываем деньги, он отказывается от них; когда мы стоим в порту и съезжаем на берег, он неизменно остается в своей машине. Он первый додумался до применения газа в качестве топлива для паровых судов — в наших сигаровидных резервуарах заключается не что иное, как газ, три миллиона кубических футов газа под давлением в две или три атмосферы. Ведь это замечательное изобретение! Если бы не это гениальное изобретение

Ура! Ремея, на
было бы
идти со с
не страши
одно линейное
с нами!
Я молча слу
завтра пришла
судно пр
вместе с
идей.

— Завтра мы
с нашими
завидем!

— То есть со
Видите, я
ищий!

— Не тужите,
или кофтен
творать первое
созвался доктор

— Снимайся с
я его громово
кодал звонок в
стала, сначала

на наше судно
улся и долго
на Впереди че

Грепла
долгом, грусти
почто
увидит
слово

Карла Ремей, нашего инженера, нас всех давно уже не было бы в живых. Теперь же, когда мы можем идти со скоростью тридцать узлов в час, нам не страшны никакие суда; ни один крейсер, ни одно линейное боевое судно не в состоянии состязаться с нами!

Я молча слушал своего собеседника, и мне невольно припла в голову мысль, что это таинственное судно при всем ужасе своего назначения являлось вместе с тем воплощением великой ученой идеи.

— Завтра мы покажем вам еще больше и познакомим с нашим инженером, с этим маленьким оборванцем!

— То есть со мной? — вмешался в разговор Дик. — Видите, я совсем обросился, точно какой-то нищий!

— Не тужите, Дик, мы добудем для вас юбочку или кофточку, как только вы будете приветствовать первое пассажирское судно! — шутили-ся отозвался доктор.

— Снимайся с якоря! — крикнул в это время Блэк, и его громовой голос прервал наш разговор. Он подал звонок в машину, и та тотчас же заработала, сначала мерно и медленно. Минуту спустя наше судно вышло в открытое море. Блэк обернулся и долго глядел в сторону снеговой пустыни. Впереди чернел темный, высокий берег пустынной Гренландии, и мне казалось, что в этом долгом, грустном взгляде железного человека было нечто пророческое: он будто знал, что уже не увидит более этих мест, и мысленно говорил им свое последнее «прости».

XIX

Встреча с китобоем

Мы обедали в большом зале на верхней палубе. Это была комната, отделанная с изысканной роскошью. Нам прислуживали два рослых негра; обед состоял из самых дорогих блюд и высшего качества вин. После стола все перешли в смежную, курительную комнату, убранную с чисто восточной роскошью; сюда нам подали кофе с ликерами, а Блэк угощал самыми дорогими сигарами. К большому моему удивлению, этот странный человек говорил при мне о своих намерениях не таясь и без малейшего стеснения, обращаясь за советом к доктору и справляясь о его мнении по поводу различных предположений.

— Мой план таков, — говорил Блэк. — Как вы знаете, у нас чувствуется недостаток в масле, и наш Карл начинает беспокоиться за свою машину. Поэтому я решил свернуть шею двум-трем китобоям здесь, в этих водах, чтобы пополнить наши запасы, а затем, так как нас ищут в Атлантическом океане, мы пойдем к югу от Мадейры и поработаем на большой дороге торговых и пассажирских пароходов, отправляющихся в Рио-де-Жанейро или Буэнос-Айрес. Там есть чем поживиться, и пройдет добрый месяц, прежде чем догадаются преследовать нас в этих водах. А к тому времени мы успеем уйти оттуда. Все равно Европа уже знает о моей игре; пусть же она услышит о ней еще один лишний раз. Пусть они только сунутся ко мне, я покажу им свои зубы! — продолжал Блэк. — Мы вышли в море, чтобы добыть денег и товаров, и добудем и того, и

другого. Я строил это судно для борьбы, и мы идем на борьбу, одни против всех. Не так ли, доктор? Вы согласны со мной?

— Без сомнения! Кроме того, чем большим опасностям и борьбе подвергаются наши люди, тем меньше они думают о беспорядках и возмущениях!

— И я того же мнения! Дайте им только дело, работу, и они, поработав вволю, будут спать как убитые, не помышляя ни о чем. Но прежде всего мы заглянем на недельку в Париж. Что вы на это скажете, Дик? — обратился он к шотландцу.

Но не успел тот ответить, как в дверях показалась рослая фигура Четвероглазого, который лаконично промолвил:

— Китобой под левым бортом.

— Предложите ему лечь в дрейф и дайте один выстрел из носового орудия! — распорядился Блэк, затем подозвал к себе Дика и передал ему свои приказанья.

После того мы все, капитан, доктор и я, вышли в галерею, откуда и увидели при ярком свете луны прекрасное китобойное судно с полной оснасткой. Судно, по-видимому, возвращалось домой и, судя по внешнему виду, принадлежало датскому флоту.

Наши люди с привычной ловкостью и расторопностью, свидетельствовавшими о долголетнем навыке и знании дела, готовили шлюпку и опускали в нее пустые бочопки, после чего шлюпку плавно спустили на воду. Одновременно с этим грянул выстрел из носового орудия — снаряд упал перед самым носом китобоя. Но встречное судно

по первому требованию легло в дрейф и ожидало шлюпки.

— Джон, вы отправитесь к ним туда и купите весь жир, какой у них имеется! Слышите? Я сейчас принесу деньги из ящика!

При слове «купите» Джон, казалось, был крайне удивлен, но потом, как бы сообразив о своей педогадливости, весело воскликнул:

— А, мы чистоганом заплатим им прикладами по голове, капитан! Валяй за мной, ребята, да прихвати свои ружья! — обратился он к команде. — Ну, конечно, мы уплатим им полностью!

— Ничего подобного вы не сделаете, я запрещаю! — загремел на них капитан. — За все, что вы возьмете у них, вы заплатите чистыми деньгами, все, до последней полушки! Слышите? Заткните свои глотки и отправляйтесь туда! Беда тому, кто осмелится ослушаться моего приказа!

Не только Джон, но и все остальные недоумевали, что за странный каприз вдруг пришел капитану — покупать и платить деньги за то, что можно было взять без труда даром. Среди команды послышался ропот; Дик же, вернувшись назад, осмелился заметить, что это даже грешно, что лучше бы капитан приказал купить ему на эти деньги сотню кирпичей на постройку дома.

Но Блэк ничего не ответил и молча стал следить за шлюпкой, быстро приближавшейся к китобою. Я также взглянул туда, и мне припомнилось, как несколько недель назад я с замиранием сердца следил за этой самой шлюпкой со своей яхты. Теперь я почти с тем же чувством ожидал, чем кончится эта сцена, зная, что даже строгий вистингтон его команды.

Но вместо ожидаемой мной трагической сцены на моих глазах разыгралась забавная комедия. Мы видели, как наши люди были приняты на судно и ожидали, что они станут поднимать ваверх свои пустые бочонки. Ничего подобного, однако, не произошло, хотя со встречного судна стали доноситься до нас крики и ругань, а затем раздались даже несколько истолетных выстрелов и какие-то темные предметы были сброшены за борт, после чего, к немалому нашему удивлению, наша шлюпка тронулась в обратный путь. Когда же наши люди вошли на палубу, то все мы буквально ахнули при виде их: Ревущий Джон с ног до головы был покрыт какой-то липкой черной жидкостью, а двое остальных были вымазаны дегтем, причем лица их трудно было даже различить; остальные были словно промокшие кошки и до того прозябли, что у них зуб на зуб не попадал. В первые минуты они не в состоянии были даже сказать нам, что с ними случилось.

— Проклятые, пустобрюхие негодяи! — про-рычал наконец Джон. — У них нет ни одного бочонка жира, я полагаю! Как только я заговорил с ними по-своему, они окунули меня в свой большой помойный чан по самые уши!

— Что же ты хочешь этим сказать, что они не изловили ни одного кита? — спросил капитан.

— Ни одного, кроме нас, ваша милость! — пошутил промокший до костей англичанин.

— В таком случае мы только даром потеряли время! — сказал Блэк и злобно топнул ногой о палубу. — Ах вы, лептяи! Что же вы там делали так долго, о чем драли горло, дуралеи? Я иду дальше, а вы справляйтесь там между собой, как

вперед! Полный ход вперед! — крикнул он в машину.

Услышав это распоряжение, Ревущий Джон положительно взбесился и, как настеганный зверь, заорал не своим голосом:

— Как?! Вы командуете «вперед», оставляя их невредимыми?! Да после этого будь я проклят, если я останусь служить здесь!.. Они окупают меня в свою поганую лоханку, а вы смеетесь над этим и идете дальше как ни в чем не бывало! Клянусь честью, я вас проучу!

Капитан с презрительной усмешкой смотрел на это проявление гнева, а Дик и Четвероглазый хохотали, держась за бока.

— Клянусь пророком Моисеем, вы — настоящий красавчик теперь, просто загляденье! Право, если не соскрести с вас всю эту грязь лопатой, то родной отец не узнал бы вас в таком виде! — трунил помощник капитана.

— Я предложил бы вам представить себя на образец повой обмундировки господину Сатане в аду! Веселенький паряд, право!

Эти шутки окончательно вывели из себя Ревущего Джона; с минуту он стоял в нерешительности, затем, точно осененный блестящей мыслью, одним прыжком очутился подле бочки с дегтем; стоявшей под лестницей верхней палубы, и, схватив черпак, полный дегтя, сначала смазал им по лицу и по голове злослучного шотландца, затем вылил на него остальной деготь из черпака и только тогда, немного успокоившись, воскликнул, любуясь делом своих рук:

— Ну, теперь нас пара! Надеюсь, вы не отравитесь кушать бисквиты в этом прекрасном

— Я мог бы отомстить вам за эту проделку, — отвечал шотландец, — но все-таки благодарю вас, что вы потрудились вычернить мои сапоги: они с самого Нового года нуждались в смазке! Присутствующие разразились оглушительным смехом.

Ранним утром следующего дня мы проходили в виду датской колонии Годшааб, но на таком расстоянии, что невозможно было что-либо различить, а в течение дня и весь берег Гренландии окончательно скрылся из виду. Заметно более мягкая температура дала нам почувствовать, что мы находимся в водах Атлантического океана, хотя пас и приветствовал здесь сильный и густой снег. В течение всего этого дня и нескольких последующих наш маленький винтовой пароход, шедший за нами следом, не отставал от нас, и мы каждое утро обменивались с ним сигналами.

Четвероглазый объяснил мне настоящее назначение этого маленького спутника:

— Полагаю, что он идет в Ливерпуль. Но мы встретимся с ним южнее Сицилии, где он сообщит нам все необходимые сведения о судах, находящихся в море. Поверьте, теперь настает самое хорошее время; теперь все моря, небось, кишат огромными судами, и всех нас, того и гляди, высажат на берег, без всякой просьбы с нашей стороны, да и прирежут, как цыплят. А там, на берегу, ведь моя родина, которую я — увы! — покинул ради этой игры!

— Почему же вы покинули родину и принялись за такое опасное ремесло? — спросил я.

— О, это длинная история, сэр, — отвечал старик. — Когда я был церковным прислужником

в Тепперари, у меня с Миком Спливаном вышла ссора. Выходя из церкви в одно прекрасное воскресенье, пять лет тому назад, я встретил Мика, и он осмелился наложить углей мне на голову. «Счастье твое, что я сегодня очередной и служу обедню, но погоди, мы с тобой сквитаемся!» — сказал я ему. Но негодяй на другой же день утром уехал из нашего местечка, и только год спустя судьба случайно столкнула меня с ним. Я готов был отомстить ему, как обещал тогда...

— Ну, и вы, конечно, отомстили?

— Очень сожалею, но дело вышло совсем не так. Когда мы встретились, он был немного навеселе, да и меня напоил в тот вечер допьяна. Вот почему я очутился здесь. Он привез меня с собой на это судно и добыл для меня пять фунтов стерлингов. Это мне-то, который собирался его измолотить! Но в жизни всегда так бывает: чего не ожидаешь, то и случится. Так вот вышло и со мной!

— И это всегда так бывает! — заметил Дик, незаметно подойдя к нам. — Но не согласитесь ли вы отложить продолжение вашей повести до завтра, так как теперь доктор ожидает вас, мистер Стронг, чтобы вместе с вами отправиться осматривать машину?

Я был очень рад воспользоваться этим представившимся мне случаем ознакомиться поближе с диковинной машиной таинственного судна и последовал за Диком, который пошел вперед, указывая мне путь. Очутившись в машинном отделении, я был невольно поражен тем, что здесь увидел. На судне, оказалось, было целых три громадных машины, несравненно большей силы, чем на самых больших военных судах; каждая из

них имела по четыре цилиндра 80 дюймов в диаметре, и все действовали посредством водорода, поступающего в них из громадных газометров. Жара в машинном отделении была положительно нестерпимая, оглушал грохот и шум движущихся поршней, рычагов, золотников и прочих частей машин, и среди этого ада, подобно богу Вулкану в своем подземном царстве, спокойно распоряжался, следя за малейшим движением этой сложной машины, маленький тщедушный человечек, в котором, без сомнения, жил великий гений. Это был создатель и творец беспредельно-го могущества этих негодяев, которым он подарил поистине царственное судно, дав посредством его возможность насмехаться над морским могуществом всех наций и сделав пиратов сильнее целого флота. Он был орудием, лишившим меня, быть может навсегда, свободы и сделавшим меня пленником в стенах этой железной цитадели. Но все-таки это был гений, и я невольно преклонялся перед ним.

В таком настроении духа я покинул машинное отделение и поднялся на верхнюю палубу, где первым звуком, коснувшимся моего уха, был крик часового:

— Земля по левому борту!

Мне сказали, что это был ирландский берег, и трудно себе представить, какое радостное чувство охватило меня при виде этой далекой полосы земли, моей родной земли! Мне казалось, что я перешел теперь из страны мертвецов в страну живых людей, от мрака и безмолвия почти к рассвету Богом данного ясного дня.

XX

Разгром «Беллоники»

Берега Ирландии нам привелось видеть только издали, так сказать, мельком, так как пошли прямо на юго-запад. На рассвете следующего дня мы были уже на пути океанских пароходов, и едва только успело взойти солнце, как в мою комнату вбежал заиндевевший и взволнованный доктор Осбарт и стал тормошить меня и звать смотреть на то, что он называл моим первым знакомством с настоящим делом.

— Менее чем на расстоянии мили по правому борту линейный пассажирский пароход Красного Креста «Беллоника»! — восклицал он. — Мы поочистим его! Идемте скорей наверх! Это лучший завтрак, какой вы сможете себе представить, это горячее, возбужденное состояние, какое охватывает каждого участника и даже зрителя дела! Пойдемте, надо, чтобы и вы испытали это!

Я стал поспешно одеваться, взволнованный не менее самого доктора, и затем вышел вместе с ним на галерею. Передо мной расстиралось бесконечное пространство высоких темно-зеленых волн, а над ними темные клочковатые тучи, сквозь которые старались пробиться солнечные лучи. Дул свежий южный ветер, сверху же падал частый дождь, летевший прямо в лицо. Но все это не смущало наш экипаж, хотя все, не сомненно, предвещало близость бури. Все взоры были обращены вперед, где на расстоянии теперь уже не более полумили вырисовывались элегантные очертания большого пассажирского парохода. На совершенно безлюдной палубе его ле-

ивелось видеть только
ксом, так как по
свете стелющегося де
анских парходов, к
солнце, как в ж
и взволнованный
инить меня и звать
ывал мои перья
м.

и мили по правому
й парход Крас-
склищал он. — Мы
наверх! Это луч-
себе представить,
яппе, какое охва-
ке зрителя дела!
ытали это!

волнованный не
ышел вместе с
стилалось бес-
темно-зеленых
ие тучи, сквозь
печные лучи.
же падал ча-
о. Но все это
кота все, на-
е. Все взоры
стоянии то-
ивались эле-
ирского па-
убе его де-

ниво прогуливался только один часовой, да та-
кой же одинокий офицер торчал паверху на мос-
тике. Это сопливое бездействие на пассажирском
пароходе составляло резкий контраст с общим
оживлением и жаждой деятельности, царившими
у нас на судне.

Вдруг с носовой части грянул оглушительный
выстрел. Снаряд упал в море в пятнадцати саже-
нях перед носом «Беллоники».

— Славно, Дик, молодчина! — раздались одо-
брительные восклицания с палубы, но не успели
они смолкнуть, как на большом пароходе стало
заметно оживление: на палубе появилась масса
людей, на мостик поднялись еще три фигуры, а
на мачте подняли сигналы.

Четвероглазый, стоявший у мачты, немедленно
во отвечал им.

— Потребуйте, чтобы они легли в дрейф, ес-
ли не хотят, чтобы мы отравили их ко всем чер-
тям! — проговорил сквозь зубы Блэк.

— Есть, сэр! — весело отозвался Четверогла-
зый, затем перевел ответ парохода: — Они гово-
рят, что скорее взорвут нас на воздух, чем сба-
вят ход хоть на один узел!

— Так ударить им в переднюю часть! Нужно
проучить гордецов как следует! — заорал Блэк.

В тот же момент раздался выстрел из перед-
него орудия, и ядро ударило в нос парохода в
нескольких шагах от брашпиля; щепки и оскол-
ки взвились высоко в воздухе; до нас донеслись
шум и крики.

— Ну, что они говорят теперь? — спросил
Блэк.

— Говорят, что если вы явитесь к ним на суд-
но, то не иначе, как за своей головой, и что они

...вздер
...хода до
...выстрелами

— А-а,
...Дать по

...
Со вторым в

...но он п
...и нас

...перелете
...Следую

...Это в
...скомандо

— Полный х
...орудия!

...был попо
...не сознаться.

...ловал, как в
...при резко

...и затем
...волны сво

...ой, о какой
...ставления. Э

...вой силы
...то опьяня

...также. Д
...позади

...пронесли
...поезда, об

...дугу,
...добычу.

...бортов
...толпила

...первому
...ловит

заставят вздернуть вас на виселицу, а сами не сбавят хода до тех пор, пока вы не перепортите им выстрелами машины.

— А-а, крепколобая мразь! — прошипел Блэк. — Дать по ним второй выстрел, в середину судна!

Со вторым выстрелом все наше судно содрогнулось, но он пропал даром, так как море расходилось, и нас сильно качало, вследствие чего снаряд перелетел по ту сторону неприятельского судна. Следующий за ним выстрел также был неудачен. Это вывело капитана из терпения, и он грозно скомапдовал:

— Полный ход вперед! Готовь средние бортовые орудия!

Это был поистине чудный момент, нельзя в том не признаться. Волнение охватило даже меня; я чувствовал, как все наше громадное судно содрогнулось при резком звонке, поданном капитаном в машину, и затем устремилось вперед, пеня и рассекая волны своей мощной грудью с такой быстротой, о какой я до сих пор не имел никакого представления. Это проявление положительно невероятной силы и быстроты действовало на меня как-то опьяняюще, да и на остальных, по-видимому, также. До этого времени мы держались несколько позади пассажирского парохода, теперь же пронеслись мимо него с быстротой курьерского поезда, обгоняющего товарный, и, описав громадную дугу, устремились, подобно ястребу, на свою добычу.

Наши бортовые орудия были уже наготове; прислуга толпилась около них, готовая открыть огонь по первому слову капитана. Прежде чем я успел уловить план маневра Блэка, наше судно

проходило в каких-нибудь пятидесяти ярдах от «Беллоникки».

В этот момент наши люди как будто превратились в бешеных диких зверей, завидевших добычу и готовых пожрать друг друга для того, чтобы овладеть ею. С диким, неистовым криком отворили они затворы главных бортовых орудий, и целый град снарядов посыпался на беззащитное судно. Странные проклятия, вопли и крики огласили воздух. Я видел, как рослые, здоровые мужчины падали, пораженные насмерть, слышал, как стопали, плакали и рыдали женщины и жалобно кричали дети.

Странное дело было сделано, и сделано разом: с одного удара победа осталась за нами, так как на пароходе спустили флаг и последовало приглашение явиться на судно. Теперь оставалось только забрать свою добычу и поделить ее между собой.

— Спустить шлюпку! Эй, Джон! — крикнул Блэк. — Забрать там каждый грош и все, что только найдется ценного, потом вздернуть на мачту негодяя капитана, этого дерзкого безумца!

— К вашим услугам, капитан! — отозвался Ревущий Джон. — Клянусь небесными громами! Эй, ребята, спускай шлюпку!

— Я бы советовал вам отправиться с ними на «Беллоникку», — проговорил доктор Осбарт, обращаясь ко мне, — это будет весьма интересно для вас! — И он обратился с этим предложением к Блэку.

Тот был чрезвычайно нервно настроен в этот момент, хотя и казался совершенно спокойным.

— Да, он отправится с ними! — решил он. — Если нас повесят, то пусть и его повесят вместе с нами, этого проповедника христианской нравственности, этого самодовольного бездельника! Пусть он отправится на судно, не то я сам швырну его в шлюпку!

Меня тошнило при одной мысли о тех ужасах, какие ожидали меня на судне, но отказаться не было никакой возможности: это было бы равносильно смертному приговору самому себе. Меня втокнули в шлюпку и, когда мы подошли к пароходу, втащили вслед за собой на палубу, где нас встретил сам капитан со своими четырьмя офицерами. Нас же было семеро.

То, что я увидел, превзошло даже все мои ожидания: мертвые лежали грудami на палубе; судовой врач не успевал со своими двумя помощниками перевязывать раненых; стоны и вопли стояли в воздухе; душераздирающие картины встречались на каждом шагу. Вся палуба представляла собой сплошное поле битвы; казалось, будто судно находилось под неприятельским огнем в течение нескольких часов.

— Чего вы хотите от меня и что вам надо здесь, на моем судне? — спросил молодой капитан, на что Ревущий Джон отвечал ему со злобой усмешкой:

— Мы явились сюда, чтобы прежде всего повесить вас, затем...

Но тут я не дал ему договорить.

— Ах вы, негодяй! — воскликнул я. — Если вы только посмеете тронуть здесь еще кого-нибудь, я уложу вас всех на месте сам! Или это ваше ремесло — убивать ни в чем не повинных людей?!

И указал рукой на труп убитой девочки-подростка и в то же время навел на них захваченный с собой револьвер.

Не знаю, кто из двух был более удивлен моей выходкой, молодой ли капитан «Беллоник» или Джон.

— Ах ты, мальчишка! — крикнул Джон. — Да если ты скажешь мне еще хоть одно слово, я с живого сдеру с тебя шкуру!

— Господа, — продолжал я, не обращая внимания на его слова, — отдайте этим людям все, что вы имете, все, и тогда я вам даю слово, что они не тронут вас!

— Клянусь Богом, — воскликнул молодой капитан, — вы заплатите за сегодняшнее дело жизнью! Я вручаю вам все наличные деньги и драгоценности, но помните, что не пройдет и недели, как половина военных судов Европы будет преследовать вас по всем морям!

С этими словами он отошел в сторону, а прибывшие со мной на пароход негодяи осторожно спустили в свою шлюпку деньги на сумму 150 тысяч фунтов стерлингов и мешок с разными драгоценностями. Джон, как бы смущенный моим поведением, обходил пароход, громко крича «эй, посторонись!» каждый раз, когда встречал какого-нибудь пассажира, но не тронул никого. Я оставался на мостике, не выпуская из рук своего револьвера, безмолвным и безучастным свидетелем всего происходившего. Когда же наша шлюпка отчалила, нагруженная золотом и драгоценностями, мне казалось, что я только что пережил страшный сон.

Шутки и насмешливые намеки пиратов оставляли меня теперь совершенно безучастным, но

я не выпускал револьвера из рук, не доверяя своим спутникам, и тогда только вздохнул свободно, когда мы ступили на палубу нашего безымянного судна и явились к капитану, стоявшему на мостике.

Джон с негодованием передал Блэку, как я позволил себе воспротивиться его намерению похитить капитана «Беллонки», и я думал уже, что настал час моей смерти.

— Ах ты, дерзкий щепок! — воскликнул Блэк, но более спокойным тоном, чем я ожидал, хотя тон его был строг и грозен. — Как ты смел вмешиваться в мои дела и распоряжаться?

— Я сделал это, чтобы спасти вас от самого себя! — отвечал я, глядя ему прямо в глаза. — Знаете ли вы, что убьют там, на судне, ни в чем не повинных детей. Или это не новость для вас?

У Блэка была в руке большая подозрительная труба, и он занес ее над головой, так что я думал уже, что он ударит ею меня, но все-таки продолжал неотступно смотреть ему в глаза, и рука его точно застыла в воздухе. С минуту он молчал, затем опустил руку и, мрачно сдвинув брови, проговорил:

— Иди в свою будку и не смей показываться сюда до тех пор, пока я сам не вытащу тебя оттуда! — И он сердито отвернулся от меня.

Я был счастлив, что он хоть на время отстранил грозившую мне страшную участь, и поспешил уйти в свою каюту, но яростные крики и ропот команды убедили меня, что и на этот раз Блэк немало рисковал из-за меня. Даже когда дверь моей каюты закрывалась за мной, до меня доносились вызывающие голоса команды, кричавшей Блэку: «Да ты его как будто боишься! Или

он над тобой будет похваляться, капитан? За-
тем еще долгое время продолжались шум и кри-
ки на палубе; наконец, я услышал звуки, как
будто кого-то наказывали плетью. Но ко мне ни-
кто не приходил, кроме старого негра, в обычное
время молча принесшего мне мой обед.

Возникшее было серьезное волнение среди
людей шло, как мне вечером сообщил доктор,
благодаря тому, что на горизонте появилось дру-
гое пассажирское судно. Гул единственного вы-
стрела, раздавшегося с нашего судна, которым
мы остановили этот пароход, потряс меня до глу-
бины души, и все картины только что пережитых
мною ужасов с новой силой воскресли в моем
воображении. Долгое время я не решался по-
дойти к окну своей каюты, а когда наконец взгля-
нул в него, то увидел красивое большое судно на
расстоянии не более 30 сажен от нас и нашу
шлюпку у его борта. На палубе этого судна я
резко различил фигуры наших людей, занятых
грабежом пассажиров.

Вечером, зайдя ко мне выкурить сигару, Ос-
барт рассказал все подробности этого происше-
ствия.

— Мы их очистили, не убив ни одного чело-
века, — говорил он. — Славная была потеха! Мы
взяли более пятидесяти тысяч фунтов, и Блэк
очень доволен этим, так как, говоря правду,
среди команды завелся какой-то недобрый дух.
А вы еще раздражили их сегодня утром своим
неуместным вмешательством! Что же касается
Блэка, то я, право, перестаю его понимать: я ви-
дел человека, который мог бы ска-
зать ему то, что вы ему сказали, и после этого
остался бы жив всего хоть один час. Советую

вам, однако, не показываться некоторое время на палубе, так как наши люди просто из забавы убьют вас. Нам и то уже пришлось поставить часового к дверям вашей каюты, так как Блэк опасался, что они, вопреки его строжайшему запрету, ворвутся к вам и совершат над вами насилие!

— А вы, как видно, совершаете на этот раз прибыльный поход?! — заметил я.

— Да, и это довольно любопытно: ведь все кругом кишит военными судами! Разве вы не чувствуете, с какой скоростью мы идем? Надеюсь, что они увидят только наши пятки и на этот раз и, быть может, еще много раз до первого числа будущего месяца, хотя Карл уже снова ворчит и беспокоится по случаю недостатка жира: эти действующие газом машины требуют постоянной и чрезвычайно обильной смазки, так что, если мы завтра не встретимся с нашим тендером — маленьким винтовым пароходом, дела наши плохи!

После этого разговора в продолжение целых трех дней доктор не заходил ко мне, но я видел из окна каюты рано поутру следующего дня, что тендер нагнал нас, и из этого я заключил, что недостаток смазки более уже не грозит нам. На вторые сутки после разгрома «Белловикки» мы остановили уже третье судно, и хотя я ничего не мог видеть, так как вся борьба происходила на правом борту, а моя каюта находилась на левом, все слышал наши выстрелы, крики нашей команды и страшную возню на палубе. На третьи же сутки поутру завязалась горячая перестрелка с судном, отправлявшимся в Канскую колоннию, а около полудня мы напали на большой пароход

немецкой компании «Северогерманский Ллойд»,
возвращавшийся в Бремен.

Как и раньше, доктор Осбарт зашел ко мне и
с неподражаемым восхищением передал все под-
робности дела.

— Сегодня нечем похвастать, — говорил он,
развалившись в кресле и закуривая сигару, — ни
на трон товару и никаких драгоценностей, о кото-
рых стоило бы говорить! Да вы не принимайте
такого трагического вида, любезнейший: мы не
зарезали там ни одной курицы. Я сам битых пол-
часа беседовал с какой-то старушонкой, спдевшей
на своем сундуке; я думал, что у нее в нем це-
лая грудa алмазов, — и что же?! Когда мне уда-
лось наконец уговорить ее сойти с этого сундучка
и раскрыть его, то в нем не оказалось ничего,
кроме детского белья! Право, это скорее похоже
на какой-то фарс!

— Все это, по-видимому, не особенно печалит
вас? — заметил я, обратив внимание на веселый
вид своего собеседника.

— Неужели?! А ведь, в сущности, и наше по-
ложение теперь не совсем завидное! Наш тендер,
который Блэк отправлял в Ливерпуль, привужден
был вернуться с большой поспешностью, так как
за ним следили, и вследствие этого он не привез
нам ничего, кроме кадки жира для смазки. Это,
конечно, ничто для нас, и нам необходимо запа-
стись очень большим количеством этого жира, ес-
ли мы не хотим, чтобы всех нас перевешали. Вот
об этом-то я и пришел сообщить вам сегодня.
Блэк не может выносить подобного положения и
решил лично отправиться в Англию, чтобы разу-
мнать хорошенько, что, собственно, затекает про-
тив нас наш всемогущий, лихой английский флот.

Наш тепдер не мог сообщить нам никаких положительных сведений на этот счет. Капитан решил взять вас с собой, так как оставить вас здесь было бы все равно, что подписать ваш смертный приговор. Но вы не рассчитывайте на это как на удобный случай для вашего бегства: мы будем следить за вами во все глаза, не будем отпускать вас от себя ни на минуту; кроме того, вам придется дать клятвенное обещание не выдавать здесь никому этого намерения до того момента, когда вы вступите на палубу нашего тепдера.

Я был вне себя от радости, но боялся выдать себя и потому небрежно спросил:

— Ну, а как вы встретитесь опять с этим судом, как вы его найдете среди моря?

— Очень просто: мы пазпачаем известный пункт, и по прошествии десяти дней они ежедневно около полудня будут на этом месте, а мы тем временем уйдем к северу от обычного пути английских крейсеров и добудем хороший запас жира, кроме того, разузнаем все, что затевают против нас наши враги.

— Однако я положительно не могу понять, почему капитан берет меня с собой на этот раз! — продолжал я, надеясь вывести что-нибудь от моего собеседника, но он отвечал:

— Я и сам не могу понять, что его побуждает к этому. Между нами говоря, он сам на себя не похож с того времени, как вы находитесь среди вас. Он по-своему любит вас больше всякого другого живого существа; и я из всех один подозреваю это, мало того, я это знаю, хотя до сих пор не предполагал, чтобы он был способен на подобное чувство!

— Правда, он очень добр, что тратит на меня

такое драгоценное чувство! — заметил я топом легкой насмешки.

— Не смейтесь! — укоризненно остановил меня доктор. — Ведь вы обязаны ему своей жизнью! И мне стало действительно как будто совестно за свои последние слова.

XXI

Я отправляюсь в Лондон

Спусти неделю после вышеприведенного разговора капитан Блэк, доктор Осбарт и я сели в вагон в Рамсгете на поезд, оставив в гавани этого скромного, тихого городка наш винтовой пароход, переряженный на этот раз норвежским китобоем, равно как и весь его экипаж, состоявший из Джона и восьмерых самых отчаянных и буйных молодцов с безымянного судна. Мы благополучно добрались до берегов Англии, не возбуждая ни в ком подозрений, несмотря на то, что по пути встречались с множеством судов. Сначала Блэк намеревался оставить меня на пароходе под ближайшим надзором, но я до того стремился ступить на родной берег, до того меня тянуло взглянуть хоть из окна вагона на родные поля и луга, что дал ему торжественное обещание не делать ни малейшей попытки бежать от него, не выдавать его во все время моего пребывания на берегу и, где бы я ни был, вернуться к концу недели на тендер.

На это Блэк сказал:

— Я — постоянный безумец, я это знаю, и тем не менее вы можете ехать с нами!

Остальные широко раскрыли глаза, очевидно думая, что Блэк лишился рассудка.

Когда я наконец расположился в углу вагона первого класса, то едва смел верить, что это не сон, что передо мной расстилается родной ландшафт дорогой Англии с его зелеными пастбищами и окруженными садами жилищами.

Мысль, что я опять в Англии, положительно ошарашивала меня, и, когда впереди замигали огни, целое море огней, я понял, что мы подъезжаем к Лондону, и мне вдруг вспомнился тот день, когда я в последний раз был в этом городе, с Родриком и Мэри, и старался собрать кое-какие сведения об этом человеке, который генерь сидел рядом со мной в вагоне. Где-то были теперь эти два дорожные существа, Мэри и Родрик? Куда загнало их желание разузнать о моей судьбе? Как опечалилось, быть может, милое личико Мэри при мысли, что меня уже нет в живых? И не странно ли, что, быть может, теперь, когда я здесь, в Лондоне, она тоже здесь и думает обо мне, но я теперь так же далек от нее, как если бы был в могилах?

Мы прибыли в Лондон около 10 часов вечера в сели в закрытый экипаж, ожидавший нас у станции. По-прежнему втроем мы молча ехали в продолжение четверти часа и наконец остановились у высокого каменного дома в глухом переулке. Не встретив никого по пути, мы поднялись по лестнице и вошли в приготовленные для нас комнаты.

Здесь нам подали великодепный ужин, после которого доктор Осбарт удалился, а меня Блэк провел в смежную просторную спальню с двумя кроватями и извинился, что не считает возмож-

ным предоставить мне отдельную комнату, а потому предлагает мне почевать в одной комнате с ним.

— Помните одно, милый мой мальчик, — говорил он, — что при малейшей попытке обмануть меня я сам собственноручно пушу пулю вам в лоб, хотя бы вы были моим родным сыном!

С этими словами он поспешил лечь в постель; я последовал его примеру.

На следующее утро Блэк рано вышел из дому и, заперев дверь нашего помещения, оставил нас вдвоем с доктором Осбартом.

— Я делаю это не потому, что не могу пожить на ваше слово, — говорил он, — а потому, что не хочу, чтобы кто-нибудь пришел сюда шарить и подглядывать!

Он возвратился около семи часов вечера и застал меня за чтением нового романа Поля Бурже. Доктор Осбарт спал почти все время, жалуясь на нездоровье.

Томительная скука сидеть здесь, взаперти, подобно птице в клетке, как-то особенно удручающе действовала на меня, и я был вовсе не в расположении слушать рассказы Блэка о том, что делается в городе, или рассматривать сделанные им покупки, драгоценные миниатюры и другие художественные редкости, которые он, вернувшись, разложил на столе, чтобы мы могли полюбоваться этими произведениями искусства.

Следующий за этим день стал одним из самых памятных дней моей жизни. Блэк, по обыкновению, ушел очень рано из дома; главной целью всех его странствований по городу было желанно разузнать, что именно намечено предпринять против него Лондонское адмиралтейство. Осбарт

не вставал в этот день даже к завтраку и читал газеты, лежа в постели.

Прошло около часа после того, как мы остались с ним один, когда доктору пришла телеграмма.

— Капитан немедленно требует меня к себе! — воскликнул он в сильном волнении. — Мне ничего не остается более, как оставить вас здесь одного. Мы всецело доверяем вам теперь, по все-таки, если вы попытаетесь обмануть наше доверие, ручаясь вам, песенка ваша будет спета! Быть может, я вернусь минут через десять, но до тех пор вам придется примириться с неприятным положением быть запертым на ключ! Кстати, дорогой мой, не старайтесь искать участия в ком-либо из домашних: дом этот принадлежит одному из нас, и если только вы возыссите голос, чтобы позвать на помощь, или сделаете какое-либо неосторожное движение, то сильно рискуете получить удар обухом по голове!

Все это он говорил торопливо, поспешно одеваясь, и затем ушел, ласково простившись со мной. Я провожал его глазами, нисколько не помышляя о том, что уже никогда более не увижу его. Затем я придвинул большое кресло к окну и расположился в нем со своей книгой. В окно до меня доносился шум пробуждающегося городского движения и суеты. Я даже мог видеть людей в домах на противоположной стороне улицы. Одну минуту у меня мелькнула мысль — отворить окно и позвать на помощь, но я был связан клятвенным обещанием, добровольно данным мной Бэку. Нарушить это обещание было не столько грешно, сколько нечестно и безправственно.

Рассуждая таким образом, я случайно поднял

глаза от книги и заметил, что какая-то тень за-
слоняет мне свет из окна. Взглянув в окно, я
увидел нечто совершенно необычайное на желе-
ном откосе крыши под моим окном. Это был ма-
ленький, тупеющий человечек с подвижной ше-
ей, которую он то вытягивал далеко вперед, то
разом прятал в свои узкие плечи.

На вид ему можно было дать и тридцать, и
пятьдесят лет; ни одного пучка волос не видне-
лось на его бесцветном лице с впалыми щеками,
а длинные, тонкие пальцы, похожие на лапы па-
ука, которыми он судорожно цеплялся за выступ
окна. Свидетельствовали о его крайней нервоз-
ности. И вот после бесчисленных киваний и под-
мигиваний, на которые я, конечно, не отвечал, он
достал из кармана нож и ловким движением от-
крыл задвижки моего окна, а спустя минуту очу-
тился у меня в комнате. Осторожно ступая сво-
ими козыми ножками по ковру, эта странная фи-
гура придвинула себе стул и села против меня,
забавно кривляясь и многозначительно гримас-
ничая.

Все это время я сидел неподвижно, как псту-
кан, положительно недоумевая, брежу ли я или
же это действительность. Наконец странный пе-
ввакомец хлопнул меня по колену и произнес:

— Именем закона! Да, я знаю, я захватил
вас врасплох! Этого вы, конечно, не могли ожи-
дать, но все это дела, господин Марк Строинг! Да,
дела, — продолжал он, снова вытянув свою шею
и как бы оглядывая все уголки комнаты. — В
двух словах я скажу вам, что телеграфировал
вашему другу, господину Стюарту, и ожидаю его
через часок-другой сюда из Портсмута. Затем со-
общу вам, что другой ваш приятель, молодой док-

какая-то тень за
Взглянул в окно,
обычайное на жез-
окином. Это был ин-
ек с подвижной вы-
далеко вперед, в
ечи.

дать и тридцать и
ка волос не видел
с впалыми щеками
кожи на лапы ш-
цеплялся за выступ
о крайней первы-
ых киваний и под-
но, не отвечая, он
им движением от-
пустил минуту очу-
жно ступая сво-
эта страшная ф-
ела против меня,
ительно гримас-

жно, как всту-
брежу ли я пси
ц страшный ве-
ну и произнес:
аю, я захватил
не могли ожи-
рк Строй! Да,
нув свою шею
комнаты. — В
елеграфирова-
и ожидаю его
ута. Затем со-
молодой док-

тер, который сейчас был с вами здесь, теперь си-
лит за десятью замками по пустячному обвине-
нию в преднамеренном убийстве в Мидлэндсе. Те-
перь, когда нам удастся захватить и капитана
Бэзика, вся эта милая компания будет у нас в
сборе! Ха! ха!.. — И он закашлялся.

Я смотрел на него, не будучи в силах вымол-
вить ни одного слова, не веря своим глазам, не
веря ушам.

— Мне нет надобности говорить вам, кто я
такой, — продолжал человек с вытяжной шеей,
которую он все время то вытягивал, то вытяги-
вал, — но вот вам на всякий случай моя карточка.
У нас стоит шесть человек наших агентов там, на
улице, против этого дома, другие шесть следят
за этим выступом крыши, по которому можно про-
браться сюда. Нам известно, что Блэк уедет от-
сюда сегодня ночью на своем пароходе, который
стоял вчера в гавани Рамсгэта, а сегодня стоит
неизвестно где. Всего вероятнее, что он явится
за вами часов около семи вечера. Все это я стра-
хом вымучил у хозяев этого дома. Если он дейст-
вительно явится за вами, вы отправитесь вместе с
ним. Если же он пришлет кого-нибудь, то, так как
вы единственное звено, связывающее нас с этим
условным негодяем, я прошу вас рискнуть еще
раз и вернуться с ним хотя бы только до той га-
вани, где теперь находится его судно, чтобы мы
имели возможность проследить за ним до конца.
Не правда ли, вы окажете нам эту услугу?

Прежде чем ответить, я взглянул на карточку
этого господина. «Инспектор сыскной полиции
Кинг, Скотланд-Ярд» — стояло там.

— Я отправлюсь с ним не только до гавани,
но и на самое его судно, так как обещал ему

это под честное слово! — проговорил я. — А что вы в это время будете делать, меня не касается!

— Да, конечно, — поспешил сказать мой собеседник. — вы хотите, чтобы мы не теряли вас из виду? Бывшие покойны, мы обязаны это сделать, так как благодаря вам только добрался до этого человека. Правительство, конечно, не оставит этой нашей заслуги без должного вознаграждения!

— Как видно, он наделал много шума! — заметил я.

— Да, с самой французской войны не было такого громкого события, о котором бы столько говорили во всей Европе. Вот прочтите это! Мне же небезопасно оставаться здесь дольше, чем нужно, так как он может каждую минуту вернуться! А при удаче это пахнет десятью тысячами фунтов стерлингов для меня! — И, сделав мне смешной поклон, инспектор сыскной полиции Клинг удалился тем же путем, каким и пришел, то есть через окно и откос крыши.

У меня в руках остался номер газеты, где несколько столбцов были целиком посвящены делу разграбления «Беллопикя». Я прочел эти газетные сообщения с жадностью: наконец-то полиция нашла на след злодеяний Блэка. Но вместе с тем я отлично сознавал, что без моего содействия этот удивительный человек опять уйдет из рук полиции. Не странно ли, что мне, потерпевшему в самом начале такую оглушительную неудачу в этом, теперь было суждено, помимо моей воли, стать орудием, которое предаст Блэка в руки правосудия?

Было около трех часов пополудни, и я, сидя у

окна, вспоминал слова сыщика: «я телеграфировал вашему другу». Согласно его предположениям, он через несколько часов должен был быть в Лондоне, и я с лихорадочным напряжением стал ожидать Родрика. Но пробило четыре часа, затем пять, а ко мне никто не приходил. Наконец в половине седьмого в комнату вошел старый негр со словами:

— Скорее, сэр, прошу вас следовать за мной, господин ждет!

Не дав мне времени оломиться, он взял меня под руку и вывел каким-то задним ходом в узкий переулок, где нас ожидал закрытый экипаж. Но одновременно с нами другой какой-то человек, стоявший на тротуаре, многозначительно подмигнул мне и, подождав другого возницу, поехал за нами.

В этом человеке я узнал «инспектора сыскной полиции Кинга» и был уверен, что за нами следят.

XXII

Тень на море

Доехав до станции у французской церкви, мы сели в поезд, отправлявшийся в Тильбюри, затем, сойдя там, достигли берега реки, где я увидел паровую шлюпку, на носу которой ясно различил фигуру Джона. Мне показалось странным, что в этом месте не было никаких сторожей, но я молча сел в шлюпку, и мы пошли полным ходом по направлению к Ширнессу. Дойдя до Норе, мы увидели недалеко в открытом море наш тендер и, подойдя к нему, были приняты на судно. Шлюп-

ку подняли, и мы тотчас же пошли полным ходом в северной косе. Было уже почти совсем темно. Резкий ветер дул нам прямо в спину. Такая темнота, безлунная ночь, конечно, благоприятствовала нам, так как я не сомневался, что придется уходить от какого-нибудь правительственного судна, посланного преследовать нас. Но, к моему крайнему удивлению, я убедился, что люди на судне не имели ни малейшего представления о грозящей им опасности. Блэка я не видел нигде, так как меня отвели в кормовую каюту, где я оказался единственным хозяином. Джон, бывший в эту ночь сильно пьяным и имевший при этом чрезвычайно угрожающий вид, приказал мне убираться вниз, что я и сделал вскоре по прибытии на пароход, чтобы, кстати, поразмыслить о всех странных происшествиях минувшего дня.

Для меня было ясно только одно: Блэк сделал громадный промах тем, что посетил Англию, и, желая спасти меня от зверских истязаний своего экипажа, взял меня с собой на тендер. Сколько времени в Англии выжидали удобной минуты узнать что-нибудь о нем или обо мне, я не знаю, но, вероятно, с тех пор, как Родрик дал знать о моем исчезновении и сообщил о Блэке и его таинственном судне все то, что ему было известно.

Теперь для меня становилось ясно, почему правительственные суда решили позволить Блэку вернуться на его судно: они хотели завладеть не столько самим Блэком, сколько его таинственным безымянным судном.

Но я не заметил ничего, что могло бы навести меня на мысль, что за нами следят, во всё время нашего путешествия по Темзе. Пользуясь мраком

этой ночи, мы, по расчетам экипажа, могли наде-
яться выйти в Атлантический океан на вторые
сутки, а по прошествии двух дней быть уже в на-
шей плавучей цитадели, служившей нам оплотом
против могущества всех наций, вместе взятых.

Все эти мысли до того тревожили меня, что я
никак не мог заснуть и, невзвывая на возможность
стычки с экипажем, вышел наверх. На корме не
было ни души; я встал у второго колеса и слы-
шал, как перекликались вахтенные. На мостике
расхаживал взад-вперед какой-то человек в дож-
девом кожухе. В это время выглянула луна, и я
увидел, что весь канал кишит судами. Близ са-
мого берега Англии выстроился целый флот
французских люгеров, два или три судна с уг-
лем, возвращавшиеся в Темзу, и несколько ан-
глийских рыболовных судов, стоявших на якорю
немного впереди нас; при свете луны я мог разли-
чить, как на этих судах работали и сутились лю-
ди. Но нигде не было видно ни одного военного
судна, которое могло бы преследовать нас; ничто
не давало повода думать, что за нашим тендером,
делавшим теперь по тринадцать узлов в час, кто-
либо следил.

Едва я успел убедиться в этом, не без некото-
рого сожаления, как услышал позади себя чьи-то
тяжелые шаги и, обернувшись, увидел перед со-
бой Джона в дождевом кожухе. Разбойник при-
ветствовал меня злобной шуткой, которую, оче-
видно, считал довольно остроумной.

— Что, караулите тот крюк, на котором вам
быть повешенным? Хе-хе-хе! И это после того,
как я приказал вам отправиться вниз! Нечего
сказать, превосходная дисциплина!

Я ничего не ответил ему и, повернувшись

спинной, продолжал смотреть на мерцавшие вдали огоньки судов. Но это, как видно, чрезвычайно раздражило Джона: он вдруг схватил меня за плечо и с дикой злобой в голосе прокричал над самым моим ухом:

— Вы рядитесь в щегольские куртки да похваляетесь прекрасными манерами, не так ли? Посмотрите только, какой важный господин! Но будь я проклят, если не собою с тебя эту спесь, не сир... этого капитана!

С этими словами он уже протянул одну свою руку, чтобы схватить меня за горло, а другой рукой схватил меня с невероятной силой и стал трясти. Я размахнулся и ударил его со всей силы под самое сердце. У него захватило дух, так что я стал опасаться, что его песенка спета. Но едва только он отдышался, как выхватил свой нож и занес его надо мной. Не подложит сомнению, что на этот раз я был бы обречен на неминуемую смерть, если бы в этот самый момент другая железная рука не схватила, словно тисками, руку Джона. То был капитан Блэк, следивший за всей этой сценой и подоспевший как раз вовремя, чтобы предупредить убийство. Только теперь я увидел, какой необычайной силой был одарен этот человек. Сжав руку Джона так, что она у него почти занемела, он вдруг дал ей особый поворот, нож вылетел из нее и вонзился в палубу шагах в двадцати от нас.

— Ах ты, долговязый негодяй, что это ты делаешь? Как ты смеешь? — заорал на него Блэк, весь бледный от гнева, и стал крутить его руку с такой силой, что я боялся, как бы он не сломал ее. Затем Блэк принялся жестоко бить пирата и был до тех пор, пока тот не упал; тогда, окро-

женного и избитого
палубу.

— Тронь только
и я пропишу
тебе у меня не
ва прощание,
затем, отой
шее время ст
з вдаль на ух
э тот страшный
дружески, в
овое, мягкое,

— Скажите, вы
его на большое
живая вдаль.

— Не вижу ни
тупого суда

— Значит, это

— И он продо
тую даль, сло
ваться. С бака

— Он с
заговорал сн

— Смейтесь и
совсем друг

— Я уже п
притиснули

— Я был пр
это был пр

— Быть мо
положить

— Эта сво
Ну, би
эту

...на мерцавшие вдали
видно, чрезвычайно
т схватил меня за
осе прокричал рад
кие куртки да по
рами, не так ли?
ный господин! Но
с тебя эту спесь,
оттянул одну свою
орло, а другой ру-
силой и стал тра-
со всей силы под
ух, так что я стал
Но едва только
ой нож и занес
мнению, что да
ишущую смерть,
ругая железная
руку Джона.
за всей этой
овремя, чтобы
мерь я увидел,
оен этот чело-
у него почти
поворот, вож
бу шагах в

...являющегося и избитого, он столкнул его на ниж-
нюю палубу.

— Тронь только пальцем этого мальчика хоть раз, и я пропишу тебе шесть дюжин плетей, так что ты у меня не встанешь! — проговорил капитан на прощанье, но теперь уже совершенно спокойно; затем, отойдя от него, встал подле меня и долгое время стоял молча, опершись на борт и глядя вдаль на уходивший из глаз берег. Наконец этот страшный человек заговорил со мной почти дружески, в голосе его звучало даже что-то ласковое, мягкое, совершенно не похожее на него.

— Скажите, вы не видите вон там чего-то похожего на большое военное судно? — спросил он, указывая вдаль.

— Не вижу ничего, кроме самого обыкновенного угольного судна, — ответил я.

— Значит, это опять зрение обманывает меня! — И он продолжал упорно всматриваться в темную даль, словно ему особенно важно было убедиться. С бака доносились смех, пьяные голоса и песни. Он с минуту прислушался к ним, затем заговорил снова, но как бы сам с собой.

— Смейтесь и идите, пока можете! Завтра запоете совсем другую песню! Да, — продолжал он, обращаясь уже прямо ко мне, — нас-таки порядком притиснули сегодня! Меня страшно подорвало, что я был принужден оставить Осбарта в их руках: это был лучший из моих людей, единственный, быть может, на которого я всегда мог вполне положиться. Если бы не он да не ирландец, вся эта сволочь давно бы уже болталась на виселице! Ну, быть может, теперь им придется испытать эту штуку! Эти псы напали на наш

след и будут преследовать нас. Счастье еще, что у меня двадцать пар глаз смотрело на них в Лопдоне и вовремя успело узнать всю игру правительств, так что я успел увести этот тендер из Рамсгата. Но знайте, мой милый мальчик, что нам предстоит борьба, нелегкая борьба,— я это знаю. Я ушел в море без капли жира, а нам придется удирать, спасая свои шкуры!

— Почему вы так думаете?

— Почему? Да ведь ясно, что они будут преследовать нас с одного из этих портов. Очень возможно, что они дадут нам вернуться на судно, и вот тогда-то и начнется травля! Но если только мы управимся со смазкой, то пусть они лучше сразу поджимают хвосты, без смазки же наше дело плохо!.. Но довольно об этом! — вдруг прервал он себя. — Пойдемте вниз, мой милый мальчик, выпьем вина!

Я последовал за ним в его маленькую каюту; он поставил на стол бугылку шампанского и пару стаканов.

— Выпьем против жажды, которую мы будем испытывать завтра,— сказал он почти совсем весело, поглощая шампанское, как другие пьют простое пиво. — Да, это такой случай, которого не скоро дождешься: одно мое судно против целой Европы! Да, дружок, если бы не эта мысль о смазке, то я, кажется, готов бы был теперь же пуститься в пляс! Посмотрим, чем-то кончится эта игра!

Затем он еще долго говорил о разных предметах, но так как при этом не касался ни своего прошлого, ни истории своего судна, то меня стало клонить ко сну, и вдруг я увидел, что он внезапно закрыл меня одеялом и загасил лампу.

Я проспал, вероятно, очень долго; когда же проснулся, то время было уже далеко за полдень. В каюте на столе был накрыт стол для обеда, но капитана не было. Умывшись, я пошел к нему наверх, на мостик. Он тревожно расхаживал взад-вперед крупными шагами; при виде же меня на мигнуто приостановился.

— Теперь видите его? — спросил он, указывая мне на длинный винтовой пароход с двумя трубами и тремя мачтами, бывший на расстоянии нескольких миль у нас под левым бортом. — Это английский военный крейсер, переряженный пассажирским судном, — шепнул он мне, — только вы никому об этом не проговоритесь. Он вышел из Портсмута, как я и ожидал!

Это была, конечно, довольно желанная для меня весть, но я принудил себя не выказать своей радости. Между тем судно было еще слишком далеко от нас, чтобы можно было прочесть его название, а по виду скорее походило на пассажирский пароход Восточного общества. Наши люди или не заметили, или же просто не обратили на него никакого внимания. Только один Джон, бывший на мостике и с напряженным вниманием следивший за каждым движением Блэка, раза два заводил свою зрительную трубу на черное судно, видневшееся на горизонте. Он, очевидно, совершенно забыл о вчерашнем происшествии и теперь был почти так же встревожен, как сам капитан.

— Что с ним такое? — спросил он меня, когда капитан отошел немного в сторону. — Выпил он, что ли, лишнее? Я еще никогда не видел его таким!

Мало-помалу и экипаж стал замечать тревож-

ное состояние Блэка и стал стекаться к штурманскому борту. Но Блэк все еще ничего не говорил им, хотя ни на минуту не сходил с мостика, а только грозно кричал каждый раз, когда ход тендера убавлялся хоть на минуту.

— Что он там думает?! Мы не делаем и тринадцати узлов в час! Эй, Джоц, подай звонок «Полный ход» в машину!

Мы прибавили ходу, огромное же судно, переследовавшее нас, стало как будто отставать, к великому моему сожалению.

Весь этот день я и Блэк не сходили с мостика; даже первые ночные вахты мы оставались там, наверху.

Но оказалось, что бы мы ни делали, однако избавиться от докучливого спутника не могли. Наконец я пошел вздремнуть по, когда спустя часа два-три снова вышел на палубу, на рассвете следующего дня вчерашнее судно по-прежнему следовало за нами, как коршун за своей добычей.

— Намерения его ясны как день! — воскликнул Блэк, увидев меня; лицо его горело гневным румянцем и вместе с тем было бледно от волнения и бессонной ночи. — Они рассчитывают захватить нас в открытом море! Сделайте одолжение! Если я не разнесу их в щепки, то пусть меня повесят!

Три дня и три ночи продолжалось это страшное преследование. Под конец третьих суток я был внезапно пробужден ото сна среди ночи громом выстрела из единственного нашего орудия, раздавшимся у меня над головой. Поспешно одевшись, я выбежал наверх. Здесь в первый момент меня совершенно ослепила яркая струя света, падавшая на нас с какого-то судна, которое нахо-

делось на расстоянии не более двух миль у пас-
под штирбортом. Это должно было быть наше
безымянное судно, как действительно и оказа-
лось. Неистовые крики радости и восхищения,
вырывавшиеся из уст экипажа, показали мне, что
я не ошибся в своем предположении.

Вместе с тем повсюду слышались насмешки и
угрозы по адресу преследовавшего нас судна, ог-
ня которого виднелись теперь на расстоянии ме-
нее одной мили.

— Ребята, готовь шлюпки! — раздался голос
Блэка.

Мне начинало казаться, что мы благополучно
достигнем своей неприступной крепости, — общее
радостное построение до того заразительно дей-
ствовало на меня, что я, вместо того чтобы же-
лать схватки, пока мы были еще на тендере, по-
беды над нами, был искренне убежден, что ра-
дуюсь заодно с пиратами.

Но вот английский крейсер показал зубы: с
носовой части его показался огонь выстрела, и
снаряд перелетел через наши головы. Стало ясно,
что неприятель хочет воспрепятствовать нам до-
стигнуть безымянного судна. Эта жалкая, неудач-
ная попытка только возбудила смех и злобные
издевательства среди нашего экипажа.

Когда же второе ядро задело нашу кормовую
мачту, то смех усилился еще больше, хотя мы
не могли отвечать неприятелю, точно так же,
как не могли стрелять и с безымянного судна —
мы находились как раз между ними.

— Спускай шлюпки! — крикнул Блэк и, оста-
вив по более десяти человек на вяттовом парохо-
де, направился к шлюпкам.

Нас отделяло от нашего судна пространство

не более четверти мили, но этот небольшой переезд был крайне опасен. Как только шлюпки тронулись от тендера, наше большое судно моментально загасило свои огни, чтобы дать нам возможность укрыться во мраке ночи. Но теперь преследовавшее нас судно навело на нас свой фонарь и стало стрелять по направлению светового луча. Третий выстрел ударил в пашу переднюю броню, но из восьми человек, спавших в ней, убито только двоих. Блэк в припадке бешеной злобы, потрясая кулаком в сторону неприятельского судна, воскликнул:

— Стреляйте себе, стреляйте! Скоро вы будете кусать себе пальцы!

В этот момент мы уже окликали своих людей на большом судне, и, хотя два других ядра шлепнулись около нас в воду, обдав с ног до головы водой, мы все-таки благополучно взобрались на палубу при громком, торжествующем крике команды.

Для них это был поистине момент великого торжества. Вид этих двухсот человек с их демоническими лицами, шумно толпившихся на палубе безымянного судна, залитой белым светом военного крейсера, и ожидавших приказаний Блэка с несомненной жаждой борьбы, сказывавшейся в каждом их движении, в каждой черточке лица, был до того поразителен и до того захватывающ, что у меня невольно являлся вопрос: а что, если они одержат верх над правительственным судном, что, если этот ловкий и отважный авантюрист еще раз уйдет из рук правосудия?

Между тем на правительственном судне стали заметны признаки беспокойства: они направляли свой световой луч попеременно на все пункты го-

ризонта, очевидно надеясь встретить другое судно, которое могло бы оказать им поддержку. Но кругом расстилалось пустынное море. Мы да английский крейсер стояли один друг против друга среди Атлантического океана...

При всем том нетрудно было заметить, что наше положение не из веселых. Взойдя на мостик, Блэк застал там Карла Ремей, ломавшего руки и слезами выражавшего свое отчаяние. Четвероглавый тоже казался крайне встревоженным.

— Верите ли, сэр, — сказал он, едва только мы успели взойти на судно, — дело у нас совсем плохо, если вы не привезли нам смазки. Все это время мы пускали в ход только две машины, но скоро придется остановить и их, если вы не выручите нас!

Ремей все время отчаянно жестикулировал, что не оставалось незамеченным Блэком. Подойдя к перилам мостика, он громовым голосом потребовал тишины, и разом воцарилась мертвая тишина; слышен был даже плеск волн о киль судна. Двести голов с бледными, как у привидений, лицами смотрели на капитана.

— Ребята! — крикнул он. — Там вы видите правительственный крейсер! Вы знаете, что я не охотник гоняться за военными судами — это совсем не ваше дело, но у нас недостаток в смазке. А машины находятся в действии, и если мы в продолжение суток не добудем масла, то или всех нас вздернут на виселицу, или мы должны взять все масло, какое только имеется у них на судне. Выбирайте сами, ребята!

Ответ был ясен: разбойничья толпа приветствовала речь капитана громким криком, все одновременно хотели идти против крейсера и разгро-

мить его вконец. Но не успел еще затихнуть этот воинственный крик, как наш вахтенный прокричал:

— Смотри за корму! Торпеда!

Остальные подхватили этот крик, и по судну разнесся возглас: «Торпеда! Торпеда!»

Действительно, на поверхности моря в полосе света крейсера с минуты виднелась узенькая полоска пенящейся воды.

В следующий затем момент крейсер загасил свои огни. Но следить за ходом торпеды было уже нетрудно; на минуту у каждого из присутствующих замерло сердце.

— Полный назад! — крикнул Блэк. Но маленький черный смертоносный снаряд шел следом. Все быстрее и быстрее уходило безымянное судно, но и торпеда не отставала; казалось даже, что она вот-вот ударится в самую середину судна.

Первое напряжение этого момента было до того сильно, что все как будто оцепенело, в ожидании неизбежного рокового удара. До меня доносились страшные проклятия экипажа, трусливые жалобы и крики Ревущего Джона и богохульные речи Дика. Я знал, что из всех здесь собравшихся только один Блэк сохранял спокойствие духа и свой светлый ум, и, когда смертоносная пенящаяся головка торпеды была уже не более, как в десяти саженях от нашего судна, я взглянул на него, и в этот страшный момент вся сила воли и железного характера этого человека проявилась во всем своем могуществе. В течение нескольких минут он оставался неподвижен, не спуская глаз с торпеды, затем вдруг крикнул:

— Круто право руля! — И руль сильным
шагом повернулся совсем направо. Послушное
громадное судно сделало плавный поворот, опи-
сав резкий полукруг, и в то время, как все мы,
забив дыхание, ждали, торпеда прошла прямо у
нас под носом на расстоянии одного волоска. С
минуту все молчали точно остолбеневшие, затем
громкие крики радости огласили воздух: люди
не помнили себя от восторга, плакали, как дети,
обнимали друг друга.

— Эй, Дик, отплати-ка им за гостинец, не то
я велю самого тебя отодрать! — сказал Блэк.

На это Дик, теперь совершенно пришедший
в себя, отвечал:

— Слушаю, капитан! Если я не зарежусь в
самые их кишки, то прикажи дать мне шесть
дюжин плетей!

— Все по местам! — крикнул капитан. —
Пусть ни один не показывается, пока я не по-
зову. Да смотрите, кто не будет биться на жизнь
и смерть, пусть заранее знает, что будет пове-
шен!

На палубе с минуту продолжалось движение
и толкотня; люди поспешно расходились кто к
башенным орудиям, кто в склады и магазины
запасов.

До настоящего времени Блэк, казалось, не за-
мечал моего присутствия. Но теперь он, обернув-
шись ко мне, увлек меня за собой в глухую верх-
нюю башню. Это была небольшая круглая ком-
ната, выложенная внутри листами стали, с не-
большим оконцем, дававшим возможность видеть
то, что делалось вокруг. Здесь находились элек-
трические кнопки, дававшие возможность под-
держивать сношения с машиной, рулем и со все-

ми башнями судна, а также с магазином. Сидя в этой металлической башенке, можно было управлять битвой, длившейся всю ночь и весь следующий день.

— В эту ночь мне придется постоять за себя, — говорил этот отважный вождь пиратов, обращаясь ко мне, — постоять за себя и своих людей всем, чем могу и как могу. А так как ваши глаза сильнее моих, то я одолжу их у вас на этот раз: теперь у меня все стоит на карте. Один этот курятник там, под правительственным флагом, был бы не страшен для меня, но, поверьте, за ним стоят еще другие, помощь недалеко. Но я хочу отрезать их от этой помощи, и как можно скорее. Встаньте вот здесь и наблюдайте за морем; я буду направлять световой луч! Ну что? Видите что-нибудь? — стал спрашивать он меня потом, освещая поочередно отдельные части горизонта.

— Нет, я не вижу решительно ничего нигде: по-видимому, этот крейсер один!

— В таком случае помощи ему Бог, хотя у нас сейчас работают только две машины! Теперь следите за выстрелом! — добавил он и направил свет на английский крейсер, который продолжал обстреливать своим светом весь горизонт, очевидно поджидая помощи. Но в этот момент наше судно содрогнулось от выстрела нашего бортового орудия, крейсер тоже содрогнулся, и его огонь, ярко вспыхнув, разом угас.

— Вот так, выстрел! — воскликнул я. — Мне кажется, вы попали ему как раз позади трубы! Ну да, вы им просто снесли трубу!

Но лицо Блэка оставалось невозмутимым.

— Дело руля! —
...к неприятелю
...или, очевидно
...подал звонок
...дало оглуши
...неприятеля.
— Если будет е
...выпять ему д
...по-видимому,
...то под самую
...сия сгару с т
...ей себе, у нас
...шивки! Что
...ко как будто п
...также минуты!
...снова сдела
...приятелю. Оди
...йсера, а друг
...те.
...естного выстр
...было, как с
...ательском суд
...уравейник, па
— Ах, будь у
...ил все простра
...ал! Что они та
...и милый мой
...ате мне? Что,
...атнал?
— Нет, они не
...не ослыш
...от пары? Не
...мы возьмем о
...думают пресл

— Лево руля! — скомапдовал оп, и мы обра-
тили к неприятелю наши кормовые башни. Там
начали, очевидно запятые своими авариями.
Евк подал звонок в башню, и наше кормовое
дало оглушительный выстрел, по ядро не
дело неприятеля.

— Если будет еще один такой выстрел, я ве-
сесыпать ему дюжину палок! — проговорил
Евк, по-видимому, совершенно спокойно. — Нас
дарило под самую башню, — продолжал оп, за-
куривая сигару с тем же невозмутимым видом, —
дускай себе, у нас тут двенадцать дюймов сталь-
ной обшивки! Что вы не курите? Возьмите сига-
ру, это как будто придает бодрости! Я всегда ку-
рю в такие минуты!

Мы слова сделали поворот и открыли огонь
по неприятелю. Один выстрел разнес вторую тру-
бу крейсера, а другой сбил со стаика их переднее
орудие.

Ответного выстрела не последовало, только
видно было, как страшно засуетились люди на
неприятельском судне; вся палуба его кишела,
как муравейник, народом.

— Ах, будь у меня смазка, я бы, кажется,
очистил все пространство от Нью-Йорка до Куни-
стоупа! Что они там делают, эти оборванцы? Бо-
же мой, милый мой мальчик, что же вы ничего не
говорите мне? Что, они поддают пары или пода-
ют сигнал?

— Нет, они не поддают никаких сигналов!

— Я не ослышался? Вы говорите, что они
поддают пары? Не может быть! Хм, да, вы пра-
вы... Мы возьмем его смазку, а тогда пусть те, что
еще думают преследовать меня, держат ухо во-
стро!

С этими словами Блэк вышел на мостик; я последовал за ним.

На расстоянии менее полумили под штурботом, то есть под правым бортом, беспомощно держался на воде искалеченный крейсер. Под световым лучом нашего рефлектора ясно было видно, как там суетились люди, другие, как безумные, бегали с бака, как будто и там им грозила опасность.

— Ну же, капитан, отправляться на это судно? — спросил Ревуидий Джон. — Судя по его виду, мы с ним покончили! А если вы промешкаете хоть немного, то вам не добыть их масла!

Между тем наш инженер-механик доходил до полного отчаяния, видя, как истощались последние запасы его масла. Он теперь бегал от одного к другому, как будто у нас в карманах были куски пужного ему жира. Блэк все это видел, но по-прежнему сохранял свой невозмутимо-спокойный вид.

— А ты совсем уверен, Джон, что мы с ним покончили? — спросил он, обращаясь к гиганту.

— Я так полагаю, а то чего же он молчит? Пошлите меня к черту, если оно может еще встряхнуться, это дырявое лукошко!

Едва он успел договорить эти слова, как оба кормовых орудия крейсера почти одновременно дали по выстрелу. Одно ядро пролетело как раз через нашу группу и как пожар разрезало пополам несчастного Джона, а всех нас обрызгало его кровью и клочками мяса; рука его еще дико дергивалась в воздухе, и лицо конвульсивно поворачивалось; я невольно отвернулся. Второе ядро слегка задело крышу башни и, перелетев, упало в море.

Все под прикрытием большого орудия снова вернулось в тень горизонта своего на самом краю того, что нам на этот счет казался вторым! Немер второй! Спокойно. — Это так вот, милый! Шагнуть у этого крейсера через десять миль и надеяться не на

XX
Немой

он повернул руль и встало так, что орудием обезоружен. Он хотел с ним докончить с помощью орудия. От него не удалось. Он не успел оп отогнать и оглушить большого. Огромный ударил по судну, в самый центр, но нам не было разб

— Все под прикрытием! Я дам им попробовать
нашего большого орудия!

Мы снова вернулись в стальную башню, и наше судно тронулось вперед, постепенно освещая все части горизонта своим световым лучом. Вдруг далеко на самом краю горизонта какое-то судно ответило нам на этот световой сигнал.

— Номер второй! — промолвил Блэк совершенно спокойно. — Это уже несомненно военное судно! Так вот, милый мой, если нам не удастся захватить у этого крейсера весь их запас масла, то через десять минут читайте молитву: больше нам надеяться не на что!

XXIII

Немой заговорил

Блэк повернул руль, и наше судно, описав поворот, встало так, что при желании могло ударить тараном безоружный крейсер, но Блэк не этого хотел. Он хотел окончательно уничтожить это судно и докопчить его целым градом картечи из главного орудия. Отложив в сторону сигару, он подошел к одному из рупоров и отдал свое приказание Дикку.

Еще не успел он отойти, как по башенке произошло сотрясение и оглушительный раскат выстрела из нашего большого 29-тонного орудия прогремел в воздухе. Огромный снаряд с пронзительным свистом ударил в самую середину неприятельского судна, в самые магазины. С минуты мы ожидали, но нам не ответили: главное орудие неприятеля было разбито, кругом валялись трупы

артиллеристов и прислуги. Блэк снова взял свою сигару и подал два звонка к малым орудиям.

— Спрысните их теперь картечью; у них ведь нет прикрытия! Надо с ними покончить и отобрать у них масло, прежде чем тот успеет подойти! Не то нам несдобровать!

Наше судно стремительно двинулось вперед; в следующий момент мы были менее чем в 15 саженях от победленного неприятеля и открыли по нему смертоносный огонь картечью. Наши люди находились под прикрытием, тем не менее, когда крейсер ответил из своего маленького бортового орудия, несколько человек упало: крики, стоны и проклятия донеслись даже до нас.

Ничего подобного я никогда не видел: и у нас, и на том судне живые, убитые и раненые — все это смешалось в одну груду. Стои и вопли стояли в воздухе, а безжалостная картечь продолжала градом сыпаться.

— Пусть поглотают свинца-то, алчные коршуны, я бы одним выстрелом пустил их ко дну, если бы не их масло. Но дело в том, что они не одни!

Да, это была правда. Я все время не переставал следить за светлой точкой на дальнем краю горизонта, видел, как появился вдали, словно звезда на темном небосклоне, другой огонь, и знал, что это уже второе военное судно, а когда снова взглянул, то заметил еще и третий огонь. Но у меня не хватило духа сказать об этом Блэку. Нам собирались окружить и отрезать путь и отступлению. Опасность возрастала с каждой минутой, но крейсер все еще не спускал флага, хотя и слабо, но отвечал на наш огонь. Между тем огни становились все яснее и яснее. Блэк то-

к снова взял свою
лым орудиям.
течью; у них все
покончить и от-
тот успеет подо-
пнулось вперед;
нее чем в 15 са-
и открыли по
ю. Наши люди
не менее, когда
кого бортового
крики, стопы и

видел: и у нас,
раченные — все
вопли стояли
продолжала

чные коршу-
ко дну, ес-
что они не

не переста-
ишем краю
ли, словно
й огонь, и
ю, а когда
тий огонь.
этом Блэк
зять путь
с каждой
л флага.
Мажу
Блэк го-

я видел их, и вдруг сигара вышла у него изо
рта, а с уст сорвалось восклицание:

— Вам следовало сказать мне об этом! Те-
перь я вижу уже три огня. Это означает, что це-
лый флот соберется сюда. Впрочем, я так и знал!
Ну что же, рискну еще раз, как рисковал рань-
ше! Если мне удастся заставить их сдаться од-
ним выстрелом — дело наше еще может быть вы-
играно!

Затем он дал подробное наставление, когда и
куда стрелять, и, как только мы встали в надле-
жащее положение, наша артиллерия дала послед-
ний залп по злополучному крейсеру, причем наш
разрывной снаряд ушел прямо в машину. Громад-
ное облако дыма и пара вырвалось паружу и за-
стало на мгновение всю палубу. Стрельба из
маленьких орудий крейсера совершенно прекра-
тилась; мы вышли на палубу, где люди уже го-
товили шлюпку.

— Эй, Четвероглазый, возьми шлюпку и пя-
терых людей, — этого будет достаточно, заберите
там все масло, какое пойдете. Да живо, если хо-
тите остаться целы! — сказал Блэк, увидав, что
на крейсере спустили флаг.

Я стоял на галерее, следя за нашей шлюпкой,
которая стрелой домчалась до крейсера, но там
все были так заняты своими делами, что Чет-
вероглазому долго пришлось окликать, прежде
чем его поплы и приняли на судно, где теперь
всем распоряжался очень молодой офицер, так
как старшие в чине были или убиты, или ранены.
Наших людей никто не остановил, и те распоряжа-
лись там, как хотели. Нам с галереи было видно
все как на ладони. Вдруг Блэк заметил, что кор-
ма крейсера стала быстро подниматься над водой,

а бак в то же время погружаться в воду. На крейсере торопливо спускали шлюпки, оставляя раненых и спасая только свои шкуры. Но Четвероглазый и его товарищи не показывались на палубе. Блэк приходил в бешепство. Между тем другие суда заметно приближались. Для этого железного человека это был вопрос жизни: если крейсер пойдет ко дну, а пираты не успеют спастись, — без необходимого масла, то его непобедимое судно неизбежно будет окружено военными судами. Капитан нервно расхаживал взад-вперед по мостику, и временами у него вырывались такие фразы:

— Да отчего же их нет?.. Что они делают?.. Видите, это судно не продержится на воде и пяти минут!..

— Бога ради, Дик, дай им знать, чтобы они спешили, время не терпит... Эй, вы там, слышите? Хотите дожить до завтрашнего дня или нет? Ребята, видите вы эти огни? Это военные суда, высланные за нами! Нам надо уходить от них, но мы не можем двинуться с места, так как у нас нет смазки, нет ни галлона! А эти негодяи прохлаждаются там! О чем только они думают? Эй, Дик, дай по ним выстрел!

Дик только что собрался что-то ответить, но слова замерли у него на губах: в этот момент на палубе показались наши люди; как сумасшедшие, бросились они к своей шлюпке, и, едва только успели оттолкнуться багром, как громадное судно колыхнулось и затем разом, точно камень, пошло ко дну.

Одновременно с этим мы увидели, что три больших бронепосада полным ходом шли прямо на нас. Между тем наша шлюпка уже пришла к

Блэк перетнул...
...его волю...
...вы место...
...капли! — при...
...это, желе...
...как стальная...
...друг отпусти...
...его Карлу...
...велик...
...спокойств...
...сигару, затем...
...оба эти чел...
...ложения в эт...
...себе силу ост...
...сигару,
...а Блэк ве...
...последовал...
...Вот, милый...
...он ко м...
...прос: что ста...
...Теперь м...
...потремлем их...
...судено переж...
...Что же, в...
...я.
...Да, по с...
...нам во...
...как зна...
...зависит от с...
...меня в...
...своей до...
...победа...
...сигар...
...вой...
...Пембер...

Блэк перегнулся через перила и хриплым от душившего его волнения голосом крикнул:

— Добыли вы масло?

— Ни капли! — прозвучал чей-то ответ.

Услышав это, железный человек вдруг выпрямился, как стальная пружина, которую нажали и затем вдруг отпустили, и обернулся к стоявшему подле него Карлу. В эту минуту Блэк был действительно велик и могуч; я никогда не забуду, с каким спокойствием и равнодушием он достал сигару, затем предложил Карлу и мне, после чего оба эти человека, поняв весь ужас данного положения в этот критический момент, нашли в себе силу оставаться совершенно спокойными.

Закурив сигару, Карл медленно спустился в машинку, а Блэк вернулся в стальную башенку, куда и я последовал за ним.

— Вот, милый мой мальчик, что я скажу, — обратился он ко мне, — мне часто приходил на ум вопрос: что станет в конце концов с этим судом? Теперь мы с вами узнаем это! Но мы еще потреплем их, сколько можно, если уж нам не суждено пережить их!

— Что же, вы намерены уходить от них? — спросил я.

— Да, но с двумя машинами далеко не уйдешь; нам во всяком случае придется сражаться! Ну и как знать? На море то же, что и на суше, все зависит от счастья... Если я стану уходить, они нагонят меня в десять минут, но все-таки мы исполним свой долг и сделаем все, что возможно, чтобы победа не досталась им дешево. А теперь возьмите сигару и выпейте немного горькой содовой!..

Я последовал его совету. Но его удивительно-го спокойствия у меня не было. Я знал, конечно, что если безымянное судно будет захвачено японскими судами, то я буду опять свободен. Но чем будет куплена моя свобода? Гибелью этого бесподобного, несравненного судна, ценою жизни многих людей!

— Мы обессилены и лишены возможности маневрировать, — продолжал Блэк, — и я сообщил Карлу свои распоряжения: это судно, которое я построил и любил, как свое родное дитя, не останется никакому живому существу, а пойдет ко дну. Но прежде все мы вместе с ним взорвем себя! И что тут страшного? Всякий человек должен умереть. Так пусть же он сам приготовит себе эту смерть! Понятно, мы будем держаться до последней крайности, пока нас только хватит, а затем наполним все цилиндры водородом и взорвем себя! Но я замечаю, что вы не курите!

Его слова прозвучали для меня, точно смертный приговор. Я взглянул в оконце и увидел ближайший от вас бронеборт на расстоянии всего каких-нибудь двух миль, два других делали обход, чтобы отрезать нам путь к отступлению. При таких условиях, когда безымянное судно могло проявлять все свои силы, мы могли бы только посмеяться над усилиями этих бронеборт, мы улетели бы у них из-под носа, как улетаet птица из-под рук ребенка. Но теперь наше судно не могло делать более 16 узлов в час; кроме того, каждую минуту могла прекратить свое действие и вторая машина.

Под утро я некоторое время думал, что мы все же несколько уходим от неприятеля, а преследовавшие нас суда, очевидно, считали бесполезным

отрывать по нам огонь на таком расстоянии. Судя по громадным султанам густого дыма, можно было с уверенностью сказать, что они всячески старались усилить свой ход.

Так продолжалось все утро. Наши люди при-
тихли и присмирели. Блэк курил сигару за сига-
рой с напускным равнодушием. Карл не раз при-
ходил к нам с жалобами и отчаянными жестами,
и только далеко за полдень, когда мы с капитаном
спустились в кают-компанию, якобы для того,
чтобы позавтракать, положение несколько изме-
нилось.

Мы сидели втроем за столом — капитан Блэк,
Четвероглазый и я, через силу перекладываясь
шутками и выражая совершенно невероятные на-
дежды. Прислуживавший за столом негр каждую
минуту посылался наверх, чтобы осведомиться,
в каком положении находимся мы и далеко ли
еще броненосцы.

На пятый, кажется, раз негр вернулся с ра-
достной вестью:

— Вы уходите от них, сэр, далеко уходите!
Они совершенно отстают.

— Неужели?! — воскликнул Блэк, вскочив со
стула и, как мальчик, взбежал по лестнице, чтобы
убедиться в справедливости известия.

— Да, да, мы уходим от них! — крикнул он. —
Откупорьте еще бутылку и дайте негру за добрую
весть!

Его радость и оживление были заразительны.
Даже Четвероглазый очнулся от своего сумрач-
ного состояния и одним духом опорожнил целый
азбап вина. Негр, приятно осклабившись, протя-
нул свой стакан. Сам капитан взял бутылку, что-
бы налить ему, но бутылка так и осталась у не-

го в руках; в этот момент страшное сотрясение
прошло по судну, слышу раздался оглушительный
шум, треск, свист, затем вдруг наступила мерт-
вая тишина.

— Вторая машина лопнула! — совершенно
спокойно произнес Блэк. — Этого надо было ожи-
дать!

Мы вышли наверх на палубу. Экипаж тол-
пился и ронял, проклиная машину, инженера и
судьбу. А Фридрих, старший сын механика, сидел
на лесенке, ведущей в машину, закрыв лицо ру-
ками, плакал, как ребенок.

Теперь мы не делали уже и 10 узлов, а между
тем передний бронепосец подползал к нам все
ближе и ближе. Остальные два были еще далеко.

— Они подают сигнал, что желают явиться к
нам на судно! — доложил Четвероглазый.

— Скажи, что мы раньше скрутим их в ба-
рабий рот! — отвечал Блэк и, приказав позвать
к себе Карла, стал объяснять ему что-то шепотом.

— Если так, сэр, — сказал Четвероглазый, —
то они сейчас же откроют по нам огни!

На этот раз Блэк подумал прежде, чем отве-
тить. Четвероглазый был действительно прав.

— Ну, так поразговаривай с ними, а мы по-
дойдем к ним поближе да послушаем их рассказ-
ни! — ответил капитан с чисто дьявольской ус-
мешкой и заставил меня войти в верхнюю башен-
ку. Бронепосец уже считал нас, по-видимому, со-
вершенно в своей власти и продолжал подходить
к нам, так что вскоре очутился в каких-нибудь
ста саженях от нас. Я выглянул в окно и увидел,
что у нас на палубе не было ни души и что ма-
шина наша совсем не работает. Но вот раздался
резкий звонок, и в машине послышался страш-

ный скрип, лязг; могучим взмахом наше судно
сделало оборот и затем, неся воду, нос его стал
погружаться постепенно под воду, направив свой
таран прямо на неприятельское судно. С ревом и
рычанием, точно рапеный зверь, наше судно
устремилось вперед навстречу своей гибели. Вдруг
страшная мысль Блэка стала мне ясна: он хотел
потопить броненосец своим тараном. Я никогда
не забуду этого страшного момента. Вцепившись
во всех сил в скамью, приделанную к стене
стальной башни, я ожидал, когда раздастся
страшный удар, и секунды мне казались часами.
И вот послышался под водой как бы глухой удар
грома, я упал на стальной пол башенки; стены
ее как будто пошатнулись, крыша покривилась;
в ушах у меня стоял какой-то страшный шум.
Клубы пены захлестывали окна. Шум, треск, кри-
ки, вопли и проклятия — все это слилось в один
общий хаос звуков. Вдруг Блэк распахнул дверь
башенного помещения и вытащил меня просто за
поворот на палубу.

— Посмотрите! Да посмотрите же! — скреже-
тал он не своим голосом сквозь сжатые зубы. —
Ведь они идут ко дну, эти бродяги! Ведь каждый
из них полетит к чертям! Ха! Ха! Да взгля-
ните вы на эти лица! Мрите, мрите, жалкая
чрась, бессильная мошкар! Ребята, слышите, как
они орут и молят о пощаде?

Никто не в состоянии себе представить подоб-
ного ужасного зрелища. Мы ударили броненосец
самую середину киля, где броня всего тонь-
ше. В первый момент громадное неприятельское
судно легло набок, так что все его орудия, со-
кочив со станков, полетели в море; экипаж же с
криком отчаяния цеплялся за что попало, чтобы

не скатиться вслед за орудиями. С минуты бросе- носец оставался в этом положении, затем, тяжело перевернувшись, пошел ко дну.

Только человек сорок несчастных матросов еще боролись в волнах; некоторые подплывали к нашему судну с мольбой о пощаде, но наши люди добивали их выстрелами из ружей, другие тонули быстро, призывая имя Бога.

Мы же оставались неподвижны с рассеченным от удара носом. В машине стоял настоящий со- дом; наши люди положительно охмелели от вида крови и сознания своего отчаянного положения. Остальные два бронепосада были еще далеко, но паугад открыли по нам огонь; из трех первых их снарядов два заделали нашу палубу, щепки полете- ли во все стороны. Но вслед за пятым выстрелом последовал страшный треск снизу, и люди выбе- жали наверх, крича, что в трюме на три фута воды. Остальной экипаж принял это известие с глухим ропотом, затем посыпались проклятия, и все пираты, подобно разъяренным зверям, устре- мились на Блэка, не слушая его приказаний. То- гда он, стоя против них с заряженным револьве- ром в руках, стал убивать их одного за другим так же спокойно, как если бы отдавал самые обыкновенные приказания; я же искал спасения в стальной башенке. Разбойники свирепели все сильнее, сознавая, что скоро всему копец, и с ка- ким-то озлоблением нажились на спиртные на- питки. Теперь большинство из них было пьяно до последней степени; некоторые имели при себе ог- нестрельное оружие. Кто-то выстрелил в Блэка почти в упор, но спяну промахнулся; мою же башенку положительно бомбардировали целыми залпами ружейных выстрелов.

Некоторые в припадке пьяного безумия ки-
нулись прямо в море и топили, другие преследо-
вали злополучного Четвероглазого, желая выме-
стить на нем свою злобу за то, что он не сумел
добыть смазки, которая могла спасти всех их от
гибели. Озверевшие люди стали наносить ему
удары пожамми всюду. куда попало, пока он на-
конец не упал у самой двери башенки. Мы с ка-
питаном втащили его в башню, но помочь не-
счастному уже не могли: он тут же и умер со
словами:

— Помогли мне, Господи! Если бы мне приве-
лось умереть на родной стороне, было бы легче на
душе!

Тем временем оставшаяся у нас машина про-
должала работать, а громоздкие броненосцы так
медленно подвигались вперед, что все уже было
кончено, прежде чем они успели подойти. Вдруг
пираты устремились к шлюпкам и без всякого
распоряжения стали спускать их, убивая друг
друга, как дикие звери, устремляясь десятками
на одну шлюпку, которая тут же тонула на гла-
зах у всех. Крик, гам, проклятия гулом стояли в
воздухе. Даже два сына нижепера, поддавшись
общей панике, бросились к шлюпкам и потопили
вместе с другими. Мы с капитаном молча следя-
ли, как отваливали шлюпка за шлюпкой в потом
одна за другой переворачивались и как топили
люди. Одним из последних погиб Дик со страш-
ным богохульством на устах. Когда пробило
шесть часов пополудни, на безымянном судне ос-
тавались только трое живых людей: Блэк, Карл
и я. Кругом водарила мертвая тишина могилы,
и вдруг среди этой давящей тишины раздался
ужасный треск и громкий крик нижепера, к кото-

рому в этот последний страшный момент вернулась способность владеть языком.

Блак схватил меня за руку и проговорил: — Милый мой мальчик, они не оставили нам ничего, кроме маленького ялика! Судно это погибло, и вам пора уходить с него, дольше мешкать нельзя!

— А вы? — спросил я.

Он взглянул на меня и на Карла; я знал, что он хотел умереть вместе со своим судном, но то магнетическое влияние, какое имело на него мое присутствие, и на этот раз одержало верх, и он медленно, точно человек, действующий в полусне, последовал за мной на корму, где помог мне снять с бакалцев последнюю лодку, забытую пиратами в момент охватившей их паники и безумия. Затем этот железный человек так же медленно, как бы нехотя сходил в свою каюту и принес оттуда ящик вина и ящик сухарей, а я притащил два бочонка пресной воды. Все это мы поставили в лодку.

На эти приготовления у нас ушло с полчаса времени. Когда все было готово, Блак спустился вниз, в машину, и притащил за собой наверх, на палубу, Карла. Но ни уговоры, ни угрозы, ни мольбы Блака не могли убедить гениального немца покинуть безымянное судно, создание его гения.

— Он хочет умереть вместе с судном, и, право, мне кажется, поступает хорошо! — проговорил Блак и протянул своему верному товарищу руку. После долгого пожатия они молча расстались. Мы на своей утлой маленькой лодочке очутились среди Атлантического океана. В тот самый момент, когда мы только что оттолкнулись багром от своего судна, первый из броненосцев дал вали

по заряд
Карл пус
ярко вспыхн
взрыв.
небо на про
став в ясный
На мгновение
водой и за
над морем
памяти во
— страшное
в жуткий
видел в
и у меня
дело его до
Блак же, уцепи
рыдал в по
— О, мое судно
горе этого
самое че

Стра
Не знаю, в
вашего
развязки та
только пикт
которое время
топли далек
вашего полёте
что не те
Правда,

но ему, по заряд пропал бесцельно, так как в это время Карл пустил водород во все цилиндры, и при ярко вспыхнувшем пламени произошел страшный взрыв. Яркое зарево огня осветило море и небо на протяжении нескольких миль, превратив в ясный день только что наступившую ночь. На мгновение золотая крепость приподнялась над водой и затем разом пошла ко дну.

Пока над морем разливалось красное зарево, в моей памяти воскресла другая подобная же картина — страшное зарево пожара яхты «Ля Франс» и жуткий образ мертвого лица Холли, который видел в своем деле всемогущий перст Божий, и у меня невольно мелькнула мысль, что теперь дело его доведено до конца.

Блэк же, уцепившись обеими руками за борт лодки, рыдал в порыве безумного горя и отчаяния:

— О, мое судно! Мое судно!

И горе этого железного человека могло бы тропуть самое черствое, самое каменистое сердце!

XXIV

Страница из жизни Блэка

Не знаю, вид ли ослепительного зарева и взрыва нашего судна или неожиданность подобной развязки так озадачили экипаж бронепосада, но только никто там не заметил нас, хотя они некоторое время держались вблизи. Когда же они отошли далеко и ночь пала на море, весь ужас нашего положения вдруг сразу охватил нас, тем более что ветер все крепчал и волнение усиливалось. Правда, к Блэку вернулось его обычное са-

...мани
...анское
...силы,
...не пр
...ких ча
...около п
...п море
...небол
...бы —
...могли д
...и помн
...теанис.
...жили
...сколько
...с боль
...будь пас
...к себе.
...спокойн
...таким
...ль, когда
...— Смот
...дьячк! В
...дний раз
...— Я см
...ль и па
...— Да,—
...и молод
...есь жин
...т, возм
...он буд
...оба ос
...их.
...— Но
...ль, — а
...тно на

моглоблание, и он пил глоток за глотком дорогое шампанское, как бы для того, чтобы поддержать свои силы, но, несмотря на это, упорно молчал, не проронив ни слова в продолжение нескольких часов.

Около полуночи с юга стала подвигаться гроза, и море начало волноваться сильнее. Налетел хоть небольшой шквал, нашей лодке несдобровать бы — и так ее сильно заливало. Мы оба промокли до костей; ослепительные молнии сверкали поминутно. Но Блэк продолжал храпеть молчанием. Только когда взошло солнце, оба мы положили весла и заснули на час-другой. Сон несколько восстановил наши силы, и мы теперь уже с большей надеждой стали ожидать какого-нибудь пассажирского судна, которое бы приняло нас к себе. Проснувшись, Блэк казался совершенно спокойным и часто подолгу смотрел на меня с таким выражением, с каким смотрел в тот день, когда спас меня от своей команды.

— Смотрите, смотрите на восход, милый мой мальчик! Ведь, может быть, вы видите его в последний раз! — вдруг проговорил он.

— Я смотрю, только этот восход сулит мне жизнь и надежду! — ответил я.

— Да, — продолжал он задумчиво, — вы еще так молоды и потому можете надеяться, что остаетесь живы, а я? Так вот, если меня не станет, возьмите вот этот пояс, который теперь на мне; он будет вам полезен там, на берегу; если же мы оба останемся живы, то он выручит нас обоих.

— Но ведь мы на пути пассажирских пароходов, — заметил я, — зачем же смотреть так мрачно на будущее? Бог даст, нас заметят!

— Да, для вас это так, а мое сердце, моя душа ушли вместе с моим судном! Другого подобного мы никогда более не увидим!

— Вы сами построили его?

— Да, я построил его, когда восстал на людей и весь мир; и приведись мне опять начать сначала, я сделал бы то же самое!

— Что вас заставило решиться на такое дело? — спросил я. — Вы, вероятно, много пережили в своей жизни?

Блэк передал мне кружку с вином и несколько штук сухарей, и когда я взглянул на него, то заметил, что лицо его помертвело. Он ничего не сказал мне, но сидел в продолжение нескольких часов молча, неподвижно вперив стеклянный взор куда-то вдаль.

— Я много пережил и испытал в своей жизни, — наконец проговорил он спустя несколько минут, — и мальчиком, и мужчиной. Моя жизнь была адом. Одному Богу известно, что я перенес...

Я молчал, держа в уме только одну мысль: доживем ли мы до следующего дня? Он же теперь как будто находил облегчение, высказываясь, и потому, согреваясь вином, продолжал:

— Я был пасынком бессердечного, бессовестного, бесчеловечного негодяя. Моя мать умерла три месяца спустя после того, как стала его женой; тогда я был бессилен, но, попадись мне теперь этот человек, я раздавил бы его череп в своих руках, как вот этот сухарь! Мне страшно вспомнить, как он истязал ее, как издевался над ней. Но это не относится к делу! Знаете ли, что такое нуждаться в куске насущного хлеба? Что значит голод, день за днем? Нет? Так вы не можете себе представить, каково жить в течение бо-

сердце, моя
другого подоб-

стал на людей
пачать спа-

на такое де-
го пережгли

и несколько
него, то за-
ничего не
нескольких
стеклянный

своей жиз-
несколько

Моя жизнь
я перевес...

ну мысль:
Он же те-

высказыва-
олжал:

бессовест-
ать умерла

ла его же-
сь мне те-

о череп в
е страшно

свался над
те ли, что

тебя? Что
вы на мо-

дес двух лет на одних оглодках и отбросах, а я
так жил у себя, в Глазго, на роднине, затем жил
так и на западе, и в Колорадо. Мне не было еще
тринадцати лет, когда я покинул Шотландию,
отплыв на «Савипа» в Монреаль, а затем в Рио
[Рио-де-Жанейро] и оттуда в японские воды. Я
плавал так в течение трех лет, потом бежал с
судна в Фриско [Сан-Франциско]. К этому вре-
мени не было такой нищеты, гадости и подлости,
присущих людям, которых бы я не знал, по вме-
сте с тем из меня за это время выработался об-
разцовый моряк.

Парусное ли судно или паровое, я мог спра-
виться лучше всякого другого как с тем, так и
с другим. И вот я поступил на судно, курсиро-
вавшее между Фриско и Йокогамой, и тут зара-
ботал добрый грош. Два года спустя я вернулся
в Европу и стал вести торговлю между Сусам-
птоном и Буэнос-Айресом. В последнем городе я
встретил свою жену. В Мадриде мы повенчались;
она была из богатого, знатного рода; семья ее
презирала меня; она же была тогда просто девчу-
рочка, никогда не знавшая не только пужды и
лишений, но жившая всегда в непомерной и
безрассудной роскоши, а со мной она стала голо-
дать, холодать, и не месяц, не два, а целые годы!
Ах, Боже правый! Страшно вспомнить, что бы-
ло. Это прелестное маленькое существо из-за
меня терпело всякое унижение, всякий позор, го-
лод и холод — ведь я был тогда негодяй, горький
пьяница, я мог бы работать, как и всякий дру-
гой, мог бы зарабатывать хорошие деньги! А я
только пьянствовал — пил до потери рассудка, до
полного умопомешательства. Неудивительно, что
скоро мы пали так низко, так низко, как послед-

ние нищие, бездомные бродяги. Как и чем мы жили, я сам не знаю, но после нескольких лет такой жизни я заработал на проезд в Нью-Йорк, и там у меня родился сын. Когда он вырос, он был весь в вас. Цвет волос, ваши глаза... Вот почему я не дал убить вас, когда вы попали ко мне на судно!

Блэк говорил тем нежным, ласковым тоном, который был ему иногда свойствен, и при этом взял мою руку и крепко пожимал ее, и я вдруг почувствовал, что там, где-то в глубине души этого человека, таится родник живой воды, — открылся в нем этот родник, пробудив былые чувства и дорогие воспоминания, — и этому я был обязан своей жизнью.

— Да, — продолжал Блэк, не спуская с меня глаз и продолжая пить вино большими глотками, — да, мой мальчик был такой смелый и решительный; не было человека более хладнокровного. Но не мне он был обязан всем этим, так как в течение половины его жизни я был мертвецки пьян, а когда бывал трезв, то большую часть времени отсиживал в тюрьме за то, что наделал во хмелю. Ему было около двадцати, когда со мной вдруг совершился переворот. Он стал зарабатывать деньги и приносить их домой, стал любовно увещевать меня, и я, глядя на него, прислушиваясь к его словам, решил побороть в себе этот страшный порок. Не прошло года, как я совсем переродился, стал новым человеком; рассудок мой вернулся ко мне, и я вдруг осознал все, что мог бы и должен был сделать для этих двух существ, которые делали для меня больше, чем кто-либо когда-нибудь делал для другого человека, но чего я не сделал для них. Я все это осознал и понял, и можете себе представить, до чего я вы-

только депил этого мальчпка, до чего он был дорог
мне. Было время, когда я с такой жгучей болью
сознавал свою вину перед ними, этими двумя свя-
тыми существами, что был готов тут же покон-
чить с собой, и, вероятно, так бы я и поступил,
если бы в моей жизни не произошел в это время
новый переворот. Мы дошли в это время до край-
ней нищеты: сын мой работал в это время у не-
коего Мика Ливестона, владельца небольшой па-
роходной линии между Бостоном и Баханасом;
во дела последнего поплатулись, так что мой
мальчик, зарабатывавший раньше весьма поряд-
очные деньги, теперь едва стал выручать на-
столько, чтобы прокормиться самому, и принуж-
ден был оставить свою мать всецело на моем по-
печении. В это время судьба столкнула меня с
человеком, отправлявшимся в Мичиган отыски-
вать медную руду; он стал звать меня с собой,
обещая мне по десять долларов в неделю. Я по-
раздумывал об этом и, уговорившись с Ливес-
тоном, что он будет выдавать моей жене и сыну
в течение шести месяцев достаточную сумму,
чтобы они могли жить, не нуждаясь в необходи-
мом, согласился ехать в Мичиган, а год спустя
уже был богатым человеком. Все это время я ни
на минуту не поддавался своему старому поро-
ку, а как только получил деньги, поспешил ото-
слать их Микку Ливестону в Нью-Йорк для пе-
редачи жене и сыну. Денег было столько, что он
смог окружить эту женщину, столько пострадав-
шую из-за меня, большой роскошью, даже чем та,
какую она знала в доме своих родителей, — и это
делало меня счастливым. Первое время она писа-
ла мне и говорила в письмах о своей новой жиз-
ни; я послал эти письма на груди, под сорочкой,

как драгоценный талисман, и дорожил ими больше, чем если бы это были слитки чистого золота. Весной я отправил Ливестону двадцать тысяч долларов для нее и получил от него расписку в получении этих денег и заявление, что моя жена уехала в Чарлстоун навесить сына, который там работал, и по возвращении своим оттуда обещала написать мне.

— Это было спустя года полтора после моего отъезда из Нью-Йорка. С этого времени я ни от жены, ни от сына не получал никаких вестей. Между тем дело в наших рудниках шло так блестяще, что мы могли считать себя обеспеченными на всю жизнь и надеялись в несколько лет стать всецельными ботачами в Америке. Но я действительно не мог примириться с отсутствием всяких известий от тех, ради кого и для кого работал, и по осени уехал в Нью-Йорк, несмотря на энергичный протест моего компаньона, который ничего не мог поделать без меня. Не останавливаясь нигде в пути, я прямо с вокзала поехал к своему дому, но нашел его запертым: вся мебель была вывезена, нигде не было никаких признаков жизни. На мои расспросы соседи сообщили мне, что моя жена умерла с голоду! Да, прямо с голоду, так как этот негодий, которому я высылал деньги, выдавал ей и сыну в течение первого года небольшие суммы, а когда получил от меня крупную сумму, то бежал из Нью-Йорка, не оставив жене моей ни гроша, и с тех пор прекратил ей всякую выдачу денег, сына же моего он увез с собой под предлогом дела в Сусерп-Сити, уверив его, что, по дошедшим из наших рудников слухам, я умер от оспы, не оставив ни гроша. О, что бы я дал теперь, чтобы вновь вернуть к жизни

...и этого негодяя и задавить его собственными
руками!

— Но что же случилось с вашим сыном? — спросил я, заинтересовавшись рассказом Блэка.

— Что с ним случилось? — повторил мрачным тоном капитан. — Он отправился на юг, где ему сулили хорошие заработки, уехал в надежде, что будет иметь возможность высылать матери деньги. Но едва прибыл в Чарлстоун, как Ливестон, зная, что через месяц-другой мне станет известно о его поведении, захотел избавиться от лишнего свидетеля и отправил его в Панаму, где тот и умер от лихорадки. Там его и похоронили. Между тем я вернулся домой богачом; все мои чемоданы были полны банковскими билетами. Но деньги жгли мне руки с того момента, когда я узнал, что те, для кого я копил их, для кого берег, уже не нуждаются в них. В то время я еще не знал о смерти моего сына, но, перестав пить, понял, какое неоцененное сокровище была моя жена, и я полюбил ее всеми силами своей души; ее ужасная смерть чуть не лишила меня рассудка. Придя же в себя, я стал совершенно пным человеком. В моей душе кипела такая ненасытная злоба, такая ненависть ко всему людскому роду, что я был рад отомстить людям за все, что они сделали, рад был видеть их муки и страдания, упить их кровью.

Между тем мой компаньон присылал мне из наших рудников, из Мичигана, по тысяче долларов и больше в неделю, и я мечтал только о том, как бы вызвать к себе своего мальчика, а потом вымучить жизнь из того негодяя, который дал умереть моей жене голодной смертью. Все, что мне было тогда известно, это то, что мой сын по-

кинул месяца три тому назад Чарлстоун, чтобы
отправиться в Бахаму. Но с тех пор ни о нем,
ни о том судне, на котором он отбыл, не было
ни слуху ни духу. Я поставил на ноги всю
сыскную полицию, платил им бешеные деньги, и
эти люди вывели наконец, что Ливестон отпра-
вился в дальнее плавание на одном из своих су-
дов в Рио или даже еще дальше на юг. Это изве-
стие точно раскаленным железом ожгло меня. Я знал,
что поделаться с ним что-нибудь по закону не мог,
разве только судиться за присвоение этих жалких
двадцати тысяч долларов, чего вовсе не хотел.
Мне нужна была его жизнь, и я сам лично хотел
придушить его. В этом одном я видел утешение и
облегчение своим сердечным мукам. Я стал посе-
щать все трущобы, собирать всех негодяев, воров,
разбойников и убийц, скрывавшихся от кары пра-
восудия, и определял их к себе на службу. Меньше
чем в один месяц у меня был уже шитовой па-
роход, вместимостью в шестьсот тонн, с медной
броней и сильным ходом, и экипаж, состоящий
из самых отъявленных негодяев, каких когда-ли-
бо производил свет. Судно свое мы сильно воору-
жили, равно как и весь экипаж, и, не теряя вре-
мени, отправились прямо в Рио.

Здесь мы узнали, что Ливестон отплыл в Буэ-
нос-Айрес, но что через месяц его ожидали обрат-
но в Рио. Мы в тот же день пошли дальше к югу,
держась вблизи берегов, и вот счастье помогло
мне. Пробило восемь склянок; экипаж собирался
идти обедать, когда мой помощник заметил у нас
под левым бортом судно. Через полчаса мы
были уже бок о бок с ним. Человек, отозвав-
шийся на мой оклик, был не кто иной, как
Мик Ливестон. Увидев меня на корме па-

оун, чтобы
ни о нем,
и, не было
ноги всю
деньги, и
тои отпра-
своих су-
Это изве-
я. Я знал,
у не мог,
х жалких
не хотел.
чно хотел
ешенне и
гал посе-
ев, воров,
ары пра-
у. Мевее
овой па-
медной
стоящий
огда-ли-
о воору-
оя вре-

в Буэ-
обрат-
к югу,
помогло
ирился
у нас
мы
са мы
гозав-
как
на-
е

хода, он весь позелелел и крикнул, чтобы
отошел от него, если не хочу получить дулю в
лоб. Но меня вид этого человека довел до сума-
шествия, и я приказал открыть огонь по его суд-
ну из всех орудий разом, и в несколько минут
мы очистили всю его каюту и распесли все, что
там было; он же лежал плашмя на животе и мо-
лил о пощаде. Я потребовал шлюпку и взобрал-
ся к нему на судно; он корчился от страха и пол-
зал у меня в ногах, как гад. На мой вопрос, где
твой сын, он отвечал, что он умер в Папане от
лихорадки; после того, снова плача, как женщи-
на, негодяй стал молить о пощаде. Я вынул свой
нож и сам, своими руками, перерезал ему горло
от уха до уха, затем выбросил тело его, изрублен-
ное на куски, на съедение акулам. Видит Бог, что
я тогда был не в своем уме, как это часто быва-
ло со мной и впоследствии; мною овладевает по-
рой какое-то слепое бешенство, какая-то страш-
ная ярость; я не помню себя; в глазах у меня сто-
ит кровавый туман; я задыхаюсь от злобы и не-
равности ко всему человечеству.

Покопчив с судном Ливестона, мы пошли в Па-
пану, и там я разузнал все о смерти моего сына,
нашел могилу его и пробыл там до тех пор, пока
не украсил ее, как только умел. Затем я решил
вернуться в Нью-Йорк, но по пути моя команда,
которой проделка на судном Ливестона при-
шлась по вкусу, помимо меня, так как я был
мертвецки пьян в это время, задержала какой-то
бриг и открыла по нему огонь. Забрав все, что
там имелось, эти звери пустили бриг ко дну из
чистого озорства, и я не остановил их, так как
мне было не до них; у меня все в душе перевер-
нулось; я был запоем все время; когда им возду-

малось проделать то же самое с еще дюжиной других судов, я не воспрепятствовал им. А к тому времени, когда мы снова вернулись в Нью-Йорк, я уже вошел во вкус этой новой работы, которая в пылу опасности помогала мне забыть о человечестве, вправе поднять свою руку на весь проклятый род людской, творящий столько зла и порождающий столько несчастий. Это новое дело, кроме того, доставляло нам груды денег, и вот однажды я услышал в Нью-Йорке, что на море появились пираты, и у меня вдруг явилась мысль, что, имея я подходящее судно, я очистил бы весь Атлантический океан. Грандиозность смелого дела, страшный риск, сопряженный с ним, ежеминутная опасность — все прельщало мое воображение.

Забрав в голову эту мысль, я по прибытии в Нью-Йорк не распустил своего экипажа и вскоре отправился в Мичиган, к своим рудникам. Мой компаньон оказался чрезвычайно добросовестным человеком и продолжал выплачивать мне мою долю. К этому времени в моем распоряжении было не менее миллиона фунтов стерлингов. Тут я встретил Карла Ремей. Последний, убежденный в том, что движущая сила будущего — газ, предлагал применить его для работ по извлечению руды, затем проектировал движимый газом катер для перевозки руды. У меня явилась мысль дать ему возможность осуществить его идею в более грандиозных размерах — построить большое судно с газовыми двигателями и с помощью этого судна открыть пиратство на широкой погу, громить и губить один за другим все встречные суда на всем пространстве необъятного Атлантического

В моих глазах это было не что иное, как борьба одного человека против всего человечества. Это возбуждало меня, горячило мою кровь и действовало на меня более опьяняющим, более удуряющим образом, чем вино. Пока проект такого судна разрабатывался немецким инженером, я со своим прежним экипажем на винтовом пароходе «Росса», вооружение которого было еще усилено к этому времени, в течение трех месяцев задержал двадцать судов и забрал товаром и деньгами свыше двухсот тысяч долларов. Но я сознавал, что для нас было крайне неудобно и даже небезопасно заходить в порты, чтобы брать уголь, и не иметь в целом мире надежного убежища.

Меня выручил тот же Карл. Этот удивительный, гениальный человек указал мне фьорд к северу от колонии Годшааб, где он раньше бывал, и подал мне мысль устроить там недоступный укрепленный замок. По его плану в Италии для меня построили мое судно из фосфористой бронзы. Применение этого металла в качестве строительного материала также было идеей Карла. Действительно, лучшего материала для судов не существует, но ввиду его огромной стоимости он не всем по силам; я же не жалел денег на это судно, и оно стало зато красой морей, царственным судном над всеми другими судами... Да, другого такого судна не было и не будет. С ним я был всемогущим, всесильным царем и владельцем морей. Оно было таким же редким произведением искусства, такой же драгоценностью, как любая художественная миниатюра или драгоценный камень, которых я считал себя страстным любителем и знатоком. Эта страсть и столк-

пула меня с Холлем. Я, конечно, сразу признал его, несмотря на переодевание, так как видел, когда он прокрадывался в Специи в мою комнату, и с того самого времени постоянно следил за ним. Он был бы и сейчас жив, если бы не вздумал выслеживать меня. Мы наказали его за любопытство и коварные намерения, но я отдаю ему должную справедливость: это был отважный, смелый человек; хотя косвенно, но он довел меня до этого положения, он, а не вы...

— И высшее правосудие Божие! — добавил я.

— Может быть, и это! — согласился Блэк. — А все-таки, случись со мной то, что случилось семь лет тому назад, когда я стал пиратом, я сделал бы опять то же самое. Но что говорить об этом?! Теперь уже все кончено! Через сутки вы останетесь одни в этой лодке, мой милый мальчик: я чувствую, что во мне все уже умерло, да без своего судна я и не хочу и не могу жить; я пойду ко дну, как опс!

Он смолк. Казалось, что его длинная исповедь совершенно истощила его силы. Время было близко к полудню; день был томительно жаркий; даже крашеные борта лодки накаплились до того, что жгли руку. Нас томил мучительная жажда. Я тянул глоток за глотком воду, захваченную мною с судна, а Блэк продолжал пить шампанское, усиленно стараясь дойти до полного опьянения, что ему, в сущности, очень плохо удавалось.

Час проходил за часом, а я все напрасно окидывал горизонт тревожным взором, надеясь увидеть вдали какое-нибудь судно. Сколько печальных, безотрадных мыслей проносилось у меня в голове, сколько горячих молитв возносил я к Бо-

за это время! А Блэк все пил и пил. Наконец
стал замечать, что вино начинает действовать
и им овладевает прежнее безумие, при-
ход той белой горячки, которой он был подвер-
жен. Несколько раз он громко звал жену, сожа-
лел о прошлом, в горячих словах говорил ей о
своей любви, затем начинал шептать что-то о сво-
ем сыне, восклицая: «Боже мой, мое судно гиб-
нет! Спускай шлюпки!» Затем он с яростной зло-
бой послал проклятия тому американцу, которо-
го зарыл живым в снеговую могилу и который те-
перь, в этот страшный момент, оживал в его па-
мяти. Но я тогда положительно умираю от озно-
ба и истощения сил и, как бы в полусне, смутно
ознавал, что происходит вокруг.

Между тем солнце спустилось уже за гори-
зонт. Увидеть еще раз рассвет я уже не надеял-
ся. Но это теперь даже не огорчало меня, до того
я был измучен и утомлен. Когда же Блэк укрыл
меня, я сразу заснул, тяжелым сном, как после
сильного хмеля.

Я помню, что в продолжение почти дважды
проснулся на минуту, затем снова впадал в тя-
желое забытие. Мне помнится, как сейчас, что я
видел вверху звездное небо, а прямо над собой
воспаленные, безумные глаза Блэка, судорожно
вцепившегося руками в борта лодки, и этот взгляд
давил на меня, как свинцовая гиря. В другой раз
я увидел бледную полосу варожавшегося рас-
света и почувствовал капли теплого дождя па-
своем лице, но я не слышал ни одного звука, кро-
ме плеска волны о лодку. Повернувшись в полу-
сне, я снова вабылся: мне показалось, будто я
слышу голос несчастного, вызывающего ко мне из
воды, я хотел помочь этому человеку, рука кото-

рого еще виднелась над водой и звала меня на помощь, но какая-то неведомая сила точно железными клещами давила меня, не давая возможности подняться и даже шевельнуть ногой или рукой. Когда я наконец совершенно проснулся, то понял, что мою лодку зацелили багром и тащат к большой шлюпке, в которой было много матросов. Я поднялся и стал протирать глаза, затем разобрав, что эти люди кричали мне что-то немейцки, и вдруг увидел, что я один в лодке: Блэка не было со мной!

Взглянув кругом, я увидел недалеке длинный черный пароход. Матросы перетаскивали меня в свою шлюпку и стали успокаивать самым сердечным, задушевным тоном. Но меня преследовал мой страшный сон, и теперь мне казалось, что этот голос, который я слышал во сне, был голосом Блэка, звавшего меня в тот момент, когда он бросился в море искать смерти в волнах Атлантического океана.

Действительно ли погиб этот человек, кончил ли он с этой жизнью, которая являлась сплошным рядом самых ужасных преступлений, или же он каким-нибудь чудом нашел себе спасение в то время, когда я спал, я не мог решить. Вдруг я ощутил на себе тот шелковый пояс, о котором мне говорил Блэк, и понял, что он весь был набит камнями. Тогда мне все сразу стало ясно: этот человек даже в последний момент своей жизни подумал обо мне, надел на меня свой пояс и завязал его крепким морским узлом. Значит, до самого последнего момента своей жизни он сохранил свою привязанность ко мне. Но ведь эти драгоценные камни представляли собой часть награбленных им богатств! При мысли об этом у

меня явилось непреодолимое желание сорвать с себя этот пояс и бросить все заключавшиеся в нем драгоценности в море. Но мои закованные пальцы не могли распутать узел.

Наконец я очутился на палубе «Надежды», как называлось немецкое судно; меня обступили офицеры, все пожимали мне руки, говорили какие-то приветствия; экипаж также столпился вокруг меня и громким, радостным криком приветствовал мое спасение. Но я чувствовал такую непреодолимую слабость, что едва сознавал, что происходило вокруг меня, и не мог отвечать этим добрым людям. Мои спасители ласково повели меня вниз, в каюту капитана, и уложили в его постель. Машинально опустившись на нее, я тут же лишился чувств; по вскоре, как оказалось, обморок перешел в крепкий сон, длившийся несколько часов.

Когда, выспавшись как следует, я открыл глаза, мне принесли тарелку горячего бульона и стакан крепкого вина. Это значительно подкрепило мои силы, и я почувствовал себя как бы воскресшим к новой жизни. Совершенно отнувшись на копец, я заметил, что с меня сняты платье и сменили белье. Пояс мой, то есть Блэка, лежал у меня в ногах нетронутый. Он не был особенно тяжел, так как камней в нем было не особенно много, судя по всему; сделан он был из цельного шелкового шарфа и плотно зашит на концах. Я долгое время не решался распороть его, наконец, захватив зубами узелок нитки, откусил его и потянул за нитку. Тогда на колени ко мне выпали из пояса один за другим крупные алмазы самой чистой воды. Такой красоты камней я никогда не видел; я невольно влюбовался ими, восхищен-

ный и ослепленный их блеском, и продолжал тянуть петлю, пока не распорол весь пояс. На коленях, на одеяле, у меня лежало теперь не менее 50 штук великолепнейших алмазов, огромный изумруд, несколько превосходных черных жемчужин и редких по своей красоте рубинов. Тут же была сложная в несколько раз записка, в которой я прочел трогательные слова: «Сын мой, — я вас считаю своим сыном и потому говорю вам: «сын мой», — возьмите эти камни; они добыты мною честным путем, так что ваша совесть не будет упрекать вас за них. Позвольте мне написать вам, пока еще можно, что я, видит Бог, любил вас. Но забудьте этого, сын мой, и вспомните об этом, когда станете забывать капитана Блэка!»

Больше ничего! Я читал и перечитывал эти строки и едва верил своим глазам. Эти камни, — их было тут по меньшей мере на 50 тысяч фунтов стерлингов, — представляли собой громадное состояние, совершенно неожиданно упавшее мне с неба. Я проворно оделся, собрал камни обратно в пояс и, завязав их просто в узел, который затем повязал себе на шею, вышел на палубу.

День был ясный и радостный; но мне почему-то не верилось, что от безымянного судна и его экипажа не осталось нигде ни малейшего следа.

«Надежда» шла в Кепингсберг, но мне удалось сговориться с капитаном, и он любезно согласился зайти в Сусемптоп, чтобы высадить меня там: меня непреодолимо тянуло поскорее увидеть своих друзей, очутиться опять на родине. Перед тем как расстаться, я уговорил капитана Вольфрама принять от меня на память один из моих алма-

...другой про
...между эки
...сь, я сел
...меня на
...я вдруг
...и Дэв
...По м
...стала к
...олосом окли
...Эй, кто т
...Эй, эй! —
...я брежу, ил
...друг засует
...ем потерял
...видит Бог,
...то он, или я

Я забежал п
...рый Дэв успе
...завления. Тогда
...асая мою руку
...как бы жел
...ся.

— Где же Ро
...Там, вниз
...Хотите, я
...Но я уже са
...дверь в как
...те, как выход
...ари, сильно

...а другой продать и вырученные деньги поде-
лить между экипажем. Затем, трогательно про-
стившись, я сел в шлюпку, которая должна была
отвести меня на берег. Но, проезжая мимо разных
зданий, я вдруг узнал в числе других мою яхту
«Сельзис» и Дэна, расхаживавшего взад-вперед
по палубе. По моей просьбе шлюпка с «Надеж-
дой» пристала к яхте, и я дрогнувшим от волне-
ния голосом окликнул Дэна.

— Эй, кто там? Спусти лестницу, Данпаль!

— Эй, эй! — откликнулся старик. — Да что,
или я брежу, или то сам наш господин! — И ста-
рик вдруг засуетился, стал кидать канат, словом,
совсем потерял голову, приговаривая все время:
«Вот видит Бог, это наш господин! Ну да, конеч-
но, это он, или я пьян!»

XXV

Мое удивление

Я взбежал по трапу «Сельзис» прежде, чем
старый Дэн успел прийти в себя от радости и
удивления. Тогда старик подбежал ко мне и, по-
трясая мою руку, уставился на меня во все гла-
за, как бы желая увериться, что ему не гре-
зится.

— Где же Родрик и Мэри? — спросил я.

— Там, внизу, спят, покушали и легли отдох-
нуть! Хотите, я разбужу их?

Но я уже сам пошел тихонечко вниз и, отво-
рнув дверь в кают-компанию, остановился на по-
роге, как выходец из мертвых. Детское личико
Мэри, сильно похудевшее и печальное, поразило

меня. Она сидела над книгой, лежавшей перед ней на столе, опустив голову на руки, с печальным выражением в прекрасных темных глазах, а Родрик, по обыкновению, лежал на диване и крепко спал.

Никто из них не заметил, как я тихою отворил дверь и вошел. Я стоял и смотрел на этих двух дорогах мне людей молча и не шевелясь, как зачарованный.

Вдруг Мэри подняла головку — и глаза наши встретились; я не выдержал, перегнулся к ней через стол и крепко поцеловал. Она ухватила за меня и могла смотреть на меня глазами, полными слез. Минуту спустя лицо ее озарилось чисто детской радостью: не только губы ее, но и глаза, и ямки щек смеялись, и тогда она заговорила, как та прекрасная Мэри, которую я знал с детства.

— Марк, голубчик мой, я просто не могу поверить, что это вы! — И она держала меня крепко своими маленькими ручками, точно опасалась, что я опять исчезну. — я всегда думала, что вы вернетесь!

При звуке ее голоса проснулся и Родрик, зевнул, протирая глаза, наконец, при виде меня, словно во сне проговорил:

— А, это ты...

Чай, налитый мне Мэри, казался особенно вкусным и ароматным, равно и сигары Родрика. В этот день мы долго просидели за столом. Я рассказал друзьям о своем пленении, хотя, конечно, только в общих чертах. А они сообщили мне, в свою очередь, о своих тревогах и беспо-

койстве со времени моего исчезновения, а также о том, что они предпринимали, чтобы напасть на мой след. Оказалось, что, когда я не явился к условленному часу в гостиницу, Родрик поспешил на нашу яхту и, узнав от Дэпа о моем намерении, тотчас же обратился в сыскную полицию. Но в это время я лежал уже в шлюпке под кормой у «Лабрадора», так что ловким нью-йоркским сыщикам не удалось даже напасть на мой след.

Однако сыскная полиция продолжала следить за Паоло, оставшимся в Нью-Йорке, но поймать его живым не удалось: кто-то из собутыльников в одной из грязных харчевен застрелил его. Он прожил всего несколько часов, успев только послать записку Мэри с извещением, что ее престные глаза спасли «Сельзис» от окончательной гибели среди Атлантического океана. В тот же день Родрик и капитан предали гласности все, что им было известно о капитане Блэке, его экипаже и его образе действий. Это вызвало неслыханное волнение повсюду, куда только дошли эти вести, немедленно разнесенные телеграфом во все концы света. Все правительства и все судовладельцы до того всполошились, что некоторое время торговля на Атлантическом океане приостановилась, пассажирские пароходы вооружились артиллерией; военные крейсера были высланы для охраны больших океанских пароходов. Однако сыскной полиции не удалось напасть на мой след.

Вдруг Родрик получил телеграмму от инспектора сыскной полиции Кинга, что Блэк и я находимся в Лондоне, но, когда мой друг прибыл туда, меня уже не было; он вернулся обратно в Сусемптон, чтобы выжидать там дальше изве-

ствий о преследовании безымянного судна, за которым вышли в погоню несколько броненосцев.

Мы долго-долго говорили обо всем этом; чьи-то прелестные томные глазки горели ярким огнем; чья-то милая маленькая ручка не переставая сжимала мою руку; даже Родрик как будто стряхнул с себя свою вечную сонливость и оживился.

— Завтра, — кончил он беседу, — мы все отправимся в Лондон, там ты потребуешь пазначенные адмиралтейством пятьдесят тысяч фунтов за поимку капитана Блэка или его безымянного судна и другие двадцать тысяч фунтов, обещающих паровой командой «Черного якоря», так что теперь ты человек, обеспеченный на всю жизнь. Затем ничто не мешает нам отправиться в таинственный фьорд, служивший убежищем судам капитана Блэка на севере Гренландии, и выгнать оттуда тендер Блэка, ускользнувший от броненосцев. Это будет интереснейшее путешествие, какое только можно придумать!

— Ну а что скажет на это Мэри? — спросил я.

— Я не намерена больше отпускать вас от себя, Марк! — отвечала девушка с очаровательной улыбкой и крепко прижалась ко мне.

В этот момент на палубе над нашей головой послышались сильный топот нескольких десятков ног и веселые голоса людей моего экипажа. Я поспешил наверх поздороваться с ними. Непридуманная радость и сердечные приветствия этих добрых, привязанных ко мне людей, которых и сам я привык любить и уважать, тронули меня до глубины души. Но в этот радостный и торжественный момент моей жизни, когда спяющие ра-

...тью глаз
... губки
...то воспо
...встал
...человек, или
... жутких
...душу кая
...Что-то
...глубоко
...бе могли
...каким б
...кроет, ка

достью глазки Мэри смотрели мне в лицо, а ее
алые губки улыбались мне, в моей душе вдруг
ожило воспоминание о капитане Блэке, и сам со-
бою встал вопрос, действительно ли умер этот
человек, или, быть может, мы снова услышим о
его жутких подвигах, вселявших страх и ужас
в душу каждого, кто имел случай сталкиваться с
ним. Что-то говорило мне, что это был сильный
и глубоко несчастный человек, который нашел
себе могилу на дне океана, могучего и властно-
го, каким был сам он в дни своего могущества...
Впрочем, как знать?!

Пембертон М.
П23 Железный пират. — Л.: Час пик, 1992. —
256 с., илл.

Главный герой приключенческого романа Макса Пембертона, совсем еще молодой человек Марк Стронг, оказывается волей случая посвященным в тайну пиратской шайки, грабившей пассажирские суда в океанских просторах. Марк и его друзья вступают в единоборство с главарем пиратов — капитаном Блэком. Долго длилась эта смертельная схватка, и не раз храбрые молодые люди оказывались на краю гибели, но справедливость в конце концов восторжествовала.

Роман «Железный пират» читается с неослабевающим интересом и привлечет особое внимание подрастающего поколения.

ПЕМБЕРТОН Макс
ЖЕЛЕЗНЫЙ ПИРАТ
Роман

Ответственный за выпуск *Е. Б. Никанорова*. Художественный редактор *А. А. Власов*. Технический редактор *В. И. Демьяненко*. Корректор *Н. И. Васильева*.

ИБ № НК

Сдано в набор 29.10.91. Подписано к печати 21.01.92. Формат 70×100^{1/32}. Бумага газетная. Гарн. об. нов. Печать выс. Усл. печ. л. 10,4. Усл. кр.-отт. 10,73. Уч.-изд. л. 9,91. Тираж 100 000. Заказ № 924.
«Час пик». 191040, Санкт-Петербург, Невский пр., 81.
Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

МАКС ЛЕМБЕРТОН

ЖЕЛЕЗНЫЙ
ПИРАТ

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190